

Международная академия исследований будущего
Академия прогнозирования

И. В. Бестужев-Лада

Очень уж краткая
ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

с древнейших времен
до наших дней и даже
несколько дольше

Не монография!
Не учебник!
КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Москва
Институт экономических стратегий
2007

УДК 930.85
ББК 63.3:60.5
Б537

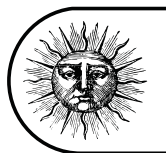
Разработка серийного оформления: Б. Д. Шульгин

ISBN 978-5-93618-135-1

© И. В. Бестужев-Лада, 2007
© Международная академия
исследований будущего, 2007
© Академия прогнозирования, 2007
© Институт экономических
стратегий, 2007

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1. Предыстория человечества — у истоков Мироздания	8
Глава 2. Первобытная община	26
Глава 3. Древний мир	36
Глава 4. Античная цивилизация	64
Глава 5. Средневековье	96
Глава 6. Ренессанс (Возрождение)	108
Глава 7. Декаданс (упадок)	138
Глава 8. Конвульсии предпоследнего века	156
Глава 9. Переход в качественно новое состояние.	202
Глава 10. «Лучистое человечество»	216

ПРЕДИСЛОВИЕ

Летом 1971 года, при очередном погроме советского обществоведения, мне устроили нечто вроде «домашнего ареста» сроком на год. Разрешили взять неиспользованные за много лет отпуска, сдать сектор социального прогнозирования Института социологических исследований АН СССР своему заместителю и уехать на дачу заниматься чем угодно, только не публиковаться, не выступать и не выезжать. Это было, конечно, сравнительно легкое наказание, и я решил потратить столь неожиданно подаренное мне время на работу над давно задуманными книгами.

Книг было две. Одна, посвященная проблеме бессмертия. Другая — истории человечества.

С первой книжкой справился быстро. Прочитал все, что мог найти в библиотеках по этой теме. И высказал собственное мнение. Оно получилось печальным. Абстрагируясь от религиозного понимания бессмертия (в ту пору я был атеистом), пришел к выводу, что физическое бессмертие есть абсурд, порождение чисто животного «инстинкта жизни» и что смерть — такое же благо для растительного и животного мира, как двуполое размножение.

Конечно, преждевременная смерть — горе. Но когда вырастил детей и нагляделся на внуков — надо уступать дорогу следующим поколениям. Иначе и 1000-летнему Рюрику тошно будет сидеть в нынешних «пробках», и человечеству (как и вообще любой популяции) придет конец. Понятно, с такими мыслями нечего было и думать о публикации. Так и осталась лежать у меня в столе тоненькая рукопись под названием «Трактат о бессмертии».

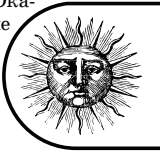
На вторую книгу времени ушло больше. Я просмотрел в библиотеках несколько десятков «Историй человечества» на доступных мне четырех языках. Про-

должать в том же духе бессмысленно. Когда таких книг десятки, содержание сливается в одно, и книга от книги отличается лишь степенью враждебности автора к предмету изложения или к коллегам. Писать еще одну такую же? Жалко времени. Тем более что писать придется либо «применительно к подлости» (М. Е. Салтыков-Щедрин), либо «в стол».

И родился замысел. Во-первых, начать с предыстории человечества, то есть с истоков Мироздания, на что мало кто отваживался. Во-вторых, изобразить историю человечества как небольшую поэму в прозе, которую было бы интересно читать. Задумано — сделано. И на менее чем сотне страниц появилась поэма в прозе о микромире атома, мегамире космоса и макромире нашей планеты (до появления на ней человека).

Но возникло непредвиденное затруднение. Ока-зывается, всю эту предысторию изучают разные науки. А в каждой науке — разные научные школы, естественно, враждебные друг другу. Пришлось каждую строку согласовывать со специалистом — физиком, астрономом, биологом... Их рецензии — разгромные. И всё — сначала.

От первоначального замысла ничего не осталось. Какая там «поэма в прозе»! Уже и замахиваться на историю человечества стало страшно. Разобраться бы с предысторией! Столько раз вставлялись явно «посторонние» разделы (для придания тексту «солидности»), и столько же раз выбрасывались выстраданные строки (для избавления от «крамолы»). Детище перестало быть любимым. Получилась заурядная научно-популярная книга о нашем Мироздании. Пятнадцать лет длился титанический труд. Сегодня в такое трудно поверить. Но тогда это было обычным делом. Летом 1987 года книга «У истоков мироздания» вышла в Детиздате стотысячным тиражом. И разошлась тем же летом. Сегодня то и другое представляется фантастикой.

А вот до «Истории человечества» дело так и не дошло. При одной мысли о том, что снова придется испытать пятнадцатилетнюю муку (без отрыва, кстати сказать, от «основного производства»), меня брала оторопь. Поэтому, дойдя на странице 177 до момента появления на Земле человека, я закончил рукопись словами: «Он заслуживает особой книги».

Теперь черед этой книги наступил.

Конечно, содержание первой книги для связности изложения пришлось повторить. Но очень кратко — в первой главе. Появились и некоторые уточнения — книга-то писалась не в 1971-м, а в 2006-м.

Что касается остальных глав, то они отличаются от большинства «историй человечества» тремя особенностями...

Во-первых, в них нет имен исторических персоналий. Книга-то не о людях, а о человечестве. Автору, как историку, самому необычен и труден такой подход. Но ведь надо же когда-то написать о человечестве в целом как об особом социально-биологическом организме. Хотя и состоящем из биологических элементов — людей. Разумеется, исторические деятели играют свои роли. Но зачем же такая пустяковая деталь, как имя?

Во-вторых, в книге нет истории государств. О них упоминается лишь в связи с судьбами человечества. Когда-то человечество существовало, а государств не было. Позднее государства появлялись, исчезали, снова появлялись. Как «машины насилия», о которых нужна особая книга, но другая книга. Разумеется, от определенных исторических ареалов (стран) никуда не денешься. Равно как и от разных эпох, от разных деятелей. Но историческое время-пространство едино, и оно должно быть структурировано настолько четко, чтобы не утомлять читателя перечнем имен, государств, городов.

В-третьих, лежащая перед вами книга — не «история человечества» в ее традиционном варианте «кладбища имен и дат», ненавидимом школьниками. Но это и не философия истории — размышление о произошедших событиях, абстрагированное от них. Это — нечто среднее: хронологическое изложение основных исторических событий с попытками осмысления их.

Насколько это получилось — судить читателю.

И еще одно необходимое замечание. Наука — это знание. Философия — размышление. Религия — вера. Было много попыток «скрестить» эти качественно разные, разноплановые формы общественного сознания. Ничего из этого не получилось. И не могло получиться. Читатель сам увидит, где мы в книге имеем дело с историческим знанием, где — с философией истории. Что же касается истории человечества в свете религии — это тема особая. Я могу только сказать, что принадлежу к Русской Православной Церкви. Но никто не дал мне права выступать от ее имени.

Глава 1. ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — У ИСТОКОВ МИРОЗДАНИЯ

Есть только миг между прошлым и будущим.

Именно он называется Жизнь.

Современная шлягерная мудрость

1

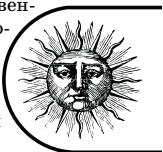
Человеку не дано понять, как устроено Мироздание, в котором он обитает. По той причине, что его разуму недоступно понятие бесконечного. Речь, понятно, идет об обычном человеке. Философы, математики, физики и прочие абстрактные мыслители — не в счет. Как только речь заходит о бесконечном — все равно о чем: об очередях, неприятностях, Вселенной, — обычный человек тут же задается вопросом, кто крайний, что дальше, что там, за бесконечностью? Поэтому лучше не обременять его такими абстракциями. Как постараемся не огорчать его столь же непонятной ему абсурдностью бессмертия (физического).

Кстати, это даже хорошо, что Человеку неведомо его Мироздание. Ребенку свойственно ломать игрушку, лишь только он сообразит, как это сделать. Вполне достаточно, что Человек уже испакостил свою «малую вселенную» — земную поверхность. А тут он приугодил бы себе могилу уже не в земных, а в космических масштабах.

Поэтому в отношении Мироздания Человеку приходится довольствоваться тем, что он видит (или предполагает, что видит) воочию. Видит не просто Мироздание, а целых три мира, непохожих друг на друга, как красное, быстрое и круглое.

Первый мир, лежащий в основе двух других, — мир атома, микромир. Мы сталкиваемся в жизни только с его поверхностью — молекулами, атомами. Молекула — это упорядоченная совокупность атомов, а сам атом бесконечен, как Вселенная. Его бесчисленные структуры заселяют ступеньки бесконечной лестницы своих структур. Как только остановишься на какой-нибудь ступеньке — сразу вопрос: а что дальше? А дальше — новая ступенька, и так без конца.

Для наглядности атомы иногда сравнивают с Солнечной системой. В центре — Солнце, ядро, в котором сосредоточена почти вся масса атома. Вокруг ядра вращаются по своим орбитам элементарные частицы (разумеется, сходство чисто внешнее; напомним, что это — *другой* мир). Но ведь и в ядре, и в элементарных частицах могут существовать свои собственные структуры, субструктуры и так далее, напоподобие матрешек — одна в другой. Так физики додумались до мысли, что при определенных условиях наша Вселенная могла бы сжаться до «точки» без времени и пространства. Далее мы увидим, к чему привела эта гипотеза.

Пока что физики добрались только до элементарных, субатомных частиц (электроны, позитроны, протоны и так далее). Но даже эти частицы ведут себя то как частицы, то как волны (на самом деле ни то, ни другое, их мир — *иной!*). Совершают миллионы оборотов в секунду (что представить никак невозможно), то и дело переходят из одного состояния в другое. В спокойном состоянии они — одни, тронешь — совсем другие, как взбалмошная супруга.

Один из физиков остроумно заметил, что даже ядро атома (не говоря уже об элементарных частицах) напоминает неприступный остров, окруженный стеной. Ни проломить стену, ни взобраться на нее нельзя. Можно только швырять через нее камни разного веса, с разной силой, а потом ждать, чем ответят на это «ос-

тровитяне». По их ответным камням — всегда строго соразмерным силе и весу брошенных за стену — можно судить о повадках обитателей.

Исследования физиков позволяют предположить, что Вселенная состоит из элементарных частиц, как океан — из капель. Частицы вездесущи и непрерывно взаимодействуют друг с другом. Они пронизывают нас и при известных условиях образуют атомы космических газов и молекулы космической пыли. А уж из газопылевых туманностей создаются планеты, звезды, галактики.

Большим достижением научной мысли стало понимание того, что Вселенная неоднородна, состоит из бесконечного множества разнокачественных областей (доменов).

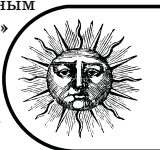
Пока ученые додумались до существования трех типов доменов: уже упоминавшейся точки, безразмерной во времени и пространстве (как раз это труднее всего себе представить); вакуума, где элементарные частицы настолько далеки друг от друга, что очень слабо взаимодействуют между собой; наконец, нашего собственного домена, нашего мегамира, который представляет собой процесс Большого взрыва вышеупомянутой «точки» и разлетающихся во все стороны галактик (что зафиксировано телескопами). Будет ли наш домен расширяться беспредельно или до определенных границ, после чего начнет снова сжиматься, ученым пока не ясно.

Астрономические исследования позволили сформулировать гипотезу, согласно которой Большой взрыв начался примерно 13 миллиардов лет назад и продолжается поныне. По ходу этого процесса, как уже говорилось, из элементарных частиц космоса образуются газопылевые туманности, а из них — небесные тела и их совокупности — галактики. Некоторые «продукты» взрыва — наиболее удаленные от нас — пока еще не поняты (их называют «квасарами»,

«пульсарами», «черными дырами» и тому подобное). Другие изучены лучше, и о них можно судить более уверенно.

Так, астрономы, изучив разные звезды на разных стадиях их развития, сформулировали теорию рождения, жизни и смерти звезды.

Звезды образуются из небесных частиц материи, «липнущих» друг к другу согласно закону всемирного тяготения. Если звезда получается «слишком большой» — она взрывается, рассеивает часть своей материи в пространство и постепенно, на протяжении десятков миллиардов лет, остывает светящимся «белым карликом». Если звезда оказывается «слишком малой» — термоядерные процессы в ее глубинах не успевают разогреть ее до свечения, и она в течение десятков миллиардов лет остывает несветящимся «черным карликом». Если звезда получилась «средней» (как наше Солнце), она способна устойчиво сиять примерно десяток миллиардов лет — наше Солнце прошло около половины этого пути — а потом начинается все тот же медленный процесс остывания.

Какие-то звезды так и остаются «одиночками», другие образуют «парные системы», а некоторые, как Солнце, окружают себя планетами-звездами. Из-за своей малой величины планеты Солнечной системы не могут ни разогреться, ни рухнуть на Солнце, а начинают обращаться вокруг него по определенным орбитам. И в том же пространстве вокруг Солнца вращаются по самым замысловатым орбитам множество небесных тел поменьше. Некоторые из них становятся спутниками планет и время от времени падают на их поверхность вместе с космической пылью.

2

Складывание планет происходит аналогично складыванию звезд — только в меньших масштабах. А далее

все зависит от того, какой величины планета и на каком расстоянии она находится от Солнца. Есть «малые планеты» — те, что поближе к Солнцу или, наоборот, очень далеки от него: Меркурий, Венера, Земля, Марс (об отдаленных мы знаем совсем мало). Есть «большие», за орбитой Марса: Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

О планетах нам важно знать одно: все мечтания давних и недавних лет о том, «есть ли жизнь на Марсе» (а также на всех других планетах и их спутниках), — увы, ненаучная фантастика. Пока мы не знаем, есть ли жизнь на планетах у ближайших к Солнцу звезд, — это так далеко, что вряд ли когда-нибудь узнаем, а если и узнаем, то вряд ли «дотянемся». Но то, что мы одни в Солнечной системе, а до других солнечных систем никогда не долетим — по крайней мере в нашем современном состоянии (нам придется говорить и о других возможных состояниях), — это уж точно.

Вместо того чтобы мечтать о «жизни далекой», лучше разобраться с двумя сказками, которые давно туманят голову и мешают трезво оценить положение вещей.

Сказка № 1 — «контакты с внеземными цивилизациями». Для ее оправдания есть только один резон: очень хочется. Все остальные доводы вопиют против таких контактов. Начать с того, что космические расстояния даже между близкими звездами настолько велики, что посылать на такие расстояния ракеты ли, сигналы ли — все равно что посылать их «в никуда». Но это — *для нас*, в нашем нынешнем состоянии. Для качественно иного состояния это может занять долю секунды. Иными словами, это означает встречу с *качественно иной цивилизацией*. Например, встреча человека с муравьем. О чем говорить этим двум соседникам: как лучше строить муравейник или Москву (хотя разница, казалось бы, небольшая)? Стоит ли гнать вместо муравьиного спирта кефир? Вот почему,

даже если более высокая по своему уровню развития цивилизация обладает техническими возможностями контакта с нашей, она не станет делать этого, как не станет разумный человек понапрасну ворошить мурейник.

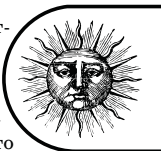
Сказка № 2 — «жизнь на Землю привнесена из космоса». Примитивность этой популярной сказки раскрывается простым вопросом: а кто привнес жизнь в космос? (Мы договорились — в этой книге не касаться религии).

Вместо сказок зададимся иными вопросами. Каким образом на Земле могла возникнуть жизнь? Почему жизнь возникла (хотя бы только в рамках Солнечной системы) лишь на Земле?

3

Геологи неплохо поработали и дали нам четкое представление о том, как складывалась планета Земля.

Как и все остальные планеты Солнечной системы, Земля сформировалась из газово-пылевого облака, вращавшегося вокруг Солнца. Это произошло примерно 4,5–4,6 миллиарда лет назад. Первоначально планеты должны были выглядеть более или менее одинаково. А затем уникальные характеристики Земли (масса, расстояние от Солнца и так далее) вызвали быструю эволюцию земной коры и атмосферы, эволюцию, какой не произошло ни на одной другой планете. Потребовалось 200–300 миллионов лет, чтобы литосфера, атмосфера и появившаяся гидросфера (тоже уникальное свойство Земли!) пришли в такое состояние, когда смогли возникнуть соединения все более сложных молекул. И вдвое больше лет, чтобы появились молекулы, способные воспроизводить себя, то есть появилась качественно новая форма существования материи — *жизнь* (3,8 миллиарда лет назад).

Длительность процесса образования органического мира из неорганического позволяет рассматривать этот процесс как сложную цепочку изменений, приведших в конце концов к переходу количественных изменений в качественные. Чтобы сложная совокупность молекул превратилась в самовоспроизводящийся *организм*, видимо, потребовалось слаженное, синергическое действие нескольких *механизмов*, давших такой эффект.

Среди подобного рода механизмов по значению выделяются механизмы: защитный (помогающий устоять от разрушения); переработки и обмена веществ (помогающий сохранить достигнутое состояние); воспроизведения себе подобных (сначала — простым расширением клеток организма, затем — все более сложными способами); мутаций (приспособления к изменяющейся среде); борьбы за существование (выживания в ухудшающихся условиях), естественного отбора (выживают наиболее жизнеспособные); заботы о потомстве (иначе рухнет процесс воспроизводства поколений); старения и смерти (для обеспечения жизненного пространства следующим поколениям и повышения тем самым жизнеспособности всей популяции).

При всем том остается вопрос о конкретном импульсе, который превратил сложную совокупность молекул в организм. Был ли это электрический разряд (молния), резкое изменение параметров среды при подводном извержении вулкана или какие-то другие природные катаклизмы (скорее всего сочетание нескольких таких факторов), мы не знаем. Знаем лишь, что для этого вовсе не требуется ни «привнесения из космоса», ни обязательного вмешательства каких-то сверхъестественных сил.

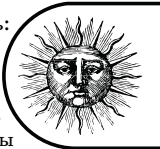
Вместо гаданий, подменяющих недостаток научных знаний, хотелось бы еще раз обратить внимание на уникальность ситуации: складывается благопри-

ятное сочетание множества разных условий, часто даже независимых друг от друга.

Земля не слишком близка к Солнцу (как Венера) и не слишком далека от него (как Марс). Из всех планет Солнечной системы только на Земле могла создаться устойчивая гидросфера — колыбель жизни. Вулканическая активность Земли достаточно велика, чтобы кое-где повышать температуру придонных слоев океана (обязательное условие возникновения жизни). Но не настолько велика, чтобы довести океан до кипения или хотя бы до температур, при которых разрушатся сложные молекулы. Магнитное поле и атмосфера Земли — хороший «экран» от избыточного солнечного излучения, но они все же пропускают часть лучей — как раз такую, которая благоприятна для возникновения жизни.

Все это говорится, чтобы еще раз подчеркнуть: на Земле создан уникальный «животворный оптимум», отсутствующий на других планетах. Возможно, это редчайшее (хотя вовсе не обязательно единственное) явление во всей нашей Галактике. И мы обязаны сделать все, чтобы этот оптимум сохранить. Это намного важнее любых контактов с любыми гипотетическими инопланетными цивилизациями.

Сделать это тем более необходимо, что данный «животворный оптимум» вовсе не гарантирован нам не только на миллионы и миллиарды лет, но даже на ближайшее время. Земная кора отнюдь не так устойчива, как кажется. Она состоит из огромных тектонических плит, которые миллионами лет то «сталкиваются», то «расползаются». Масштабное вмешательство человека может резко ускорить эти процессы, спровоцировать усиление вулканической деятельности, создать на земной поверхности парниковый эффект и повысить уровень Мирового океана за счет таяния льдов Антарктики и Арктики. Тем са-

мым изменить центр тяжести вращения Земли вокруг своей оси и вызвать катастрофические изменения климата.

И это не говоря уже о том, что падение на поверхность Земли крупного небесного тела или резкое изменение космического облучения планеты способны вызвать глобальную катастрофу (последняя такая катастрофа случилась 70–67 миллионов лет назад). Да и катастрофы поменьше в современных условиях могут означать миллионы и миллиарды человеческих жертв.

Словом, мы должны не только благодарить Бога за уникальные условия для жизни на Земле, но сами делать все возможное, чтобы сохранить «животворный оптимум», не дать нашей планете деградировать в этом отношении до уровня других планет Солнечной системы.

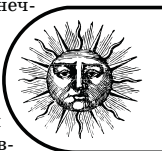
4

Далее история возникновения и развития жизни на Земле прослеживается по остаткам (отпечаткам) скелетов организмов, существовавших миллиарды и миллионы лет назад:

- сначала организмы «первоначальной жизни» (протерозой, 2,6–0,57 миллиарда лет назад);
- затем организмы «древней жизни» (фанерозой, 570–230 миллионов лет назад);
- затем организмы «средней жизни» (палеозой, 230–70/67 миллионов лет назад);
- наконец, организмы «новой жизни» (кайнозой, последние 70–67 миллионов лет).

Если попытаться представить эту схему в виде киноленты, где каждый кадр равен миллиону лет, то получится примерно такая картина.

...Мелководье морей, где теплее, но не слишком горячо, покрылось микроскопическими организмами (бактериями, их еще называют сине-зелеными водо-

рослями), вокруг которых кишели вирусы — мельчайшие неклеточные частицы, состоящие из нуклеиновой кислоты и белковой оболочки. Поначалу организмы питались этими веществами, а потом создали механизм фотосинтеза — переработки неорганических веществ в органические с помощью энергии Солнца. Развитие пошло быстрее.

Побочный продукт фотосинтеза — кислород стал поступать в атмосферу, из которой успела улетучиться в космос часть водорода и инертных газов. В результате образовалась новая — современная атмосфера, богатая кислородом. Кислород стал активно поглощаться верхним слоем земной коры. Появилась почва.

Первичные вирусы и бактерии за миллиард лет освоились, утвердились, преобразовали море, воздух и сушу Земли, открыли дорогу более сложным организмам — многоклеточным растениям и животным: губкам, медузам, кораллам, червям... Наступил «век водорослей» (еще миллиард лет), «век медуз» (еще миллиард лет), «век рыб»... Началось массовое вторжение организмов на болотистую сушу, хорошо подготовленную для них жизнедеятельностью бактерий. В растительном мире повели наступление мхи (оно продолжается до сих пор). За растениями — земноводные, потом пресмыкающиеся. Начался «век пресмыкающихся» продолжительностью более полутора миллиона лет. Эти тогдашние «цари природы» становились все более исполинскими. На суше господствовали тридцатиметровые динозавры, в море — пятнадцатиметровые ихтиозавры, в небо взмывали восьмиметровые птеродактили.

Но вот 200–300 миллионов лет назад произошла какая-то глобальная катастрофа (можно только гадать, какая именно: астероид, всплеск космического облучения или что-нибудь еще...) — и роскошные хвойно-папоротниковые леса ушли под землю, становясь залежами угля, нефти, газа.

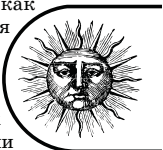
70–67 миллионов лет назад последовала еще одна катастрофа — и от царства гигантских пресмыкающихся остались жалкие карлики: 20 видов крокодилов, 212 видов черепах и около 5 тысяч видов ящериц и змей. А на месте папоротниковых лесов появились лиственные.

Ороговевшая чешуйчатая кожа-панцирь и откладывание яиц в известковой скорлупе дали в свое время огромное преимущество пресмыкающимся по сравнению с земноводными. Такое же преимущество получили теплокровные животные — птицы и млекопитающие. Перья одних и шерсть других помогали сохранять тепло тела. А млекопитающие вообще рожали детенышей живыми и вскармливали их материнским молоком — самым лучшим средством от болезнетворных микробов. Млекопитающие, как и пресмыкающиеся до них, вторглись в моря (киты, дельфины, моржи, тюлени), взлетели в воздух (летучие мыши).

Каждый день жизни каждого организма — непрерывная борьба за выживание. При таких условиях повторяющиеся реакции положили начало цепи инстинктов — врожденных форм поведения, типичных для данного животного. Постепенно выработались законы инстинктивного группового поведения. Из нескольких тысяч первичных видов млекопитающих со временем выделилось несколько видов так называемых насекомоядных (точнее — почти всеядных): ежи, кроты, выхухоли... Кто бы мог подумать, что наша родословная уйдет так далеко!

Представьте: у хищников возникает проблема с мясом и они вынуждены прощаться с жизнью, высыхает трава — у травоядных та же трагедия. А всеядные, если придется плохо, не побрезгуют ничем. Огромное преимущество!

Особенно искусно научились использовать законы инстинктивного группового поведения при добыче раз-

нообразной пищи и спасении от врагов несколько десятков видов всеядных млекопитающих — приматов (за что и получили этот почетный титул «первейших»). Среди приматов выделились «приматоссимусы» — обезьяны. Они появились не раньше 35–30 миллионов лет назад, но особенно широкое распространение получили, по разным данным, от 3,5 миллиона до 600 тысяч лет назад.

Первые приматы были маленькими зверьками, похожими на белок. Одно из таких семейств — тупайи — сохранилось до наших дней, и ученые спорят, относить их к приматам или к насекомоядным. Зато другое семейство — лемуры — явно обладает многими особенностями приматов. А третье — долгопяты — превзошло даже лемуров: у них наиболее сильно развились задние конечности (откуда и название), пальцы передних конечностей и округлый череп — важное условие для образования более совершенного мозга.

Низшие виды лемуров похожи на крупных мышей, а низшие виды обезьян — на высокоразвитых лемуров. Видите, какая цепочка? Но между «низшим лемуром» и «высшей обезьяной» — дистанция огромного размера. У «высших обезьян» половая зрелость наступает позже — лучше подготовка к воспроизводству потомства, беременность и кормление грудью продолжительнее — потомство дольше и лучше спасается от болезнетворных микробов, голосовые связки работают лучше — значит, можно голосом, модулируя на десятки ладов, держать связь на охоте, сообщать об опасности. И мимика морды у них сложнее — значит, можно сообщить сотоварищу ценную информацию, не выдав себя ни звуком. И даже продолжительность жизни оптимальная (от 20 до 60 лет), позволяющая выдерживать темп смены поколений — в стаде всегда налицо сильные и опытные взрослые, оберегающие подрастающих детенышей.

Мы уже говорили, что пища у обезьян, как и у всех приматов, отличалась большим разнообразием. Съедобные плоды, листья, стебли, молодые побеги, цветки, клубни — богатая «бакалея». Съедобные насекомые, ящерицы, ужи, птенцы, яйца, черви, улитки — не менее богатая «гастрономия».

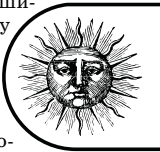
5

Обидно, конечно, сознавать, что мы произошли от животного, к которому трудно приложить эпитет «прекрасное». А не, скажем, от пышнохвостого павлина или величавого лебеда, яко царевна из сказки. Но что поделаешь? Видов обезьян — великое множество. Они подразделяются на «низших» (менее похожих на человека) и «высших» (более похожих). При этом разница между «низшими» и «высшими» обезьянами ничуть не больше, чем между «высшими» обезьянами и человеком. Даже в мельчайших деталях! Так что напрасно многие из нас отрещиваются от прямо-таки бьющей в глаза родословной.

Итак, чем отличается просто обезьяна от человекообезьяны, а та, в свою очередь, от обезьяночеловека и, наконец, просто человека?

Коротко говоря, обезьяна («высшая») может воспользоваться каким-то орудием только случайно и тут же забудет про этот отрадный эпизод в своей жизни. Потому что ее естественное положение — четвереньки, а «встать на дыбы» и освободить хотя бы одну переднюю конечность для захвата орудия (скажем, палки) — редкий, чрезвычайный подвиг.

В отличие от «просто обезьяны», человекообезьяна (это уже не 30 миллионов лет назад, а на порядок ближе к нам) — животное если еще не прямоходящее, то легко встающее на задние лапы и употребляющее для нападения и защиты палку, кость, камень. Заметим, еще не обработанное орудие, а оказавшийся под ру-

кой подходящий предмет, но уже не случайно, а нарочно, со знанием дела.

Наконец, для обезьяночеловека (питекантропа) — 1,2–0,5 миллиона лет назад — характерно устойчивое прямохождение, а значит — систематическое употребление орудий, причем не только подходящих предметов, но и грубо обработанных.

При всем при том это еще животное. Появляются зачатки разума — животное становится человеком.

Заметим, что эта линия — отнюдь не прямая генеалогия. Здесь могут быть «ответвления», не получившие дальнейшего развития. Например, найдены кости существ, занимающих промежуточное положение между питекантропами и людьми (датировка: 200–35 тысяч лет назад). По месту находки их назвали неандертальцами. Некоторые ученые рассматривают их как особую, пресекающую ветвь в развитии человека.

Лишь очень немногие виды обезьян обитают семьями и не на деревьях, а где удобнее по обстановке. Как правило же, место жительства обезьяны — ветки деревьев в лесу (так безопаснее). И оптимальная величина стаи — не слишком большая (не хватит корма) и не очень малая (чтобы стая выжила при не слишком убийственной катастрофе). Уже здесь мы находим некоторые черты сходства с первобытной общиной людей — хотя и тут, конечно, различие огромное.

Со временем высшие типы обезьян достигли полутора-двухметрового роста и одного-двух центнеров веса. Этакая махина могла помериться силами с медведем. Во всяком случае быстротой реакции, хитростью, ловкостью, скоростью передвижения она превосходила его.

Но не метрами и центнерами, а инстинктами — «автоматическими» реакциями на то или иное воздействие извне — оказалась сильна обезьяна. Точнее, как уже говорилось, эффективностью инстинктивно-группового поведения.

Инстинкты (рефлексы), как известно, делятся на безусловные и условные. Простейшие безусловные инстинкты: мигание, кашель, чихание, позволяющие автоматически очищать от пыли и болезнетворных микробов глаза, горло, нос. Бывают инстинкты и сложнее: инстинкт самосохранения, инстинкт питания (тоже разновидность самосохранения), инстинкт размножения, который делится на половой и родительский, инстинкт ориентации — приспособления к среде (вспомните хотя бы межконтинентальные перелеты птиц). В этом отношении у обезьян особых преимуществ по сравнению с другими животными не было.

А вот по части условных инстинктов (не врожденных, а приобретенных, полученных «опытом жизни») высшие типы обезьян намного опережают остальную животную братию. Даже умнейших животных — собак, кошек, лошадей. Это не пес-карь, который будет заглатывать крючок еще и еще раз, даже когда убедится, что его «кормилец» — злодей. Обмани обезьяну раз — ну два — и все: у нее выработался условный рефлекс на тебя как на врага. И она немедленно оповещает об этом всю стаю. Плохо пришлось бы тебе, если бы вас не разделяла решетка клетки зоопарка!

И вот обезьяна случайно съела палкой банан. Sensация сообщена соседям. Сработал групповой условный рефлекс — и бананов как не бывало — всюду, куда дотнется палка. Орудием может быть не только палка, но и камень. Камень заостренной формы, который действует как топор. Остается подняться на задние лапы, высвободить передние и начать трудиться, твердя опытившее: «Труд сделал из обезьяны человека».

А там пошло-поехало: человекообезьяна, обезьяночеловек, человек неандертальский...

Совсем недавно считалось, что вместо многоточия надо завершить эволюционный ряд так: «и 40 тысяч лет назад появился Человек Разумный, гомо сапиенс».

Однако исследования последних лет показали, что путь от человекообезьяны к Человеку Разумному оказался более сложным и занял сотни тысяч, если не миллионы лет.

Мы не будем вдаваться в детали этого процесса. Приглядимся лучше внимательнее к стае обезьян, посмотрим, насколько далеко от нее ушла стая человекообезьян и обезьянолюдей, много ли общих черт в стае обезьян и в первобытной общине людей.

Выясняется, что общих черт немало.

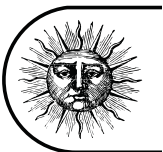
Например, и в стае, и в общине обязательно выделяется «авторитет» — наиболее сильный и удачливый добытчик пищи. Ему — лучший кусок. И не в награду, а по трезвому расчету. Сытнее наестся — больше добудет для других. Не случайно в инструкции на случай авиакатастрофы сказано: сначала надень кислородную маску сам, потом надевай ребенку — иначе погибнете оба.

И в стае, и в общине наиболее привлекательная самка (по здоровью, по половозрелой молодости) опять-таки достается наиболее сильному и наиболее удачливому, иногда после отбора претендентов — боя самцов. Тут уж не расчет, а чистый инстинкт: таким образом получается наиболее здоровое потомство. Но если все самки достаются одному — неизбежен инцест, вырождение, гибель. И все тот же инстинкт гонит «первого любовника» к следующей. А его место занимает другой — и пожалуйста: такое разнообразие. Смешно, но пережитки этого сугубо обезьяньего поведения остались и у людей (преимущественно у мужчин) до сих пор. Они четко сформулированы в афоризме шоумена Фоменко: «Мечта идиота — жена соседа».

И в стае, и в общине мать обязательно поделится пищей с детенышем. Материнский инстинкт подкашивает ей, что иначе грозит выморочность. И в стае, и в общине самка ни за что не подпустит более сильно-

го физически самца к девочке, не достигшей половой зрелости. Ибо это тоже грозит выморочностью.

Общий вывод из сказанного. Нет непроходимой стены между неорганическим и органическим миром (хотя это — разные миры). Нет непроходимой стены между растительным и животным миром (хотя это — разные миры). Нет непроходимой стены между обезьяной и близкими к ней видами животного мира. Нет непроходимой стены между обезьяной и человеком (хотя разница — огромная). Нет непроходимой стены между обезьяньей стаяей и первобытной общиной (мы ничего не поймем в особенностях первобытной общины, если не приглядимся к их «росткам» в обезьяньей стае).

Глава 2. ПЕРВОБЫТНАЯ ОБЩИНА

*Отец Волк подождал, пока волчата подросли,
и в одну из ночей, когда собиралась Стая, повел
волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета.*

*Это была вершина холма, усеянная большими
валунами, за которыми могла укрыться целая стая
волков. Акела, большой серый волк-одиночка,
избранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость,
лежал на скале, растянувшись во весь рост.*

На Скале Совета почти никто не разговаривал.

Акела взывал: Закон вам известен.

Смотрите же, о волки!

Р. Киплинг

1

Очень жаль, что невозможно составить таблицу, где был бы точно обозначен год до нашей эры, когда человекообезьяна передала эстафету обезьяночеловеку, а тот, проблагенствовав положенное время на земле, в свою очередь уступил место человеку. И дело здесь не в капризах специалистов (хотя тут, как и везде, сколько голов — столько и умов), а в сложности процесса. Что ни возьми: не ясно, что считать началом, а что концом. Вспоминается Фамусов: «Ужасный век! Не знаешь что начать!»

Да, можно, конечно, сказать: не позже (не раньше?) чем 35–40 тысяч лет назад появился Человек, который тут же хвастливо, безо всяких на то оснований, назвал себя Разумным: гомо сапиенс (ах если бы!). Понятно, тут же найдутся оппоненты, которые попытаются «состарить» или «омолодить» Разумника на десяток-другой тысяч лет. С такими мелкими огорчениями еще можно смириться. Главное, одно за

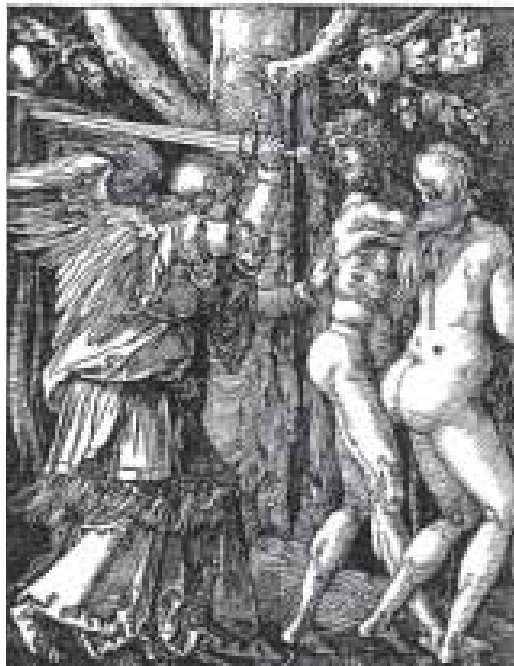
другим обнаруживаются захоронения почти человека (даже орудия при нем!) или еще не человека, но уже и не питекантропа. Или того хуже: уже не человекообезьяны, но еще не обезьяночеловека. И даты находок: миллион лет, два миллиона лет, три с половиной миллиона лет назад... Так откуда вести счет? С тридцати пяти тысяч или с трех с половиной миллионов?

Наверное, ни оттуда, ни отсюда. Потому что такой отсчет в принципе порочен. Это же не служебный формуляр: с такого-то года — титулярный советник, а с такого-то — уже коллежский. Видимо, необходимо то, чем и заняты специалисты. Изучать, каким орудием пользовался усопший, насколько искуснее оно обработано по сравнению с орудием усопшего за миллион лет до этого. И не появилось ли что-то качественно новое в этом деле. Ибо только по этим вехам (плюс изменения в самом организме) можно проследить конкретный путь от обезьяны к человеку.

Способ добычи пищи — вот та точка отсчета, с которой удобнее разглядывать прогресс наших предков.

Согласитесь, одно дело — найти съедобный корень, яблоко, орех, поймать зазевавшегося птенца, наконец, метко попасть камнем в будущий продукт питания. И совсем другое — загнать стадо животных на скалу, откуда им только падать и разбиваться на радость будущим едокам. Или загнать животное в замаскированную травой яму, где его легко добить камнями. Или... Этот перечень можно продолжать без конца.

Важная вежа — научились использовать огонь. Сразу — и защита от хищников, и усиление средств нападения (тот же загон с факелами в руках). И жареное мясо гораздо легче желудком усваивается. А ведь следы использования огня найдены в слоях, гораздо более ранних, чем 35–40 тысяч лет назад. А палка с заостренным концом (будущее копье) — наверняка

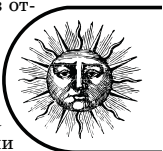

еще раньше. И даже такое сложное оружие, как лук и стрелы, — никак не позже десяти тысячелетий до нашей эры.

Использование орудий из камня образно называют каменным веком (в отличие от последовавших за ним бронзового и железного). Каменный век продолжался свыше двух миллионов лет. Из них почти все два миллиона ушли на использование готовых, найденных орудий — предметов подходящей формы («древний каменный век», палеолит). Лишь в десятом-пятом тысячелетии до н. э. люди научились грубо обтесывать орудия («средний каменный век», мезолит). И лишь в пятом-третьем тысячелетии до н. э. достигли в этом отношении высокой степени искусства («новый каменный век», неолит). Это стремительное ускорение темпов прогресса человека нам придется не раз отмечать в будущем, вплоть до нашего времени.

Заметим, что за эти тысячелетия (не говоря о миллионах лет) облик и климат земной поверхности неоднократно менялись. Там, где сегодня пустыни, — были непроходимые леса. На месте Берингова пролива и Ла-Манша — были перешейки: один соединял Чукотку с Аляской, а другой — Великобританию с континентом. Наступало потепление — и тайга надвигалась на тундру, лесостепь — на тайгу, степи покрывались болотами. Наступало похолодание — и с севера на юг начинали двигаться ледники. Они занимали пространство, покрытое прежде (и ныне) лесами. Последний такой ледниковый период закончился всего какой-нибудь десятком тысяч лет до нашей эры. И вот в этих условиях за несколько десятков тысячелетий человек освоил практически почти всю земную поверхность.

Родиной Человека Разумного большинство ученых считают север Африки — Ближний Восток (конечно же с иным климатом и с иной, более благоприятной для жизни человека, окружающей средой). Затем Че-

ловек освоил всю Африку, всю Евразию, через Берингов перешеек добрался до Америки, прошел ее всю, от Аляски до Огненной Земли, доплыл до Австралии и Новой Зеландии, а также до многих, казалось бы, недостижимых океанских островов, вышел на побережье Ледовитого океана (вот только до Антарктиды не хватило сил дотянуться).

И все это сделала «первобытная община». Ее никак нельзя считать чем-то неизменным, однообразным. Это был такой же многообразный, меняющийся мир, как вся земная флора и фауна. Это было сообщество, с одной стороны, мало отличающееся от стада человеко-обезьян, а с другой — мало отличающееся от сельской общины будущих тысячелетий. В одном регионе — одни традиции, нравы, обычаи. В другом — другие. И все же было нечто, объединявшее это многообразие в единое, ясное всем понятие «первобытная община».

Вот на этом «нечто» мы и сосредоточим свое внимание в первую очередь.

2

Если бы в нашем распоряжении было столько же материалов о первобытной общине, сколько о цивилизациях Древнего мира, о ней написали бы нескончаемое количество книг — так много в ней было интересного. Сохранилось ли что-нибудь от первобытной общины до сегодняшнего дня? Даже самые отсталые из сохранившихся общин ушли далеко вперед по сравнению со своими предками десяти тысячелетней давности. Не говоря уже о сотнях тысяч и миллионах лет. Поэтому ограничимся самым интересным — самым важным, что принесла в Древний мир первобытная община.

На первом месте, безусловно, овладение огнем. Это и искусство сохранения уже разожженного огня (советуем перечитать «Борьбу за огонь» Рони-Старшего — при всем романтизировании событий трагизм ситуации передан очень достоверно), это и добыча огня

трением, ударом кремня о кремень. Выжить без огня даже в тропических лесах — проблема, а выжить без огня в ледниковый период — это за гранью фантастики. Без огня человек, если бы и выжил, был бы разве что на уровне чуть выше шимпанзе или гориллы.

Следующее достижение — из области архитектуры: пещера (или ее жалкое рукотворное усовершенствование). Если нет возможности укрыться на ночь на верхних ветвях тропического леса — лучше покончить с собой без лишних мучений, так как на земле ты — легкая добыча любого хищника. А в пещере... Во-первых, в нее не сунешься (костер чаще всего у входа). Во-вторых, в ней тепло, даже когда снаружи мороз. В-третьих, она — укрытие от дождя и снега. Словом, мой дом — моя крепость.

Третье место я отдал бы метательному охотничьему оружию. По той очевидной причине, что человек, мягко говоря, — не самый быстрый зверь на планете и без метательного оружия ему оставалось бы только собирать съедобное под ногами. А этого, как известно, не так уж и много. А вот копьё догонит зазевавшуюся добычу и за полсотни шагов (сорок метров). Если же к древку копья приделать рычаг, оно полетит вдвое дальше. Можно сесть в засаду всего в метре от воды. Меткий бросок — и пронзена огромная рыба. А можно вместо копья запустить бумеранг. И получить либо оглушенную добычу, либо тот же бумеранг, вернувшийся к твоим ногам для следующего броска.

Но, конечно, никакому броску не сравниться в дальности с луком. Сегодня трудно в это поверить, но стрела, выпущенная из лука первобытного человека, пробивала жертву насквозь на расстоянии до трехсот шагов (двести метров). То есть на том же расстоянии, на каком действовало оружие средневекового лучника всего несколько сот лет назад. Или гладкоствольное ружье времен Крымской войны 1853–1856 годов.

Вообще-то охотничий инструментарий первобытной общины не ограничивался копьем и луком со стрелами. Он был поистине бескрайним: от разных хитроумных капканов-ловушек до не менее хитроумных загонов, куда гнали на убой стадо животных, обезумевших от страха.

3

Особо хотелось бы остановиться на одной деликатной области, которая в первобытной общине спасала жизнь больше, чем копые. Речь идет о воспроизводстве поколений.

Иногда кажется, что Господь переоценил умственные способности человека. Всему прочему животному миру он даровал инстинкт, который жестко загнояет половой акт в определенные временные рамки (например, в «период течки»), за пределами которых секс исчезает. А Человек, копы скоро он назвал себя Разумным, якобы сам определяет, когда инстинкту дремать, а когда — просыпаться. Произошла ошибка, которую пришлось исправлять очень долгое время и очень дорогой ценой: ценой утраты способности рожать у будущей матери или ценой ущербного потомства, которое в эпоху первобытной общины долго на этом свете не задерживалось.

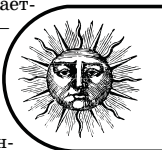
Даже сегодня мало кто из нас понимает, что для получения здорового потомства нужна хорошая физическая и психическая подготовка, нужны девушки не моложе 16–18, а еще лучше — 18–20 лет. Только к этому возрасту организм будущей матери сформируется и окрепнет окончательно. Даже сегодня не все понимают, что вступление в половой контакт с несовершеннолетней девочкой может лишить ее способности рожать или во всяком случае рожать полноценных детей, что любое насилие вообще может губительно сказаться на психике будущего человека. Наконец, что Господь не зря придумал двуполое размножение,

которое намного эффективнее почкования: потому что чем больше разнятся хромосомы родителей, тем здоровее потомство. Вот почему ребенок от соития отца с дочерью или родных брата и сестры с большой вероятностью получится уродом или дебилом.

Какой же продолжительный трагический опыт пришлось пережить первобытному человеку, прежде чем он установил табу-запрет: не может мужчина из одного рода сойтись с женщиной из того же рода! Он должен выбрать женщину обязательно из другого рода. И желательно — «половозрелую». Социальная организация племени сложным образом меняется — оно делится на фратрии (братства, совокупности родов), одни из которых более предпочтительны для выбора женщины, другие менее...

При всем том отец ребенка — как иногда случается и сегодня — может быть разным. Мать в роду — всегда одна. Поэтому дети, даже подростки, знают только одно «начальство». И если это «начальство» ведет себя соответственно — она хозяйка своего рода. Добытчик-мужчина (сын ли, сожитель ли — разницы нет) несет добычу именно ей, а уж она делит «по справедливости». Ученые называли это матриархатом. Когда добычу станет делить не самый справедливый, а самый сильный, матриархат сменится патриархатом.

Матриархат — это не просто наивысший авторитет матери рода. Это — решение сложной проблемы, когда самка вместе с самцом перешла от движения на четвереньках к прямохождению, освободив руки для работы с орудиями. Женщине пришлось заплатить за это осложнением родов: они стали более тяжелыми, чем у животных, передвигающихся «на всех четырех», и более травматичными — как для матери, так и для ее потомства. Известны данные глобальной статистики за тысячелетний период: в среднем каждая четвертая женщина без медицинской помощи умира-

ла от родов, каждая вторая лишалась способности рожать. Каждые двое из четырех новорожденных умирали в детстве и еще один — в подростковом возрасте. Это ведь «средние» цифры. Бывало и хуже. Но женщины нашли способ помочь самим себе. Невозможно представить себе ни кошек, ни собак, ни каких-либо других животных, которые вдруг взялись помогать рожавшей самке. Наблюдая жизнь племен, оставшихся во многом в том же положении, что и тысячелетия назад, можно увидеть, как женщины суетятся вокруг роженицы под руководством самой авторитетной, самой опытной. Как умеют, они проделывают все то, что делается сейчас в роддоме (только, разумеется, без средств современной медицины).

Вот это и есть матриархат в действии. Есть основания полагать, что женщина играла руководящую роль не только в дележе добычи, воспроизводстве поколений и воспитании потомства.

4

Наш рассказ о первобытной общине будет неполным, если мы не вспомним о материальной и духовной культуре общины.

Община оставила очень много памятников материальной культуры, но и о духовной культуре мы знаем немало. Например, «скульптура малых форм», или наскальная живопись, ничем не уступающая множеству современных творений, — материальная это культура или духовная? Некоторые сцены явно изображают танцы (тоже очень похоже на современные). Танцев без музыки или хотя бы без ритма не бывает. Насчет музыки судить трудно, а по части ритмов можно быть уверенным: на современных рок-фестивалях члены первобытной общины чувствовали бы себя как дома.

Наконец, в первобытной общине мы наблюдаем первые зачатки верований, первые ростки религии,

тесно связанные с первобытной мифологией. Да и как им не быть? Ведь должен же был как-то реагировать первобытный человек на явления природы — на Солнце, на фазы Луны, на молнию и гром, на снег и дождь, на сильный порыв ветра. И так далее. Все это надо было понять (по-своему). Объяснить (если ты авторитетнее). Соотнести с этим свое поведение.

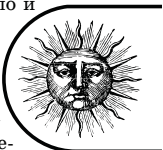
Как примерно это происходило — лучше всего узнать из «Сказок» Р. Киплинга. Правда, написаны они для малых детей. Но, думается, по уму-разуму мы и есть та аудитория, которой адресованы сказки. Главное, понятно и доходчиво. Даже в довольно сложных вопросах. Например, откуда взялось наше племя? Ответ проще простого: жил-был орел (или любой другой тотем — «родоначальник» племени). О настоящем и будущем можно вопросов не задавать: так было и так будет всегда...

Сложнее с мертвыми. Куда они деваются? Сначала считали — никуда не деваются, просто крепко засыпают. Их надо положить неподалеку, спрятав надежнее. Потом стали считать — уходят далеко-далеко и ведут там себя по-прежнему. Потом стали думать — уходят еще дальше, в «царство мертвых». Но это уходили не мертвые, а живые: из первобытных верований в современную религию.

Надо бы уяснить одно. Многое из сказанного выше продолжало существовать и в Древнем мире, и в эпоху Ренессанса, и в эпоху декаданса. Существует и по сию пору. И не только среди диких племен, но и среди нас — в смысле уровня духовной культуры. Мало того, существует *в нас самих*. В ком-то — что-то от обезьяночеловека. А в ком-то — и от человекообезьяны.

Вот почему история первобытной общины — это наша с вами история.

Ее последние страницы.

Глава 3. ДРЕВНИЙ МИР

Учитель сказал:

Благородный Муж знает только Долг.

Низкий человек знает только выгоду.

*Если государь не будет государем,
сапожник — сапожником, отец — отцом,
сын — сыном, то даже если у меня
и будет зерно, хватит ли мне его?*

Конфуций

Примерно десять тысяч лет назад кончился очередной ледниковый период (в истории земной поверхности их было несколько). Ледники, захватившие значительную часть средней полосы северного полушария Земли (на территории России они доходили до черноземной полосы), начали отступать. Сначала потепление шло медленно, потом — 8–5 тысяч лет назад — ускорилось, на Земле стало даже теплее, чем сейчас. Потом потепление замедлилось и сейчас даже прохладно по сравнению с недавним пиком потепления.

Жить (выживать) стало намного легче, чем раньше. Собирательство и охота давали гораздо больше пищи. А главное — началось приручение животных, стали постепенно закладываться основы животноводства. Люди начали регулярно собирать пока еще «дикие» урожаи съедобных растений, и стали закладываться основы земледелия.

В животноводстве успехи отмечались в самых разных концах земли. А вот для земледелия поначалу требовались особо благоприятные условия: достаточно большая река, достаточно широкие периодические разливы, достаточно большое количество ила, который остается на пойменных заливных лугах после спада воды и становится естественным удобрением

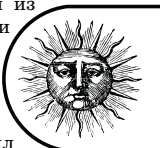
почвы, достаточно благоприятный климат для получения высоких урожаев на такой почве.

Такие условия сложились первоначально шесть тысяч лет назад только в четырех районах земли: на северо-востоке Африки (в Египте, в долине реки Нил); на Ближнем Востоке (в Месопотамии, Двуречье, или Междуречье рек Тигр и Евфрат); в Южной Азии (на полуострове Индостан, в долине реки Инд); в Юго-Восточной Азии (в Китае, в долине реки Хуанхэ). Здесь и возникли первые четыре наиболее масштабные цивилизации Древнего мира.

Четвертое тысячелетие до н. э. (шесть тысяч лет назад) явилось своего рода переломным в истории человечества. Оно принесло людям целых три приятных сюрприза. Во-первых, на протяжении этого тысячелетия люди научились изготавливать орудия из меди, а потом из бронзы (сплавов меди с другими металлами, первоначально главным образом с оловом). Такие орудия и делать легче, и работали они лучше. В итоге каменный век сменился бронзовым веком (спустя еще два тысячелетия, в начале первого тысячелетия до н. э., наступил железный век). Во-вторых, на протяжении этого тысячелетия животноводство в жизни многих племен стало важнее охоты. В-третьих, на протяжении этого тысячелетия земледелие в жизни большинства племен стало важнее собирательства, причем здесь орудия из металла оказались очень кстати. На этой основе поднялось на новую ступень ремесло. А с ним вместе — и общая культура.

1

Если бы мы не знали, что такая страна действительно существовала на земле, а нам бы сказали, что это, допустим, только что открытая древняя марсианская цивилизация, называвшаяся Хетт-ка-Птах (или Хэку-Птах), — у нас не возникло бы и тени сомнения.

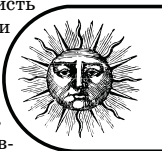

Еще бы, такие чудеса могут быть только в инопланетной цивилизации! Огромные города с высокими стенами, не уступающие самым знаменитым городам древности. Роскошные дворцы, непохожие по архитектуре ни на какую другую страну мира. Поразительные монументы — и по масштабам, и по красоте. Удивительная по слаженности государственная машина, работавшая как часы почти четыре тысячелетия — сорок веков (вдвое дольше, чем все, что творилось в Европе и Азии с рождения Господа нашего Иисуса Христа). Сильнейшая в мире армия того времени. Сложнейшая система учета всего и вся. Бюрократия — страшнее, чем в России. Наука, которая внесла бы замешательство в работу Нобелевского комитета: кому давать премию? Письменность, не уступающая современной китайской. Литература, живопись, ваияне — на зависть современным мэтрам. Не знаем, как обстояли дела с музыкой, театром и танцами. Но думаем, что не хуже, чем сегодня, ибо хуже быть просто не может. Очень мудрая философия. Жаль, что от нее до нас дошли только отрывки. И очень сложная, очень действенная религия, подчинявшая себе всю жизнь человека. Быть бы ей еще одной мировой религией, если бы войны не вогнали ее в ряды «мертвых» (точнее, умерших) религий.

И совершенно непонятный, на первый взгляд, конец. Правильнее сказать, агония. Первый развал страны. Трудное воссоединение. Снова развал. Иноземное вековое иго, как у русских. Избавление. Потом еще одно иноземное владычество. Другое. И наконец, сплошная полоса иноземных завоевателей. До самого XX века включительно. А вообще-то ничего марсианского. Хэку-Птах — в переводе на русский — это Египет.

2

Художники, изображающие картины рая на земле, относят их обычно в благодатные земли Месопотамии,

в Междуречье Тигра и Евфрата. Что ж? Им виднее. Там действительно пейзажи поистине райские. Особенно в древние времена. Но я бы на роль «райских куц на земле» предложил и кандидатуру Египта. Вот уж поистине райский уголок (Африки), словно нарочно созданный Господом Богом для безгреховной благодати Человека.

Величаво несет свои воды Нил, способный соперничать с крупнейшими реками мира. Летние ливни в тропической Африке и таяние снегов на горных вершинах месяц за месяцем поднимают уровень воды в реке. К осени она заливают огромные прибрежные пространства, а потом вода постепенно спадает до следующего года. На местах разлива оседает плодороднейший ил, и обогащенная им земля дает баснословные урожаи. Не удивительно, что регулярным земледелием здесь начали заниматься давним-давно, когда все прочие племена на земле пробавлялись собирательством и охотой. Река кишмя кишит рыбой. Пойменные заливные луга дают столько корма для скота, что было бы просто удивительно, если бы здесь с незапамятных времен не возникло еще и скотоводство. Запасы мяса и рыбы во всех мыслимых разносолах. Горы ячменя и пшеницы, овощей и фруктов с лихвой на год. Неистощимые карьеры известняка — идеального строительного материала для жарких мест. Наконец, и это, пожалуй, важнее всего остального — отсутствие (точнее, минимум) опасных врагов.

На севере — Средиземное море. На северо-востоке, за обширной пустыней Синайского полуострова, — кровавая междоусобица племен Ближнего Востока, которым было не до Египта (наоборот, Египет сам вторгался в Переднюю Азию). На востоке — не менее обширная пустыня между долиной Нила и Красным морем. На юге — Нубийская пустыня. На западе — тысячеверстная Ливийская пустыня до самой Сахары. Правда, в Ливийской и особенно в Нубийской пустыне было

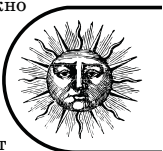
мноغو оазисов, населенных ливийскими и эфиопскими племенами. Но что такое даже очень большая толпа воинов с каменным оружием против регулярной армии, которая сначала ведет «артподготовку» из луков и пращей, затем опрокидывает врагов боевыми колесницами и, наконец, завершает дело маршем стройных шеренг копейщиков? Итог — тысячи, десятки тысяч пленных — рабы для Египта. Все это можно наблюдать в знаменитой опере Дж. Верди «Аида», где, в отличие от любовной истории, военный антураж гораздо ближе к древней действительности.

Чтобы развивать земледелие, нужна ирригация. Чтобы сохранить такое изобилие, нужен учет и контроль. Чтобы обезопасить себя от набегов диких племен, нужна армия. Короче говоря, ни матриархатом, ни патриархатом здесь уже не обойдешься. Нужно государство — аппарат насилия над народом.

И вот в четвертом тысячелетии до н. э. происходит постепенное формирование в Египте государства. Сначала создаются несколько десятков малых государств — прямых наследников первобытной общины. Затем возникают два больших государства — Нижний Египет (в дельте Нила) и Верхний Египет (в землях выше по течению). Наконец, рождается единое египетское государство.

И «земной рай» превращается в «земной ад».

Над работниками на полях, в каменоломнях, на стройках встает иерархия начальства во главе с «живым воплощением бога на земле» — фараоном, его вельможами и целой армией чиновников-писцов. Каждому требуется дворец (ну хотя бы ма-а-ленький особняк), прислуга, охрана. Работать на всю эту ораву приходится от зари до зари за скромное питание и еще более скромное одеяние, не говоря уже о жилье. Быт рабочих — как в тюрьме: пайка, нары, роба (в данном случае — набдеренная повязка).

Это еще не все. Первобытные верования авторитетно заверяют, что после смерти человек продолжает жить в загробном мире. Стало быть, чем выше положение человека в обществе — тем пышнее должно быть его захоронение. И древние египтяне, предвосхищая нынешних русских, начинают соревноваться в том, у кого повеселее «оградка» на могиле (что весь мир считает национальным позором России).

Соревнование принимает гигантские масштабы со времен самого «древнего царства». Конечно, нельзя не восхищаться искусством строителей и величиим памятника архитектуры как такового. Но ради чего все это делалось? Подумал ли хоть один Хеопс, как будет выглядеть Египет, если каждый из сотен фараонов начнет воздвигать себе пирамиду Хеопса? Подумал ли он о том, что его примеру начнут подражать вельможи — мал мала меньше — и Африка превратится в сплошное кладбище.

Господь трижды покарал честолюбцев ужасною карою.

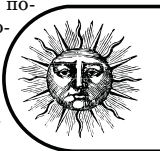
Во-первых, уже сооружение первых гигантских пирамид показало, что они требуют такого напряжения сил, такого отвлечения десятков, если не сотен тысяч пар рабочих рук, что это равносильно тяжелой войне на измор — с самими собой. Поэтому «гигантомания» в строительстве пирамид быстро пошла на убыль. Сталин, пытаясь отвлечь внимание от своих провалов в экономике и политике «показухой» Беломорканала и канала Москва—Волга, вряд ли подозревал, что всего лишь подражает самым древним и самым глупым фараонам Египта.

Во-вторых, последующие века наглядно показали, что чем пышнее захоронение, тем вероятнее его разграбление. Поэтому фараоны поздних династий ставили «оградки» поскромнее. А под конец дело дошло до того, что могила фараона сделалась «секретным

объектом», как наши «номерные города»: чем меньше людей о ней знают, тем меньше вора до нее доберется. И сколько раз нам еще придется встретиться с такой Иронией Истории!

В-третьих, горький опыт истории показал, что количество не всегда переходит в лучшее качество. Чаще случается переход в худшее качество. Когда наш последний генсек пытался дистанцировать себя от Политбюро ЦК КПСС титулом президента СССР, ему не приходило в голову, что вскоре президентом станет его злейший враг, а потом — президентов в родном отечестве расплодится невиданно (пишущий эти строки трижды президент — к счастью для РФ, не РФ — и один раз председатель президиума).

Когда вельможи стали подражать фараонам (естественно, по принципу: труба пониже — дым пожиже), они столкнулись с проблемой лавинообразного роста «городов мертвых» в каждой египетской области. Вот уж поистине «мертвый хватает живого» (в смысле: отбирает у него самое привлекательное жизненное пространство).

И каков сегодня финал этого не самого умного в истории проекта? Гигантские пирамиды превратились в самый популярный аттракцион для туристов. Арабчонок за доллар прыгает со ступеньки на ступеньку и ловко взбирается на вершину пирамиды, из которой давно разграблено все, что только можно было разграбить. И ради этого сотни тысяч людей сотни лет трудились в поте лица своего?!

Помимо «культы мертвых» Древний Египет постигло еще одно несчастье (впрочем, постигло не только эту страну — многие страны мира, не исключая Киевской Руси). Век от века вельможи (особенно «начальники областей», губернаторы) постепенно набирали силу. И донабирались: развалили страну на удельные княжества — легкую добычу иноземных захватчи-

ков. Монголы от Египта далеко — не доскакать. Но нашлись чингисханы поближе — пришли воинственные кочевники и на целых 108 лет поработили страну. Они назывались гиксосы (в вольном переводе на русский — «властители дальних нагорий»). Хорошо еще, что это были варвары, среди которых рано или поздно должна была начаться междоусобица. Так и получилось — как и все варвары-завоеватели, они довольно быстро сошли с мировой арены.

Но у египтян обнаружилась гораздо более опасный враг, чем гиксосы, — это были сами египтяне (точнее, фараоны, их вельможи и жрецы). Точно так же, как у русских, для которых самые смертельные враги — сами русские. Оказалось, что судьба Древнего Египта один к одному предвосхищает судьбу Древнего Рима (добавим, современного Запада и России).

Иногда кажется: все, что происходило в Древнем Египте, происходило и на Руси. Только у нас фараон назывался великим князем, «начальники областей» — князьями-боярами, рассказывающими государство по кускам. Иноземное иго. Собираение государства в борьбе с «начальниками областей» при опоре на придворных (дворян). Только Египту понадобилось для этого четыре тысячелетия, а Русь уложила в одно с небольшим.

А начиналось крушение, казалось бы, с пустяков. Поскольку фараон — «живое воплощение бога на земле», ему не годятся в жены простые смертные. Только богини. Или, на худой конец, родная сестра. Кому могло прийти в голову, что это инцест, то есть самоубийство рода, родовой суицид. Но даже если отвлечься от этого грустного предмета, разве можно загружать «живого бога» земными делами? Для этого есть вельможи. А предназначение фараона — роскошные трапезы, сладкий сон и отправление различных потребностей — от развлекательных до половых.

Результат: обязательное вырождение рода если не во втором-третьем, то уж непременно в пятом-десятом поколениях. Доказательство: 26(!) династий за четыре тысячелетия существования Древнего Египта.

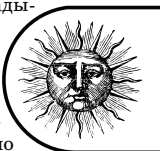
А среди придворных — все больше хитрых, своекорыстных греков. А среди воинов (и даже военачальников) — все больше нубийцев и эфиопов. Разве это не предыстория Древнего Рима?

И уже не Египет идет в поход на Эфиопию и Нубию. Наоборот, сам попадает на время под эфиопское владычество. Он захватывает значительную часть Передней Азии (современные Палестину, Ливан, часть Сирии). И заживо разлагается изнутри. Агонизирует. Умирает.

И наступает год 525 до н. э. И Египет попадает под владычество персов. А потом еще под одно владычество. И еще. И еще...

3

Закрываешь последнюю страницу истории Древнего Египта и начинаешь терзаться сомнениями: стоит ли продолжать путешествие по Древнему миру? Ведь впереди ждет — и не может не ждать — одно и то же: «живое воплощение бога на земле», хищная свора придворных вокруг него, «начальники областей» растаскивают страну на куски, разваленная страна падает жертвой иноземного нашествия, грабители грабят и погрязают в междоусобице; страна восстанавливается, новое «живое воплощение», опираясь на новых придворных, превращает «начальников областей» в своих чиновников, а народ, с трудом выживавший собирательством и охотой в первобытной общине, теперь становится рабом государства-тюрьмы со скудной тюремной пайкой за каторжный труд с утра до ночи. И так — до тех пор, пока страна не окажется жертвой еще более сильного завоевателя.

Все это так. И не могло быть никак иначе.

Тем не менее открываешь первую страницу истории Древней Месопотамии (Междуречья, Двуречья) — и попадаешь в еще одну «инопланетную цивилизацию», и схожую во многом с предыдущей, и имеющую интригующие особенности. Интерес не пропадает. Напротив, усиливается. Потому что следов на сей раз осталось гораздо больше (хотя — никаких пирамид), и многие из этих следов, к нашему удивлению, превосходят следующую, античную, цивилизацию. А мы, европейцы, что бы ни думали о себе, — всего лишь дети, точнее внуки, а может быть, и правнуки этой самой античности.

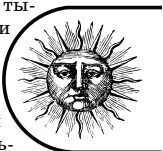
Если долина Нила шесть тысяч лет назад была «райским уголком планеты», то Месопотамия — как минимум Нижнюю Месопотамию, где Тигр и Евфрат ныне сливаются в стокилометровый Шатт-эль-Араб, а раньше порознь впадали в море, — столь же образно можно назвать самым гиблым местом на земле тех времен. Вообразите себе палящую жару субтропической пустыни, а посредине — бескрайние болота с протекающими через них двумя широкими речными потоками. Болото даже в северных широтах — не место для курорта, а здесь для человека — самый настоящий ад. Собирательство? Разве только пивячок. Охота? Разве только на змей. Земледелие и животноводство в непролазной болотной топи — безумная затея. Поэтому все местные племена предпочитали селиться по долинам окрестных нагорий, где и собирать было что, и охотиться было на кого, и для зачатков животноводства-земледелия имелись условия.

И только одно племя (видимо, тесное более сильными соседями) рискнуло шагнуть в болота. Совсем как народы Севера предпочли тундру и поморье Ледовитого океана той кровавой бойне, которая веками и тысячелетиями проходила южнее. Это племя называлось шумеры (шумерийцы, сумирийцы).

Были и остались на земле несколько народов, происхождения и принадлежности которых никто (в том числе и они сами) не знает. Ясно только, что это не семиты и не тюрки, не кельты, не германцы и не славяне.

Несчастные этнологи, сталкиваясь с подобными трудностями, обычно прибегают к возможно более широкому обобщениям. Так, шумеров они антропологически причислили к средиземноморской и балканокавказским расам европеоидной большой расы. Родство шумерского языка ни с какими другими языками не установлено. Утверждается, что шумеры не были автохтонами Южного Двуречья (да и трудно представить себе, чтобы в таких болотах кто-нибудь мог существовать изначально). Но очень вероятно, что они обитали здесь еще на протяжении пятого тысячелетия до н. э. Что сопоставимо по времени с ранним периодом развития Древнего Египта. В четвертом-третьем тысячелетии до н. э., они создали цивилизацию, не уступающую древнеегипетской. Затем, примерно с середины третьего тысячелетия до н. э., начали смешиваться с семитами-аккадцами, пришедшими с севера. И к концу этого тысячелетия полностью растворились среди пришельцев, а их язык в бытовом общении вымер. Однако к тому времени они достигли таких высот культуры, что их язык, подобно латинскому, еще более тысячелетия оставался языком профессионалов в разных науках, искусствах и ремеслах.

В основе шумерской цивилизации, как и в Египте, лежало искусство ирригации. Шумеры покрыли болота сетью каналов, по которым Тигр и Евфрат ежегодно несли свой ил. И бесполезные прежде огромные пространства земли сделались великолепными сельскохозяйственными угодьями с баснословными урожаями. На возвышенные участки земли, куда вода не доходила своим ходом, они поднимали ее специальны-

ми устройствами, напоминающими наши колодезные «журавли». А от обильных урожаев до развитого животноводства, как от великого до смешного, — один шаг.

Но такую сложную ирригационную систему надо тщательно регулировать. Никакой общине это не под силу. Поэтому здесь, как и в Египте, появляется государство. Сначала — десятки мелких государств. Потом — десятки сменяются единицами покрупнее. Междоусобица заставляет объединяться. И появляются сначала Шумер, а потом единый Шумер и Аккад (государство семитских пришельцев с севера).

Проходит тысяча лет. Власть царей Аккада ослабевает. Единое прежде царство распадается и становится легкой добычей захватчиков — кочевых племен из окрестных горных долин. Это вызывает обратный процесс воссоединения. Образуется так называемое Старо-вавилонское царство (через тысячу лет появится и Ново-вавилонское). Снова распад. Снова иноземное господство. Затем одних завоевателей (касситов) сменяют другие, более могущественные — ассирийцы. В середине первого тысячелетия до н. э. гибнет Ассирия. Вновь возвышается Вавилон. Но ненадолго. Проходит чуть больше столетия — и Месопотамия (а за ней и Египет) оказывается под властью персов.

Неподвластной завоевателям остается только многотысячелетняя культура Двуречья: наука (прото-наука), искусство, ремесло, философия, литература, религия. Она отдельной главой — неподвластной не только завоевателям, но и времени — входит в историю человечества.

Начнем с удивительного.

Почему час делится не на сто, не на десять или хотя бы на двенадцать минут, а ровно на шестьдесят? И минута — на шестьдесят секунд. И круг — на 360 градусов. Оказывается, шумеры не знали десятиричного исчисления. И даже дюжина им ничего не гово-

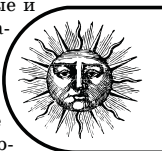
рила. У них, по ведомым только им одним причинам, было шестидесятеричное исчисление. Прошли тысячелетия. Давно исчез шумерский язык. А время и углы мы все равно считаем по-шумерски.

Еще удивительнее: шумеры, в отличие от наших гуманитариев, знали, что такое число пи. Правда, они терпеть не могли дробей и округлили его до трех ровно. В этом отношении они явно уступили в точности древним египтянам, которые упрекали их в игнорировании шестнадцати сотых. Но сравните шумера и нашего среднестатистического старшекласника. Какой уж тут прогресс!

Кстати, все, что так ненавидят нынешние юные мученики науки, — от арифметики до алгебры, геометрии и тригонометрии — это от шумеров. Именно они изобрели цифры, намного более экономные и удобные в обращении, чем римские. И тем самым предвосхитили арабские, которыми мы пользуемся до сих пор. Что касается вышеупомянутых математических дисциплин, то им, шумерам, в отличие от наших школьников, не за что было ненавидеть их, дисциплины. И верно — нашим двоечникам они абсолютно ни к чему, а шумеры с их помощью рассчитывали площади орошаемых земель.

Очень далеко шумеры продвинулись и в астрономии. По крайней мере траектории семи главных планет они знали лучше большинства из нас. Не говоря уже о фазах Луны. При этом, как и мы, они не забывали о якобы лженауке — астрологии. Можно только позавидовать уровню их знаний в химии, минералогии, ботанике и зоологии.

Возможно, у древних египтян были не менее впечатляющие достижения. Но они писали в основном на папирусе. А папирус — хоть и не самая плохая, но всего лишь бумага. А рукописи, как известно, не только горят, но и портятся самыми разнообразными

способами. Кроме того, египтяне использовали иероглифы, а это — не самое легкое чтение даже для специалистов-египтологов.

Шумеры сделали даже не шаг, а два шага вперед. Они изобрели клинопись, то есть совсем чуть-чуть не дошли до буквенного алфавита. И понимать написанное ими — легче. Кроме того, они выбивали клин клином не на бумаге, а на глиняных табличках. И если написанное пером не вырубилш топором, то выбитое на глиняном кирпичике — тем более. Поэтому сегодня мы знаем о шумерах гораздо больше, чем о египтянах.

Шумеры оставили нам в наследство больше литературных памятников, чем Киевская Русь. И даже целый эпос — цикл эпических сказаний о герое Гильгамеше, который входит в сокровищницу мировой литературы.

Наконец, шумеры самостоятельно выработали из своих первобытных верований собственную самобытную религию. Правда, выработали традиционным способом. Свели воедино божества разных городов, установили иерархию богов, отношения между ними, распределение обязанностей, обрядность и так далее.

Наверное, не одни они отождествили смену времен года с идеей умирающего и воскресающего божества. Но что удивительно: именно от шумеров мы впервые узнаем о всемирном потопе. Видимо, была в этом регионе стихийная катастрофа подобного рода. Может быть, за много веков или даже тысячелетий до появления шумерского государства. И сказания о ней, передаваясь изустно от поколения к поколению, дошли до шумерских кирпичиков. А потом пошли и далее.

Очень не хотелось бы, чтобы Древняя Месопотамия осталась в памяти читателя только как Страна великих достижений.

Нет, это прежде всего была страна тяжелого рабочего труда. От зари до зари. Без праздников и выход-

ных. За литр зерна в день, чтобы не умереть от голода. В придачу — набедренная повязка, сандалии, плащ и циновка для сна. Это была страна бесконечной кровавой междоусобицы и бесконечных кровавых набегов. Бесконечные вереницы пленников, скованных одной цепью, — будущих рабов. Горы трупов. Пирамиды живых, наваленных друг на друга пленников, чтобы смерть была мучительнее. Тысячи четвертованных. Тысячи посаженных на кол. И самое отвратительное: все это запечатлено монументально, на камне, как самая большая доблесть.

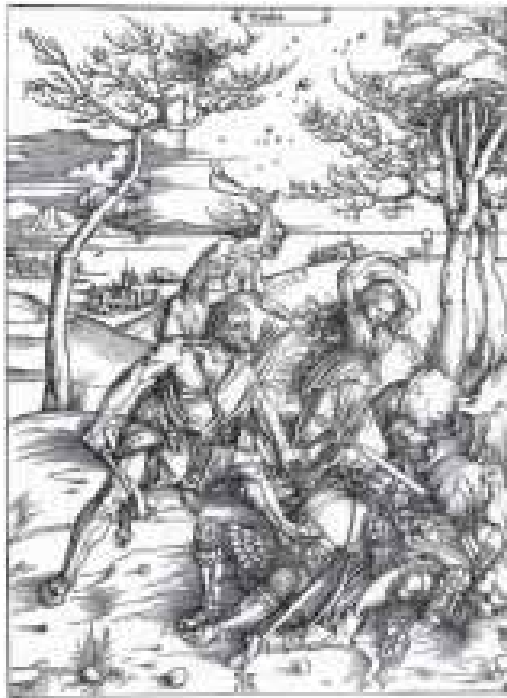
Смотришь на эти картины, вспоминаешь шумерские сказания о потопе, чувствуешь полную солидарность с Господом Богом, покаравшим людей за такие злодеяния. И жалеешь только о том, что не утопил всех до единого, чтобы потом попытаться еще раз создать Человека — Человека с большой буквы, а не двуногого зверя.

4

В Древней Индии цивилизация складывалась в два этапа. Сначала в долине реки Инд (третье тысячелетие до н. э.), где до сих пор сохранились остатки городов того времени с великолепной архитектурой и высоким уровнем техники градостроительства, до системы канализации включительно. По неясным причинам эта культура пришла в упадок, и от нее остались лишь развалины давно заброшенных городов. Спустя тысячу лет (вторая половина второго тысячелетия до н. э.) центр цивилизации переместился к востоку, в долину реки Ганг, где сложились наиболее крупные государства Древней Индии. Есть основания полагать, что это было связано с вторжением в западную Индию через Афганистан арийских племен, утвердивших здесь свою культуру.

Индийские арии вошли в мировую историю своеобразием социальной структуры общества, своей рели-

гии и своих философских школ. Их ожидала трагическая судьба. Попытки создать единое государство потерпели неудачу. Результат — непрерывные иноземные нашествия и владычества, завершившиеся в конечном счете статусом колонии Британской империи (до 1947 года). Иными словами, Индия (как и Китай) по сути насильственно оставалась принадлежавшей к Древнему миру до середины прошлого века.

Социальную структуру Древней Индии (с сильнейшими пережитками до сих пор) можно назвать классической, правда, с двумя важными особенностями. Первая особенность: высшим классом общества формально признавалось жречество (брахманы), хотя фактически им была военная знать (кшатрии — великие князья, махараджи — князья, раджи — их дворяне-дружины). Средний класс, вайшии — крестьяне, ремесленники, торговцы. Низше-средний класс, шудры — батраки, прислуга. Наконец, разного рода изгой, составлявшие низший класс общества, чаще всего известны под именем париев.

Другая особенность заключалась в том, что все четыре сословия (варны) были жестко замкнуты в общении, брачные союзы между представителями разных сословий не допускались. Парии вообще сравнивались к животным.

Результат оказался катастрофическим.

Дело в том, что брахманы и кшатрии составляли считанные проценты населения. Основная масса народа — вайшии и шудры (парии не в счет). Не все были согласны добровольно оставаться в приниженом положении и искали возможности избежать этого. А таких возможностей представилось целых три. И они разорвали Индию на три части.

Первая возможность возникла в середине первого тысячелетия до н. э., когда появился буддизм — «индуистский протестантизм». Перешел в буддизм —

и ты уже не вайшия или шудра, а буддист. По сложным социально-психологическим причинам буддизм в самой Индии не прижился. Он стал одной из трех мировых религий (наряду с христианством и исламом), охватив ряд регионов к востоку и юго-востоку от Индии, а также проникнув в Китай и Японию.

Вторая возможность появилась тысячу лет спустя, когда началось триумфальное шествие ислама по Евразии. Перешел в ислам — и ты уже не пария, а мусульманин. Раскол официально закрепился в 1947 году делением Индии на Пакистан, Бангладеш (несколько позже) и собственно Индию.

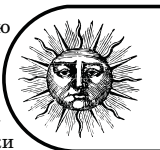
Третья возможность появилась еще позже, когда в индуизме возникли секты, отвергавшие варны. Некоторые из таких сект со временем стали фактически основными религиями (например, сикхизм).

Правительство Индии с 1947 года также отвергает варны. Но тысячелетние традиции трудно искоренить за несколько десятилетий. Живучесть индуистских традиций объясняется тем, что они органически вошли в мировоззрение и социальную психологию народа. Важную роль в этом мировоззрении играют философские школы. Их несколько: миманса, веданта, санкхья, йога, ньяя и другие. Понятно, философией занимаются философы, основная масса людей имеет об этом самое общее представление. Однако и этого оказалось достаточно для формирования общественного сознания, поведения, всего социально-психологического облика индуса. Важно, что почти миллиард индусов верит в догмы индуизма так же истово, как миллиард мусульман — в догмы ислама. Чтобы понять, почему индуизм — одна из немногих религий Древнего мира — дожил до наших дней, да еще в таких масштабах, нужно представить себе степень ее эмоционального воздействия на человека, воспитанного в традициях индийского общества.

Согласно индуизму, все наше Мироздание является творением всеобъемлющего божества Брахмы

(образный аналог: паук и его паутина). Брахма функционирует циклично-бесконечно. Его «день» длится 4 320 000 лет и столько же — «ночь», когда он «отдыхает» и Вселенной будто не существует, после чего все начинается сначала и не имеет конца. При этом каждое существо на земле, включая человека, со смертью перерождается в другое существо — более «высокое» (если ведет себя «правильно») или более «низкое» (если нарушает божественные установления). Отсюда мораль: надо относиться ко всему происходящему философски, ибо все это было и будет бесчисленное количество раз. Надо вести себя «правильно», и тогда будешь подниматься со ступени на ступень в иерархии Мироздания и общества, пока не достигнешь высшей ступени — блаженства в полном отключении от цепи перерождений (нирвана).

Важно добавить, что социальную психологию индусов определяют не только индуизм и связанные с ним философские школы, но и народный эпос, уходящий корнями тоже в давно минувшие тысячелетия и выдержанный в том же духе («Махабхарата», «Рамаяна» и другие). Он органически входит в сокровищницу мировой культуры.

5

Все цивилизации Древнего мира — как все счастливые семьи (если верить Л. Толстому) — похожи друг на друга. И это понятно: одни и те же причины возникновения, характер, особенности и прочее. Разнообразие вносят лишь географические и этнографические факторы: разные области земной поверхности, разные конгломераты племен и народов.

Разнообразие может быть очень большим, но гораздо больше общего у всех древних цивилизаций. И это «гораздо больше» для истории важнее всего.

Поэтому в истории Древнего Китая многое напоминает историю трех только что обрисованных цивилизаций.

лизаций. Династий здесь (если считать все царства до XX века) — не меньше, если не больше, чем в Древнем Египте. Те же центробежные силы (крупные землевладельцы) рвут страну на куски и тем самым делают ее жертвой иноземных захватчиков. Те же центростремительные силы (мелкие землевладельцы) соединяют разрозненное, изгоняют захватчиков и основывают новую династию. После чего начинается новый цикл.

Особенность Китая: переход от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию, но в рамках первобытной общины, затянулся почти на целое тысячелетие (третье тысячелетие до н. э.). Первое государство (Инь, в среднем течении Хуанхэ) возникло лишь в XVIII веке до н. э. и просуществовало до XII века до н. э. Его сменило государство конкурирующей народности Чжоу (XI—III века до н. э.). Новый царь (ван) отблагодарил своих сторонников тем, что создал для них 71 «царство». Понятно, началась междоусобица. Мелкие «царства» соединились в крупные, началась 200-летняя «эпоха воюющих царств». Победитель в этой «войне всех против всех» кровавой рукой ненадолго (всего на четырнадцать лет) объединил страну. Но центробежные силы открыли дорогу кочевникам с севера, и цикл повторился. Не помогла и Великая Китайская стена — «восьмое чудо света» (наверное, первое по времени появления). Заметим попутно, что Северный Китай сполна испытал на себе те же ужасы нашествия Чингисхана, что и Киевская Русь. А следом за монголами вскоре пришли маньчжуры. А следом за маньчжурами — Британия, Франция, Япония, Германия, Австро-Венгрия, США, Россия, Италия. На протяжении одного только XIX века иностранные захватчики трижды терзали этот рудимент Древнего мира и довели-таки страну в 1911 году до революции и гражданской войны, закончившейся лишь в 1949 году созданием Китайской Народной Республики.

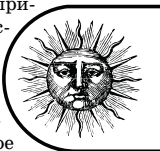
Еще одна особенность Китая. Согласно хроникам (их осталось намного больше, чем от трех предыдущих цивилизаций вместе взятых), китайцы восставали против отечественных и иноземных угнетателей чаще и успешнее, чем в Египте, Месопотамии и Индии. Только в Китае крестьянская война оказалась победоносной, не была подавлена силой. Мы имеем в виду восстание тайпинов с созданием «Небесного государства великого благоденствия» (1850–1864). Но в конце концов и здесь «все вернулось на круги своя», что лишний раз доказывает: перепрыгнуть через свою историю невозможно.

Досадно другое. То ли по Высшему злему умыслу, то ли по Иронии Истории, но ни один бунт, ни одно восстание в мире — даже самое справедливое и успешное, даже против самого гнусного угнетателя — не приносило счастья народу. Последние примеры: Россия 1917 и 1991 годов.

И тем не менее мы обязаны преклониться перед памятью восставших.

Третья и последняя, по нашему мнению, особенность Китая. Он создал самое конструктивное в мире мировоззрение (если не считать пуританства, от которого сегодня мало что осталось), которое называется конфуцианством (его более современная версия — неоконфуцианство). Учение названо по имени Кун Фуцзы — китайского мыслителя середины первого тысячелетия до н.э., современника Будды. По нашему мнению, его правильнее было бы называть «китайством» — настолько полно отражает оно дух народа. Кратко его суть: почитание родителей, уважение к старшим, преданность государю (своему народу), истовость в труде, человечность в сознании и поведении.

На первый взгляд, Китай во многом представляется полной противоположностью Индии. Но обе страны достигли разных и в то же время одинаково значительных результатов.

Индия поставила рекорд по высоте гуманизации философского мышления. Она раскрыла перед человеком в этом отношении несколько альтернатив и каждую наполнила глубоким смыслом самосовершенствования. При этом подчинила почти все философские школы (кроме одной) господству всепоглощающей религии индуизма.

Китай поступил наоборот. Он оставил религию на уровне первобытных верований (культ предков плюс обожествление царя-вана, как «сына неба»). Но развил — тоже в нескольких вариантах — «философию жизни»: как вести себя не по принуждению и даже не по вере, а по внутренней самоубежденности, чтобы твоя работа давала максимальную отдачу при минимальных затратах и чтобы твоя жизнь полностью растворилась в жизни твоей «малой родины», твоей семьи. На наш взгляд, этот памятник культуры не уступает по величию Великой Китайской стене. Если верно, что в самом ближайшем будущем (через считанные годы) человечеству предстоит переход в качественно иное состояние, есть много оснований предполагать, что китайцы сделают этот переход — они его уже начинают делать — быстрее, рациональнее, оптимальнее других.

6

Было бы неверным представлять Древний мир в виде четырех изолированных «островов» — Древнего Египта, Древней Месопотамии, Древней Индии и Древнего Китая. Нет, это скорее сложный «архипелаг», в котором два первых «острова» (точнее, «материка») затонули, а два других — дожили практически до середины прошлого века и сохранили уйму пережитков до сих пор. «Материки» окружены множеством «островов» поменьше, которые появились позднее. Кроме того, в Америке намного позже возникли еще три «материка», которые мало чем уступают четырем названным.

Дадим краткий обзор «материков» второго ряда. Древнейшая Ассирия (к северу от Вавилона). Конечно, это намного позже Шумера и Аккада. Но эта держава просуществовала почти тысячелетие (второе-первое тысячелетия до н. э.), пока не растворилась среди арамейских племен, нахлынувших с запада (откочевать на восток арамеи заставили участвовавшие засухи).

Хеттская держава (северо-восток Малой Азии, XVIII–XII века до н. э.). Ровесница и соперница Ассирии. С той же судьбой.

Палестина, Финикия, Сирия. Все то же второе тысячелетие до н. э. Арена ожесточенной борьбы Египта, Вавилона и других соседних государств. Важный очаг культуры (до сих пор мы пользуемся финикийским алфавитом).

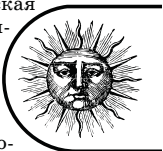
Древнейший эгейский мир. Крито-микенская культура (XXX–XII века до н. э.) Предшественница античной цивилизации.

Наконец, создание персидской империи Ахеменидов (VI век до н. э.), которая покончила с Древней Месопотамией и Древним Египтом. С персидской империей мы вступаем в следующую — античную цивилизацию.

Цивилизации Древнего мира в Америке.

Майя (Мексика, полуостров Юкатан). Цивилизация создана в начале первого тысячелетия н. э. (отдельные элементы — в предшествующие столетия). Развитое земледелие. Более сотни городов с великолепными храмовыми сооружениями. Развитые ремесла, торговля. Иероглифическое письмо. Детально разработанный календарь специально для сельскохозяйственных работ. Сложная, оригинальная религия. Знать, жречество, рабство — все аксессуары цивилизации Древнего мира.

В IX веке страна разорена нашествием соседних племен, цивилизация во многом разрушена. Через столетие была сделана попытка восстановить государ-

ство, но оно вскоре распалось на несколько независимых городов-государств, находившихся в состоянии упадка до прихода испанских завоевателей.

Ныне майя — одно из мексиканских племен с ярко выраженными пережитками своей древней культуры.

Ацтеки — самый крупный из индейских народов Мексики. Обосновались в долине Мехико в XII веке н. э. В 1427 году подчинили себе соседние племена. Заложили город Теночтитлан (современный Мехико) с монументальными храмовыми сооружениями. Развитые ремесла, торговля. Умели плавить золото, серебро, медь и бронзу. Возделывали маис, хлопок, томаты, какао, табак. Сложная, оригинальная религия. Пиктографическое («рисуночное») письмо. Впечатляющее изобразительное искусство. Знать, жречество, рабство — все аксессуары цивилизации Древнего мира.

Спротивление ацтеков горстке испанских конкистадоров было сломлено не только деморализацией (бородатые «люди-боги» верхом на невиданных зверях, с оружием, изрыгающим огонь), но и ненавистью покоренных ацтеками племен, которые оказали испанцам очень большую помощь.

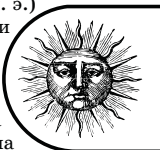
Инки — индейское племя, обитавшее в XI–XIII веках н. э. на территории современного Перу (Южная Америка). В 1438 году подчинили себе окрестные племена и основали государство со столицей в городе Куско, стали высшим сословием. Постепенно расширили пределы государства от южной части современного Эквадора до северной части Чили. Достигли высокого мастерства в сооружении зданий, в обработке бронзы, серебра и золота, в художественной керамике и ткачестве. Изобрели узелковое письмо. Создали оригинальную религию (культ Солнца, с обожествлением Верховного инки).

Как привилегированное сословие, инки имели не только жен, но и наложниц из других племен. Дети от

таких родителей занимали унизительное положение незаконнорожденных (бастардов). Буквально накануне вторжения отряда испанских конкистадоров (1532 год) один из таких бастардов — незаконнорожденный сын Верховного инки — дорвался до власти и первым делом приказал перерезать всех «законнорожденных» инков. К возникшей сумятице добавилась этническая смута: покоренные племена увидели в пришельцах своих избавителей. Вскоре они убедились в своей роковой ошибке, но было поздно: цивилизация инков была почти полностью — в самом буквальном смысле слова — стерта с лица земли.

7

Из четырех больших цивилизаций Древнего мира дожили до наших дней (до середины XX века н. э.) только Индия и Китай. Правда, они возникли почти на два тысячелетия позже Египта и Месопотамии. Так что средняя продолжительность жизни всех четырех великих цивилизаций Древнего мира — четыре тысячи лет. Из десятка малых цивилизаций Древнего мира не выжила ни одна.

Как относиться к выжившим? Обе выжили под колониальным или полуколониальным гнетом. Если бы не разгром японской армии в Маньчжурии летом 1945 года советскими войсками — быть бы и Китаю колонией (Японии).

Обеим есть чем гордиться и чего стыдиться.

Гордиться понятно чем — две древнейшие цивилизации мира с культурой 4000-летней давности, причем многие из их достижений остались среди первейших ценностей мировой культуры. А стыдиться — того, что выглядело естественно четыре тысячи лет назад, но неприемлемо сегодня.

Абсолютно неприемлемы сегодня, например, все и всяческие сословные различия, оттолкнувшие от Ин-

дии значительную часть ее населения. Можно только приветствовать политику индийского правительства, направленную на ликвидацию варн и каст. Но не нам, европейцам (и особенно русским), попрекать индийцев за то, что они так медленно и мучительно расстаются с пережитками сословно-кастового строя. В Западной Европе правдами и неправдами сохраняются выпавшие из времени реликты — «фон» и «де». А в России — как реакция на падение советской номенклатуры — возрождается культ дворянских собраний, графьев-князьев и прочих. Особенно огорчительно, что вся социальная организация советской (и постсоветской) науки насковзь пропитана губельным для нее феодально-кастовым духом по меньшей мере 300-летней давности.

Очень хорошо, что индийцам давно уже не приходится стыдиться дикого обычая самосожжения вдов, дожившего до XIX века. Если будут зарегистрированы попытки возродить этот обычай, придется обратиться к ООН с предложением беспощадно сжигать и вдовцов — ради справедливости и в целях демографического равновесия.

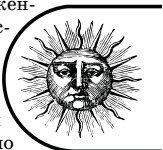
Что касается Древнего Китая, то ему, вместе с современной Россией, надо бы стыдиться за извечный вопрос китайских и русских мужчин к разревневшейся бременем жене: «Ты кого родила? Не мальчика, а кого?» Иначе говоря, за воинствующую патриархальщину. Кроме того, Древний Китай «виноват» в том, что в русских школах до сих пор проходят «китайскую грамоту» — заучивание бессмысленных текстов с единственной целью: получить звание мандарина (почти вся Россия состоит из древнекитайских мандаринов, только они называются у нас по-другому).

Гораздо сложнее провести социально-экономический анализ цивилизаций Древнего мира. Дело в том, что два немецких мыслителя XIX века создали чисто гипотетическую теорию общественно-экономических

формаций, которую их апологеты превратили в догму, даже более того — в прокрустово ложе, с которым 74 года мучились тьмы советских историков (включая пишущего эти строки) и экономистов.

Оба мыслителя работали на материалах одной-единственной цивилизации (античной — к которой мы обратимся в следующей главе). Оставим в стороне «первобытно-общинный коммунизм», который, на наш взгляд, определен некорректно, ибо в первобытной общине распределение проводилось отнюдь не «по потребностям» и тем более не «по справедливости», а по критерию оптимума выживаемости первобытной общины в целом (ради чего вполне можно было, например, съесть уже никчемного старика или еще никчемного младенца). Рискнем утверждать, что и определения остальных формаций, предложенные этими мыслителями, по меньшей мере дискуссионны. Где кончается раб и начинается феодално-зависимый крепостной? Если русский крепостной — не раб, то кто же он? Капитализм во Франции и Арабских Эмиратах — это одно и то же? Социализм в Швеции и КНДР — это одно и то же? Кто из древних индийских или китайских мыслителей являлся рабовладельческим идеологом, а кто — феодальным? Конфуцианство — это рабовладельческая идеология? А чучхе — чья? Принятие догм этих мыслителей делает невозможным изучение ни 4000-летней истории Индии и Китая, ни какой-либо другой. А ответы на все эти бесконечные вопросы требуют конкретного подхода к каждой данной социально-экономической ситуации, к каждому социальному учению. Горький опыт показывает, что всякий отход от такого конкретного анализа (в коем — суть философии истории) ведет к догмам и завершается осквернением православных храмов и буддийских святынь.

То есть очередным Большим Талибаном.

Глава 4. АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Свободой Рим возрос,
А рабством погублен.
А. С. Пушкин*

Мы выделяем античную (греко-римскую) цивилизацию в отдельную главу только на том основании, что мы, европейцы, — дети именно этой цивилизации, а все предшествующие ей цивилизации — «бабушки» и «дедушки» античной. Собственно, мы, русские, — скорее ее «племянники» — по родству нашей евразийской цивилизации (через византийскую) с западной, прямой наследницей античной. Но западная цивилизация последние полторы тысячи лет (сразу после крушения античной) — лидирующая в мире. И поэтому излагать историю человечества в каком-то ином ракурсе было бы, на наш взгляд, неправильным.

Итак, чтобы взглянуть на человечество с высоты современности, надо сначала отправиться на 2500 лет назад в Средиземноморье, где начало складываться то, что мы сегодня отождествляем с обобщенным понятием «Запад», то, чьи достижения в большинстве своем не превзойдены до сих пор.

1

Мой восторг от прочитанной в детстве «Одиссеи» был испорчен в самом финале книги описанием казни рабынь, грешивших с женихами Пенелопы. Их-то за что?! Даже ребенком я понимал, что они — рабыни. Значит, грешили не по своей воле. Значит, казнены несправедливо.

Тут же мне вспоминалась популярная русская песня, часто исполнявшаяся за стеной подвыпив-

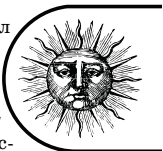
шей компанией соседей: «...и за борт ее бросает в набезжавшую волну!» Ее, беззащитную девушку, даже подростка, можно сказать, ребенка. И кто? Вождь крестьянского восстания, в честь кого переименована улица в Москве, ведущая к Лобному месту. Где его казнили. И где я собственноручно казнил палачей на красочной почтовой открытке, посвященной этому событию.

Но за убиенными рабынями стояло все величие «Одиссеи». А за «Одиссеей» — величие «Илиады».

А за пьяным убийцей-хулиганом — только пьяная компания, из таких же хулиганов состоявшая. Да еще зря испорченная почтовая открытка.

Возникал вопрос: можно ли уважать народ, который по сию пору с сочувствием и восторгом воспевае такую гнусность?

Лишь спустя много лет появился ответ: глагол «уважать» здесь ни при чем. Это — *твой* народ. Как говорится, плоть от плоти. Можно ли «уважать» или «не уважать» свою руку или ногу? Не правильнее ли постараться понять, *почему* люди вели себя так в то или иное время. И постараться подражать хорошему. И осуждать в душе плохое. Это и будут те самые уроки истории, ради которых ходят на уроки истории в школе.

2

Если попытаться изобразить графически суть лобой из цивилизаций Древнего мира, то самая верная картина будет выглядеть примерно так: распростертый в пыли у ног владыки раб и владыка, надменно попирающий распростертого раба ногою. Своего рода диалог. Точнее, образ жизни.

И вот родилась цивилизация, которая в социальном плане выглядит совсем иначе. Это скорее несколько спорящих между собою людей. Пусть один надменен — другой отвечает ему насмешкой, а то и

угрозой. Пусть один пытается повелевать — другой возражает, а то и обнажает в ответ оружие. Картина, конечно, получается тоже не идиллическая. Но в ней проглядывает то, чего не видно в первой: Чувство Человеческого Достоинства, отсутствующее во всех цивилизациях, кроме западной.

На протяжении второго тысячелетия до н. э. в разных местах благодатного Средиземноморья стали возникать общества, которые уже трудно было отнести к варварским, но которые — просто в силу окружающей географической обстановки — еще не могли создать полноценные цивилизованные государства. Здесь не было ни Нила, ни Тигра с Евфратом, ни Инда с Гангом, ни Хуанхэ с Янцзы, ни обширных пастбищ в горных долинах. Поэтому скотоводство и земледелие могли существовать лишь в очень ограниченных масштабах, но уже достаточных для возникновения городов, окруженных стенами, дворцов, ремесел, искусства — словом, всего, чем государство отличается от первобытной общины. Хотя сильнее общинные взгляды сохранялись еще не одно столетие, они мало-помалу уступали место разложению общества на богатые и знатные семьи, с одной стороны, и основную массу рядовых общинников — с другой.

Первые города-государства такого типа образовались в начале второго тысячелетия до н. э. на острове Крит и в Южной Греции (Кнос, Микены и другие). Они просуществовали почти тысячелетие, прежде чем в Грецию с балканских долин спустились греческие племена — ионийцы, ахейцы, эолийцы, позже дорийцы и другие. Они завоевали весь юг Балканского полуострова.

Союз греческих племен вел войны с туземными племенами даже за пределами Пелопоннеса, в восточных районах Средиземноморья. Самая знаменитая из них — десятилетняя осада городка Троя в Малой Азии.

Специалисты высчитали точные даты осады: 1194–1184 годы до н. э.

Здесь мы встречаемся с сюрпризом № 1. Оказываются, «цари» греков и троянцев были вовсе не царями, а «басилевсами», то есть племенными вождями, и ничего государственного ни с той, ни с другой стороны еще не было. Лишь одолев соперников и расселившись на захваченных землях, греки принялись обустроить свои государства. И тут нас ждет сюрприз № 2. У греков не было возможностей строить города-гиганты на сотни тысяч жителей (включая рабов), подобно Вавилону. Сам собой сформировался оптимальный для данных условий небольшой город (полис): несколько тысяч (максимум — несколько десятков тысяч) полноправных граждан-воинов плюс по меньшей мере еще столько же женщин плюс гораздо больше детей и рабов. Такие города-полисы оптимально сочетали преимущества общины (общее собрание граждан) и государства (управление, налоги, армия) и стали примером образования государства из общины. Исторический опыт показал, что союз нескольких таких полисов в состоянии отстоять свою независимость в борьбе с самым сильным противником.

Свои претензии на власть в полисах заявили богатые и знатные семьи вождей (или бывших вождей). Они были лучше вооружены, могли подкупить сторонников, а главное, лучше организованы. Поэтому во многих полисах установилась олигархия («власть немногих», то есть тех самых богатых и знатных). Естественно, не обходилось без злоупотреблений. Но, как мы уже говорили, полис — не Вавилон. Здесь два-три десятка тысяч граждан могли собраться на площади и проголосовать, допустим, против олигархов. Обычно народ (демос) выдвигал вождя (тирана — в те времена это не обязательно был злодей-узурпатор) и устанавливал демократию («власть демоса»).

В самом развитом виде демократия предусматривала регулярное народное собрание (в Афинах оно называлось экклесия), ответственное перед ним правительство (десять стратегов, отвечавших за самые разные стороны жизни государства, например один отвечал за армию, другой — за флот и так далее), наконец, несколько коллегий суда присяжных, чтобы затруднить подкуп (не сообщалось, в какую коллегию попадет твое дело). В совокупности, как увидим, такое разделение властей дало эффект, о котором можно лишь мечтать и к которому нужно бы стремиться.

Древнегреческая демократия до сих пор является недостижимым идеалом для человечества. Конечно, ее не следует идеализировать. В ней имели место и недостатки, и злоупотребления, и неравноправие «неграждан», и рабство. На нее постоянно покушались олигархи, то корыстные тираны. Но при всем том она показала такие чудеса, что мы вправе считать ее саму по себе сюрпризом № 3.

Три сюрприза вполне закономерно породили четвертый. Над разрозненными крошечными (по азиатским масштабам) греческими полисами нависла тень огромной персидской империи, только что подмявшей под себя весь Ближний Восток и Египет. Греческие города на побережье Малой Азии выразили покорность Персии без боя. А в самой Греции полисы заупрямились (Чувство Собственного Достоинства!). Поэтому Грецию персы решили завоевать, и мало кто сомневался в успехе такого предприятия: уж слишком неравные были силы.

В 492 году до н. э. персидский царь отправил в Грецию огромный флот из нескольких сот галер. Но сильный шторм разметал их у Афонского мыса, причем сотни галер затонули. Это было словно предзнаменование, которому в Персии не поверили.

В 490 году царь повторил поход. Он отправил в Грецию 60-тысячную армию, которая высадилась у селе-

ния Марафон менее чем в полусотне километров от Афин и которой могли противостоять только 10 тысяч афинян и тысяча их союзников из Платеи (остальные греческие полисы заняли выжидательную позицию).

Казалось, греки обречены. Но персидская армия состояла из наемников и подневольных ополченцев из покоренных племен, а греческая — из лично знавших друг друга «гетер» (товарищей), которые сражались за Родину. Греческое войско применило невиданную тогда тактику: оно построилось в шеренгу (фалангу) и, запев боевой гимн, устремилось на врага, охватывая его с двух сторон — это при шестикратном превосходстве противника! При этом греческие копьеносцы действовали не в одиночку (как персы и все тогда воины всех других армий), а слаженно: один наносил удар, пробивая щит неприятеля и делая того беззащитным либо заставляя отбить удар и тем самым «открыться», а другой разил наверняка. Несколько минут такой резни — и более полусотни тысяч персов в панике бросились спасаться на свои корабли, оставив на поле битвы 6400 трупов. Греки потеряли 192 человека.

Как мы знаем, один легендарный древнегреческий воин пробежал 42 километра 195 метров из Марафона в Афины, чтобы сообщить согражданам о победе. С 1896 года бег на эту дистанцию включен в программу Олимпийских игр.

Десять лет персы не могли прийти в себя от такого позора. Умер один их царь, на престол вступил другой. Он решил сделать третью попытку. В 480 году до н. э. армия и флот персов двинулись на Грецию в третий раз. На этот раз к Афинам присоединились Спарта и несколько других полисов. Триста спартацев заняли оборону в узком Фермопильском ущелье. Но их обошли с тыла, и они все героически пали в бою. Значительная часть территории Греции была опустошена, но греческий флот в бою у острова Саламин наголову разгромил персидский. А в следующем году

при городе Платеи произошло второе, и последнее в этой войне сражение. Персы выставили 120-тысячную армию, к которой добавили 50 тысяч греческих наемников из городов Малой Азии. На них двинулась уже не 10-тысячная, а 80-тысячная фаланга. Сорок тысяч персов бежали еще до начала сражения. Из остальных спаслись только три тысячи. Остальные были перебиты. Вскоре на море был вторично разгромлен персидский флот. И персам пришлось заключить мир, признав независимость греческих полисов на Балканах.

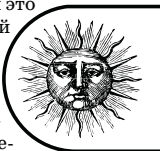
Неожиданную для мира того времени победу греков над персами мы вправе назвать сюрпризом № 4. Но и он оказался не последним.

Сюрприз № 5: небывалый взлет древнегреческой культуры после победы над персами — как у русских после Отечественной войны 1812 года. Недаром это время зовется «золотым веком древнегреческой культуры». И вновь подчеркнем: достижения его во многом не превзойдены до сих пор. Назовем главные из них.

Философия. Идея «мирового разума», который управляет миром (актуальна и в наше время). Строение материи: сочетание четырех основных элементов — земли, воды, воздуха и огня, которое дает начало всем циклам мироздания. Элементы состоят из однородных частиц — «зерен» (будущих атомов). Важность внутреннего самопознания («познать самого себя», «человек есть мера всех вещей»).

Наука (протонаука). Заметный прогресс в математике, астрономии, медицине, зоологии, логике, истории, политологии. Эти знания останутся высшим авторитетом еще более тысячи лет.

Искусство. Непревзойденная скульптура, театр с первоклассными (до сих пор!) трагедиями и комедиями, оригинальное изобразительное искусство, музыка и танцы (о которых мы, правда, имеем очень отрывочные сведения).

Поэзия и проза, вошедшие в сокровищницу мирового искусства и по всем критериям не уступающие всем последующим достижениям. Даже сегодня трудно найти на Западе образованного человека, никогда не слышавшего об «Илиаде» и «Одиссее», о подвигах Геракла и об аргонавтах.

Блестящим памятником античной культуры являются так называемые Семь чудес света, из которых только одно (египетские пирамиды) относится к Древнему миру. Остальные шесть — продукт античности: террасные («висячие») сады Семирамиды в Вавилоне (VII век до н. э.); храм Артемиды в Эфесе (около 550 года до н. э.); Мавзолей в Галикарнасе (середина IV века до н. э.); статуя Зевса в Олимпии (около 430 года до н. э.); Колосс родосский (около 292–280 года до н. э.); Александрийский маяк (около 280 года до н. э.). Как известно, сохранились лишь пирамиды. Ни одна попытка в последующие века — до нашего времени включительно — создать хотя бы проект «восьмого чуда света» так и не увенчалась успехом.

Пожалуй, самую высокую оценку античной цивилизации дали наиболее образованные из ее ближайших потомков, которые стремились не превзойти ее достижения (это не во всем удалось даже нам), а хотя бы возродить что-то из достигнутого ренессансом античности.

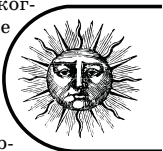
Сюрприз № 6: на волне экономического подъема и общего воодушевления греков после победы над персами резко возросла греческая экспансия в Средиземноморье и Причерноморье. Греки и до этого щепетильно относились к перенаселенности своих полисов и при малейших ее признаках предпочитали переселять людей в колонии — первоначально на острова Эгейского моря и западное побережье Малой Азии. Теперь они принялись заселять весь регион от восточного побережья будущей Испании, Южной Италии и Сицилии до Ливии и Египта, а также все

побережье Черного и Азовского морей (более сотни крупных колоний).

Греческая фаланга к тому временам уже стяжала себе ореол непобедимости. Не отставал от нее и неизменно победоносный греческий флот. К первоначально небольшим галерам (по 25 гребцов с каждого борта) добавились морские гиганты с сотнями гребцов в несколько рядов весел. Корабли противника не выдерживали ударов греческих таранов, а оказавшихся в воде добивали лучники с палубы корабля-победителя.

Самым сильным из греческих флотов был афинский. Афины же держали союзную казну. И естественно, став хозяевами положения, диктовали политику. Словом, сделались чем-то вроде современных Соединенных Штатов с тем же мировым господством, только в масштабе Средиземноморья. Такое никогда — ни в древности, ни в наши дни — добром не кончается. И здесь нас ждет седьмой, последний, сюрприз — самый неожиданный из всех предыдущих.

К югу от Афин, на полуострове Пелопоннес, после гибели Микен возвысился город-государство Спарта с весьма своеобразными условиями, существенно отличавшими его от Афин и других греческих полисов. Спартанцы поселились на земле своих предшественников — илотов, коих они превратили в своих крепостных и у коих они забирали большую часть урожая. Илоты отчаянно сопротивлялись, и, чтобы держать их в повиновении, потребовалась особая социальная организация государства. Спартиаты сплотились в военную коммуну, члены которой проводили все время в совершенствовании своего боевого мастерства. Эта высококлассная профессиональная армия содержалась за счет илотов. Спартанцы периодически проводили карательные экспедиции (криптии) против илотов, чтобы держать тех в постоянном страхе и заодно воспитывать у подрастающего поко-

ления беспощадность к врагу. Физически ущербных младенцев-мальчиков, которые не могли стать воинами, умерщвляли.

Спарта традиционно соперничала с Афинами во влиянии на другие греческие города. Как мы видели, она даже предпочла нейтралитет во время первого персидского похода на Грецию и стала союзником Афин, лишь когда убедилась в смертельной опасности для себя. Но когда персов выдворили из Греции, старое соперничество обострилось, и дело вскоре обернулось внутренней войной. Политически линия раздела проходила по всей Греции между проафинскими демократами и спартанскими олигархами, обладавшими всюду большим влиянием. Более сорока лет тянулись Греко-персидские войны (492–449 годы до н. э., если считать с первого, неудачного похода персов). И почти тридцать лет шла так называемая Пелопоннесская война — изурительная война на измор между Спартой и Афинами (431–403 годы до н. э.). Спартанская армия была, безусловно, сильнее, и дело быстро дошло до осады Афин. Но афинский флот держался дольше. Спарте пришлось затратить немалые усилия, чтобы построить столь же мощный флот и победить Афины и на море.

Но практически судьбу войны решила общая нелюбовь большинства греческих полисов к гегемонии Афин — совершенно так же, как сегодня во всем мире недолюбливают США, даже их союзники.

Но самое ужасное, что Пелопоннесская война — в отличие от Греко-персидских войн — была по сути *гражданской* войной, а гражданская война всегда беспощаднее, опустошительнее иных-прочих.

Что такое победа одного города-полиса над другим, своим соседом? Чаще всего — это массовое убийство всех, кого нельзя продать в рабство, дымящиеся руины на месте только что процветавшего города. Реже — тысячи жителей, угнанных на продажу в рабство, изна-

силуваные женщины, разрушенные семьи. Эти ужасные картины очень живописно реконструирует в своем великольном романе «Таис Афинская» И. А. Ефремов. И такое случалось множество раз на протяжении почти тридцати лет!

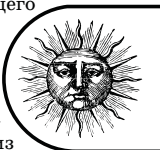
То, чего не смогли сделать с Грецией персы, сделали сами греки, и сделали собственными руками. На протяжении многих десятилетий IV века до н. э. (после Пелопонесской войны) Греция выглядела, как Россия после Гражданской войны 1918–1920 годов. Хорошо еще, что у персов хватало своих проблем и им в это время было не до греков. Но и без вмешательства персов страна в таком состоянии не может существовать долго.

3

Такой жалкий упадок после такого блестящего подъема!

Итак, пала гегемония Афин, Спарта пришла в упадок... Но кто-то должен занять их место, поскольку свято место пусто не бывает. Неожиданностью стало то, что место это заняли «получившие» македонские племена из наименее цивилизованной области на севере Греции. Правда, Македония во время Греко-персидских войн и Пелопонесской войны (а ведь это в совокупности — почти столетие!) сделала немалые успехи в деле усвоения греческой культуры. Главный из них — хорошо подготовленная и усовершенствованная армия. У македонцев фаланга строилась в несколько рядов, причем задние воины клали свои длинные пятиметровые копья-хариссы на плечи передних. Получался гигантский «еж-дикобраз», насквозь пробивавший иглами боевой строй любого противника. Очень скоро это щетинистое существо с блеском продемонстрировало свои убийственные способности.

Полис за полисом обращался в руины или сдавался на милость македонцев, и вскоре вся Греция ока-

залась в руках македонского царя. Прошло совсем немного времени, и великольная военная машина македонцев нашла новое применение! Греческие колонии на западном берегу Малой Азии продолжали платить дань персидскому царю. Стало быть, — поход на Персию!

И не беда, что персидская армия вчетверо превосходила македонскую численностью. Не беда, что персидская армия по меньшей мере на четверть состояла из греческих наемников, использовавших в сражении вроде бы ту же самую греческую фалангу. Грек, сражающийся за деньги, и грек, сражающийся за «Великую Грецию», — это два разных грека. А все, кто не-греки, — это просто племенные ополчения, рассыпающиеся в прах перед регулярной армией. А македонская регулярная армия была самой организованной армией своего времени. Требовался только талантливый полководец, чтобы использовать все преимущества македонской фаланги. И такой полководец — юный сын македонского царя — нашелся.

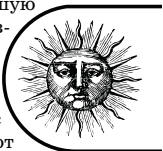
Весной 334 года до н. э. тридцать тысяч македонских пехотинцев и пять тысяч всадников переправились через Геллеспонт и вторглись в Малую Азию. Им противостояло примерно столько же персов плюс две тысячи греческих наемников. Греческая конница опрокинула персидскую, фаланга разгромила наемников (их уделом стало рабство в Греции), и персы панически бежали. На следующий год произошло сражение с главными силами персидского царя. снова фаланга разгромила наемников, а конница провалилась к ставке царя. Царь бежал, за ним все войско (вчетверо превосходившее македонцев по численности). Затем македонцы штурмом взяли несколько городов Финикии и Палестины, а египетский сатрап персидского царя сдался без боя.

В 331 году до н. э. наступление македонцев продолжилось. Форсированы Тигр и Евфрат. Персидский

царь попытался решить судьбу войны еще в одном генеральном сражении. Соотношение сил — примерно то же (четырёхкратное в пользу персов). И судьба сражения — та же (в пользу македонцев). Македонцы ударным «кулаком» пробили брешь в боевом порядке противника, и персидский царь снова бежал, за ним все войска. Персидские сатрапы убили своего царя, ставшего «лишним» в начавшейся агонии. Затем македонцы завоевали Среднюю Азию, и на месте Персидской державы появилась Греко-македонская империя, которая простиралась от Египта до Индии. Была сделана попытка захватить и Индию. Но армия застряла в индийских джунглях под градом стрел невидимых лучников. Солдаты устали и не видели перспективы (что там, за Индией? Бог весть...).

И армию, так блестяще начавшую и завершившую свой поход, постигли ужасные бедствия — словно в наказание за бездумную авантюру. Ибо великий полководец оказался никудышным государственным деятелем. Сначала обескровленная сражениями армия без воды и пищи с величайшим трудом прошла через пустыню от Инда к Евфрату и Тигру. Затем несколько лет она бессмысленно бездействовала в Месопотамии, в центре новообразованной империи. В 323 году до н. э. последовала внезапная смерть полководца, на личности которого, собственно, и держалось все предприятие. Началась яростная борьба за власть среди его приближенных, в ходе которой погибли любимые жена и сын полководца. И затем — почти две сотни лет прозябания разорванной на куски греко-македонской державы. В ожидании своего завоевателя.

Конечно, по сравнению с только что закончившейся героической эпохой состояния Греции было жалким, но оно было никак не хуже ее бедственно-го положения в ходе Пелопоннесской войны. Но при этом никуда не делась греческая культура. Были по-

строены великолепные города, дворцы, библиотеки. Первый звездный атлас неба чего стоит! Напомним, что именно в эти два столетия были построены два последних из Семи чудес света. И что эти два столетия вошли в историю мировой культуры под гордым названием «эллинизм». В признание заслуг греков, а не кого-нибудь еще, за это развитие именно их культурных достижений.

4

А теперь переходим ко второй части античной цивилизации — кстати, сыгравшей в культуре России вряд ли намного меньшую роль, чем Греция. Во всяком случае порой складывается впечатление, что многие цензурные слова у нас (включая само слово «цензура») — если не из Греции, то именно *оттуда*.

Абсолютная истина в последней инстанции: Ирония Истории сильнее, чем Наука Истории и Философия Истории вместе взятые. Иногда даже кажется, что История состоит из одной Иронии, то есть намешки над человечеством.

Если бы сегодня какой-нибудь оголтелый фантазер принес в редакцию рукопись, где описывалось бы, как работу отстающего студента представили на соискание премии в Нобелевский комитет или как хилый замухрышка, которого шпыняли все кому не лень, вдруг стал чемпионом мира по боксу, его выставили бы за дверь без объяснений. В лучшем случае объяснили бы, что такой вздор не укладывается даже в рамки фантастики.

Между тем нечто подобное произошло две с лишним тысячи лет назад, во второй половине первого тысячелетия до н. э., в самой сердцевине Средиземноморья. В то время как на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке разыгрывались гремевшие на весь цивилизованный мир (кроме разве что Китая) героические и трагические события, описанные выше, — Апенни-

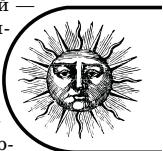
ны, равно как и Иберия (нынешняя Испания), являли собой жалкое захолустье, в котором не происходило ничего заслуживающего внимания историка.

Так, на территории современной Италии увязли в непрерывных войнах за земли, рудники и рабов три разбойника.

Первый разбойник — греческие колонии, раскинувшиеся по берегам Южной Италии и Восточной Иберии. В Южной Италии и Восточной Сицилии их было настолько много, что эта область, в отличие от метрополии, именовалась Великой Грецией. В силу разрозненности эти колонии, как и метрополия, были слабы, и у них со временем появились два соперника, постоянно досаждавшие им.

Главный соперник (и это второй разбойник) — город-государство Карфаген (в переводе на русский — Новгород), основанный в 825 году до н. э. выходцами из финикийского города-государства Тира. Постепенно карфагеняне завоевали все северное побережье Африки почти до самого Египта, а также южное побережье Иберии, Западную Сицилию, Сардинию, Корсику, Балеарские и прилегающие к ним острова. Их экспансия набирала силу от века к веку, и противостоять ей было практически некому.

Третьим разбойником были племена Средней и Северной Италии: япиги, оски, латины, этруски, лигуры, умбры, сабеллы, венеты, кельты и другие. Заметим, что латины относились к числу наименее значительных и не шли ни в какое сравнение, скажем, с этрусками или кельтами. Все эти племена находились на разных стадиях разложения первобытной общины. У них выделилась племенная аристократия, появились вожди, носившие гордое имя «правитель» (у латинов, например, «рекс», а его супруга — «регина»). Их по традиции часто именуют «царями» — как мы делали это выше по отношению к персидским и иным монархам, — но цари

(Цезарь, Кесарь, Кайзер) появились чуть ли не тысячелетием позже и отличались от «рекса» тем, что царь правил государством, тогда как за «реksom» мог стоять всего лишь совет старейшин племени.

Но в качестве грабителей-разбойников перечисленные племена ничуть не уступали цивилизованным грекам и карфагенянам.

Наиболее сильным объединением племен на Апеннинских полуострове была невесть откуда взявшиеся этруски (возможно, они стали результатом смешения нескольких племен).

Они овладели большой областью Тоскана к северу от Рима и подчинили себе племена от Рима до Неаполя, а также в бассейне реки По, за что историки стали образно именовать их «федерацией». Эта «федерация» в крошечном городке под названием Рим установила правящую династию одного из подчиненных племен — латинов.

Как господствующие иноземцы, этруски, видимо, долго (больше столетия!) держали латинов, что называется, «в черном теле». И те наконец восстали. Поводом к восстанию, согласно исторической легенде, послужило насилие сына «рекса» над одной из знатных женщин, которая покончила с собой, воззвав к мщению.

Этруски, которые были уже «умирающим» народом, столкнулись — в лице латинов — с народом «рождающимся». И пали жертвой своего «старения».

Иноземное иго было свергнуто, и в 509 году до н. э. город Рим стал республикой. Но так как любая республика «без царя в голове» — нежизнеспособна, римляне создали свое собственное государственное устройство, заимствованное впоследствии многими государствами мира.

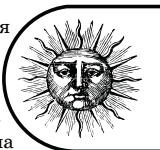
Высшей государственной инстанцией стал совет старейшин (сенат), количество членов которого пос-

тепено увеличилось с 300 до 900. Правительство возглавляли два консула, которые избирались ежегодно и правили поочередно (чтобы не допустить возврата тирании). Консулы назначали чиновников по разным секторам управления государством и были полностью подотчетны сенату, который одновременно являлся и высшей судебной инстанцией. Эта система оказалась, как увидим, очень эффективной при сложившихся обстоятельствах. И сделалась беспомощной (через несколько столетий), когда обстоятельства изменились.

Уже давно миновало героическое прошлое Греции. Уже раскололась великая греко-македонская держава. А римляне все еще пребывали в ничтожестве не сильного, попираемого соседями племени где-то на задворках Апеннин.

Преимущества нового государственного строя сказались не сразу. Латинам пришлось выдерживать длительную борьбу с этрусками, отразить несколько нападений соседей, причем в одном случае они спаслись чудом: нападавшие всполошили гусей, и те своим гоготанием подняли на ноги уснувшую стражу. Латинам также пришлось пережить несколько тяжких поражений, откупаться от торжествующих победителей, выдерживать унижительную процедуру прохода, согнувшись, под копьями противника. Забегая вперед, отметим, что римская армия дважды была почти целиком уничтожена в сражениях. Но встали новые бойцы, которые сумели победить первоклассных профессионалов. Потому что сражались за родной город, потому что — как и у греков — главным всегда было Чувство Человеческого Достоинства, исчезавшее у высокого профессионала, если он был всего лишь наемником или рабом своего господина.

Сохранилась легенда о подвиге захваченного в плен римлянина. Его уже собрались подвергнуть

пыткам, чтобы склонить к предательству. Но он добровольно положил руку в костер и выдержал неимоверную боль, чтобы показать верность Родине. Думается, в этой легенде — ключ к тайне будущих побед Рима.

Стоит добавить, что попутно римляне сделали один важный шаг вперед в военном и военно-морском искусстве.

Они отказались от греческой фаланги, как от слишком громоздкой и неповоротливой. Свою армию римляне разделили на легионы (полки) численностью от 4,2 до 6 тысяч воинов каждый. Легион представлял отдельную войсковую часть и мог вести боевые действия самостоятельно. Где бы он ни останавливался — хоть на одну ночь, он обустроивал укрепленный лагерь и застигнуть его врасплох было практически невозможно. Первоначально легионов было всего четыре, и этого оказалось вполне достаточно для масштабов Апеннинского полуострова. Позднее количество их перевалило за тридцать, — и с такой армией Рим стал господином мира.

Легион делился на манипулы (батальоны) по две центурии (сотни) в каждой. Перебрасывая подвижные манипулы на главное направление удара, римляне легко достигали численного перевеса, необходимого для прорыва, и добивались победы.

Изменилось и вооружение. Щит стал огромным и надежно защищал от стрел. А копье (пилум) стало коротким и тяжелым. Его бросали в противника за три-четыре метра до него. Попадал пилум в незащищенное место — противник выбывал из строя, попадал в щит — щит опускался к земле, и противник становился незащищенным. Оставалось добить его коротким мечом — фехтовальная подготовка у легионера отличная. А справа и слева — надежные товарищи, готовые помочь, ежели что. И со временем римская армия стала непобедимой.

Один легион был способен обратить в бегство многократно превосходившие его по численности отряды варваров. Чувство Человеческого Достоинства не позволяло бежать с поля боя при самом невыгодном соотношении сил. Легионеры боялись позора сильнее, чем децимации — казни после боя каждого десятого из той центурии, которая бежала под напором врага.

В отличие от греков, римляне изначально были сухопутным народом, и им было неуютно в морском бою. Но и тут нашелся выход. Были изобретены так называемые вороны — абордажные мостики с острым крюком. Увернувшись от таранного удара, римская галера становилась борт о борт с противником, на палубу вражеского корабля перекидывался мостик, и легионеры устремлялись по нему в атаку. А дальше все шло, как на «твердой» земле.

А дальше Рим стал напоминать Московскую Русь времен Ивана Калиты. Где силой, где хитростью, где подлостью римляне подчинили себе один за другим все этрусские города, а за ними последовали города и других племен. Где не получалось подчинение — предлагался выгодный «союз» (оборачивавшийся на деле тем же подчинением). Римлянам повезло: греческие города на востоке Сицилии и в Южной Италии ввязались в длительную войну с Карфагеном. И это время было использовано Римом на все сто процентов.

Но всякому везению приходит конец. Греческие города в Южной Италии решили наконец обратиться против гораздо более грозного для них врага, чем Карфаген. Они призвали на помощь выдающегося греческого полководца — царя Эпира — небольшого царства на северо-западе Греции. В 280 году до н. э. он высадился в Италии и в первом же сражении разбил римлян. Но, как мы уже знаем, римлян можно было разбить и раз, и два, но ни разу — победить. Второе сражение в 279 году тоже закончилось победой царя

Эпира. Той самой, после которой он произнес свои знаменитые слова: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска» (военное искусство римлян росло, а потери их врага — не восполнялись). На несколько лет царь Эпира отвлекся войной с карфагенянами в Сицилии. А когда в 275 году вернулся в Италию и дал римлянам третье сражение — был разбит и вскоре погиб.

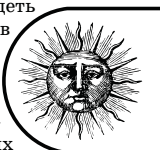
Теперь вся Италия до реки Рубикон, за которой простирались земли галлов, была под Римом.

Настала очередь Карфагена.

Римляне потратили на уничтожение Карфагена более столетия (если точнее — 118 лет, с перерывами). Они провели с этой целью три так называемые Пунические войны — римляне называли карфагенян пунами — в 264–241, 218–201 и 149–146 годах до н. э.

Первая война началась из-за того, кому владеть Сицилией. С помощью греческих инструкторов римляне создали огромный флот (120 галер!) и, успешно используя «ворон», одержали ряд побед. Воодушевленные этими успехами, римляне высадились в Африке и двинулись на Карфаген. Однако карфагеняне привлекли греческих наемников и их руками разгромили римлян. К тому же сильный шторм разметал римский флот. Казалось, все кончено. Но не с теми связались! Римляне построили новый флот, и все началось сначала. Более двадцати лет шла война «на измор». Наконец, в 241 году под Карфагеном вспыхнуло крупное восстание рабов (о нем можно прочесть в лирическом романе Г. Флобера «Саламбо»), и пуны запросили мира. Карфаген потерял Сицилию. А римляне под шумок прихватили еще и Сардинию с Корсикой. Взамен они дали согласие на захват карфагенянами Иберии. Но захватчики надолго застряли в этом диком тогда краю.

В этот момент для карфагенян начался период длительного везения. У них появился полководец, не уступавший талантом македонскому. Он предложил

поразить врага (римлян) в его собственной берлоге (Риме). В 218 году до н. э. огромная карфагенская армия (80 тысяч пехотинцев, 12 тысяч всадников, 37 боевых слонов, игравших роль тогдашних танков) прошла восточным берегом будущей Испании и южным берегом Франции, переправилась в Италию через снежные кручи Альп. Потери карфагенян были огромны: до Италии добрались всего двадцать тысяч пехотинцев и шесть тысяч конников, почти все боевые слоны погибли. Казалось, авантюрная затея провалилась (она и закончилась провалом — только через много лет). Но на сцену вновь дважды выступила Ирония Истории, и Рим дважды оказался на краю гибели, прежде чем авантюра пришла к закономерному гибельному концу.

Сначала карфагеняне дважды разбили римлян, а затем, обойдя с тыла их лагерь у Тразименского озера, уничтожили римскую армию почти целиком. Рим собрал новую армию: восемьдесят тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников. Карфагеняне тоже получили подкрепление, но оставались вдвое слабее противника: сорок тысяч пехотинцев и четырнадцать тысяч всадников. Этот недостаток был с лихвой возмещен военным талантом их полководца. Под городком Канны карфагеняне поставили в центр своего боевого порядка союзников — иберов и галлов. Римляне начали теснить их, углубились в боевые порядки врага и... оказались в ловушке: на них со всех сторон обрушились карфагенские воины. Это была не битва, а бойня: в считанные минуты толпу деморализованных римлян перерезали, как баранов. Битва при Каннах вошла в военную историю как образец военного искусства.

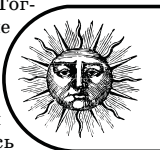
После этого карфагеняне вроде бы сделались хозяевами всей Италии и даже подступили к стенам Рима. Но они воевали далеко от своих баз, а римляне — у себя дома. Почти пятнадцать лет продолжались безнадёжные для карфагенян военные действия. В 202 году

их предали союзники, они потерпели поражение и вынуждены были заключить мир, по которому Карфаген терял все свои заморские колонии, выплачивал огромную контрибуцию, передавал Риму своих боевых слонов и военный флот и вообще становился зависимым от него.

Теперь Карфаген был обречен, и его уничтожение становилось только вопросом времени. Один из римских сенаторов вошел в историю тем, что каждое свое выступление в сенате (о чем бы он ни говорил) заканчивал фразой: «А Карфаген должен быть разрушен».

Повод для третьей войны нашелся лишь через полстолетия. На сей раз у карфагенян не было никаких шансов на победу, и они выразили готовность сдаться на милость победителя. Римляне потребовали сдать оружие. Карфагеняне выполнили требование. Тогда римляне потребовали, чтобы карфагеняне оставили город, который будет разрушен. Это означало рабство. И тогда цуны совершили акт отчаяния. В срочном порядке они выковали новое оружие, и началась более чем двухлетняя героическая оборона Карфагена. Город пришлось брать квартал за кварталом, дом за домом. Наконец его разрушили весь, сожгли и плугом провели борозды в знак того, что это место предано проклятию. В таком виде оно и дожило до наших дней и служит объектом посещения для туристов, приезжающих в Тунис.

Задолго до того, как пал Карфаген, было покончено с Грецией. Собственно, самих греков и не требовалось покорять. Они уже были покорены македонцами и по части социальной апатии (политического безразличия) вполне могли бы соперничать с россиянами начала XXI века. Требовалось сменить македонскую гегемонию римской — только и всего. Что и было сделано тремя походами в Македонию (205, 197, 168 годы до н. э.).

Кстати, во время одного из этих походов пострадало современное человечество. Чтобы возглавить армию, требовался подходящий консул. Консулов, как уже говорилось, переизбирали ежегодно, с Нового года. Новый год начинался у римлян, как и у многих нормальных людей того времени, с марта, что было связано с весенним солнцестоянием. Но на дворе стоял январь, отсрочка до марта грозила осложнениями, и римский сенат, ничтоже сумняшеся, вольным порядком перенес Новый год с марта на январь. К солнечному календарю это не имеет никакого отношения. Типичное политическое жульничество. Но консулы были избраны, поход состоялся, а мы сегодня вынуждены встречать Новый год в ничем не примечательный день среди зимы.

Таким образом, за какую-то сотню с небольшим лет (если начинать с подчинения Риму всей Италии) в Средиземноморье вместо заурядного полиса, каких в Италии были десятки, появилась держава, простиравшаяся от Иберии до Малой Азии и претендовавшая на мировое (в тогдашних масштабах) господство.

Правда, римляне не подозревали, что у них, как у сегодняшних русских, остался еще один враг — увы, непобедимый. Он их и погубил.

Это были сами римляне.

5

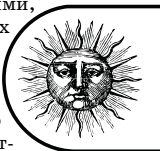
Когда Рим еще не был республикой, а представлял — как и все его соседи — союз племен, находившихся в последней стадии разложения первобытной общины, он, по преданию, состоял из трехсот родов. Каждый десять родов объединялись в курию, каждые десять курий — в трибу. Это позволяло избежать вырождения племени — невеста и жених не могли принадлежать одному роду. Но этим же определялось и политическое устройство союза. Старейшины родов

объединялись в сенат — совет старейшин. И на этом основании (как и у многих других народов Средиземноморья) триста представленных ими родов считались основополагающими, патрицианскими. Однако за несколько первых веков существования Рима там набралось еще множество родов из разряда «пришлых», «мы-сами-не-здешних». В отличие от патрициев, они назывались плебеями (плебсом) и поначалу не имели никаких политических прав, а в экономической жизни вынуждены были полагаться на милость патрициев.

Поэтому ранняя история Рима — это история борьбы плебеев против патрициев за свои права. Надо сказать, плебеи избрали довольно эффективный способ борьбы: чуть что — они дружно покидали Рим и располагались лагерем поблизости. Если вспомнить, что Риму постоянно приходилось воевать с соседями, можно представить себе ощущение брошенных патрициев. Затевались переговоры. Достигался компромисс. В чем в чем, а в этом римляне были большие мастера. И если в области культуры, при всех достижениях, им было далеко до греков, то в области права они были и остаются несомненными лидерами. Недаром же Запад считается наследником не какого-нибудь, а именно римского права.

Так шаг за шагом плебеи почти сравнялись с патрициями в области прав и сформировали единый «римский народ». Разница осталась лишь в степени чванливости новых и потомственных дворян — как у «действительных» и «недействительных» членов российских академий наук. Появились даже специальные должности — народные трибуны (представители триб), которые имели право голоса в сенате и отстаивали интересы плебса.

Следом за плебеями на правовой лестнице стояли «союзники», обладавшие неодинаковыми привилегиями (по принципу: разделяй и властвуй). Затем

следовали «чужестранцы» — большей частью торговые партнеры. И наконец, рабы, которых считали не людьми, а разновидностью животных («говорящие орудия»).

Споры шли в основном о земле (кому, сколько выделять) и о налогах. Накал страстей возрастал от столетия к столетию. Кульминация наступила к концу II века до н. э., когда в Риме создались условия, разительно отличавшиеся от минувших времен.

Успешные войны привели к притоку рабов и дани (особенно важную роль играло зерно). Сосредоточение масс рабов в наиболее богатых семьях привело к появлению латифундий — огромных имений, где производилась сельскохозяйственная продукция. А в гавани Рима и Брундизия входили галера за галерой с даровым, награбленным в колониях зерном, которое раздавалось гражданам по ценам ниже рыночных.

Между тем основу легионов Рима составляли граждане-воины, которые после шестнадцати лет службы становились владельцами небольших участков земли. Урожай с этих участков хватало и для прокорма семьи, и для продажи. Но латифундии и раздача зерна по символическим ценам разоряли мелких землевладельцев, которые переходили в ряды безработных паразитов-пролетариев, оставивших свой след в истории — знаменитый лозунг «Хлеба и зрелищ!» Молодежь из таких семей уже не стремилась в легионы. Легионерами становились «мы-сами-не-здешние», что резко снижало боеспособность армии. Правда, происходило все это медленно, почти незаметно. Но в конечном счете кончилось катастрофой.

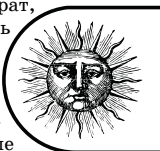
Некоторые народные трибуны пытались приостановить этот процесс, предлагали законы о раздаче земли легионерам, об ограничении латифундий, об уравнении в правах всех жителей государства (кроме, конечно, рабов). Но алчность у «человека разумного» всегда одолевала голос разума. Трибунов убива-

ли, нарыв разрастался, и в начале I века до н. э. дело дошло до гражданской войны и крупного восстания рабов. Многим выход виделся в личной диктатуре, в «твердой руке». Но среди сенаторов существовала и группировка сохранения прежних республиканских порядков. Мощный конфликт различных интересов и составил суть истории Рима середины I века до н. э.

Требовался достаточно авторитетный и энергичный диктатор, который подчинил бы своей личной власти сенат и все республиканские учреждения Рима, то есть сделал бы республику монархией (империей).

Такой диктатор нашелся в лице талантливого полководца, который только что завоевал Галлию и обрел большую популярность в стране. Он не сразу стал диктатором. Сначала заключил союз с двумя популярными лидерами. Получился триумвират, в руках которого постепенно сосредоточилась власть. Затем один из триумвиров умер, а со вторым завоеватель Галлии начал еще одну гражданскую войну. Он победно закончил ее в 44 году до н. э. и стал уже единоличным диктатором, от которого зависели все государственные чиновники. Формально диктатор носил множество высших республиканских званий (консул, префект, цензор и другие), но фактически предпочел неформальный титул «император» (повелитель) — таким возгласом римские легионеры приветствовали своего командующего после одержанной победы.

В том же году в сенате состоялся заговор против диктатора, его убили. Естественно, началась междоусобица. Сложился еще один триумвират, разразилась еще одна гражданская война, длившаяся целых двенадцать лет (43–31 годы до н. э.). Победителем в войне вышел усыновленный убитым диктатором внучатый племянник, холуй которого оставили нам в наследство два переименованных в честь дяди и племянника летних месяца. Он и стал первым в длинной — на целые

пять веков — череде римских императоров. Среди них были весьма талантливые государственные деятели (их оказалось немного), и изверги рода человеческого (таковых — несколько), и простые марионетки в руках своей личной охраны (преторианцев).

Три события отметили это полутьсячелетие.

Первое. Продолжалась, как и подобает империи, внешняя экспансия. Ко времени своего падения Римская империя включала в себя все Средиземноморье и Южную Европу с границей по Рейну и Дунаю плюс Британию (до Шотландии).

Второе. В первые же десятилетия империи зародилась и стала распространяться в Средиземноморье новая мировая религия — христианство. Сначала оно подверглось жестоким гонениям, а потом сделалось государственной религией империи. И стало важной идеологической основой всей культуры Запада.

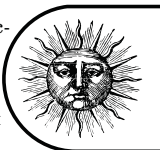
Третье. Именно на протяжении первой половины первого тысячелетия н. э. в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров сложился кочевой народ *гунны*, который с 70-х годов IV века н. э. двинулся на запад, вовлекая в свое движение все новые племена и вызвав *Великое переселение народов*. В частности, германские и славянские племена вторглись во Фракию и Македонию, ряд германских племен вторгся в Галлию и Северную Италию. Римляне вынуждены были оставить Британию и Дакию (нынешнюю Румынию), фактически отступили с Балкан. В 410 году германское племя вестготов, теснимое гуннами и допущенное в пределы Римской империи, взяло Рим и разграбило его. В 451 году гунны были разгромлены римско-германскими войсками в битве на Каталаунских полях. Но в 455 году Рим еще раз был разграблен вандалами, а в 476 году вождь другого германского племени низложил последнего, чисто номинального римского императора. К этому времени на всей территории Западной Европы (включая западную часть бывшей

Римской империи) уже существовали варварские королевства, о которых речь пойдет в следующей главе.

Прискорбно-позорны оба разгрома Рима, который с 300 года уже не был столицей империи, перенесенной в Константинополь, и стал провинциальным городом. В 410 году раб по тайному ходу (безо всякого «троянского коня»!) ночью провел банду разбойников в бывшую столицу. Гарнизон, численно превосходивший бандитов, но состоявший, как и вся римская армия к тому времени, из «пришлых», в панике разбежался. Мужчин, не пожелавших стать воинами, резали, как баранов, их жен и дочерей насиловали, дома грабили, крушили и сжигали. Вандалам в 455 году уже мало что осталось пограбить, они просто разрушили все, что под руку попало, и стали в истории именоваться нарицательным.

А император с двором чуть не столетие трусливо прятался в своей вилле далеко к северу от Рима среди непроходимых болот Равенны. Но в конце концов нашли его и там.

Какое героическое начало и какой позорный конец!

6

Внешне главной причиной падения Римской империи представляется полная небоеспособность римской армии. Ее тактика осталась прежней, а состав изменился. Вместо римской молодежи, спянной чувством товарищества и надеждой на получение хорошего участка земли, способного обеспечить благосостояние семьи, в легионы хлынули выходцы из различных племен. Фактически это были уже наемники, которые не выдерживали натиска пассионарных племен, сплоченных единым порывом общины (пусть и находившейся на разных стадиях разложения). Однажды, на Каталаунском поле, такую орду удалось рассеять. На десятках таких полей по Рейну и Дунаю — нет.

Но какова судьба римского народа, где он оказался? Там же, где и нынешние западные народы, — в умирающем, заживо разлагающемся обществе.

...Массаж в знаменитых римских банях. Включая эротический, с разного рода извращениями. Бесконечные пиры, самые изысканные блюда и... страусиное перо, чтобы пощекотать горло, искусственно облегчить желудок и принять новую дозу вкусовых ощущений. Возможно более частая смена секс-партнера (любого пола) — и никаких детей, осложняющих жизнь. Распад семьи и вырождение рода. Еда и питье из *свинцовой посуды* (ну это от незнания). Главное развлечение: зрелище возможно более кровавого терзания людей или животных, все равно. Культ насилия, сиюминутного наслаждения (кайф), чисто животный смысл жизни, выраженный лозунгом «Хлеба и зрелищ!» Итог всего этого — трусливо-подлый характер, передающийся из поколения в поколение...

Положит ли такой человек руку в огонь, чтобы показать свое моральное превосходство над врагом? Встанет ли он в строй, чтобы встретить врага в ореоле его непобедимости? Сможет ли он противостоять противнику, который только что полностью уничтожил две армии, гордость и славу отечества? Нет, нет и еще раз нет.

Мы все чаще злоупотребляем словосочетанием «Третий Рим», не давая себе труда задуматься о его содержании. Разве оно относится только к Москве, не ко всему Западу? Разве оно говорит только о маленьком городе, ставшем великой империей и давшем миру еще одну мировую религию?

Не говорит ли оно также о последних днях Первого Рима, когда толпа вандалов безнаказанно громила изнеженных, извращенных, изживших себя и уставших от своей жизни предшественников такого же Третьего Рима?

Мы, европейцы, заявили себя наследниками античной цивилизации. Но не рабствования же, не галер и не однополой любви, не «рексов» и не императоров.

Мы заявили себя наследниками античной Культуры: философской, научной, художественной, моральной, правовой, политической, религиозной.

О правовой и тесно связанной с ней морально-политической культуре мы уже говорили. О лидерстве римлян в этой области — тоже.

Говорили и о религии.

Но и о других областях есть что сказать.

Очень жаль, что Рим дважды разгромлен варварами. То, что осталось от Первого Рима, свидетельствует, что архитектура его вообще, скульптура и настенная роспись в частности оригинальны и так же бесценны, как и греческие.

В философии римляне развили идеи лучших греческих мыслителей. Прочитайте поэму «О природе вещей». Ничего подобного давно уже не пишут.

Римские поэзия, проза, драматургия — тоже немало внесли в сокровищницу мировой культуры.

Глава 5. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Философия есть служанка богословия.

Фома Аквинский

Мир полторы тысячи лет назад, в середине позапрошлого тысячелетия, после падения Рима, представлял собой конгломерат медленно умиравших и стремительно рождавшихся цивилизаций.

От Древнего мира сохранились индийская и китайская цивилизации. От античного мира — восточная половина бывшей Римской империи (Византия). Родилось более полудюжины новых «детей» (не считая цивилизаций Америки, которые мы относим к анахроничным рудиментам Древнего мира).

Первое «дитя» — множество варварских королевств, покрывших всю западную часть бывшей Римской империи, а также север Европы (Ирландия, Шотландия, Британия, Скандинавия, Северная Германия) — будущий Запад.

Второе «дитя» — завоеванная варягами-норманнами Восточная Европа (Русь) — будущая Евразия.

Между ними в качестве маргинальной прослойки расположились угро-финские (венгры, финны, эсты и другие), другие прибалтийские, а также западные и южные славянские племена.

Третье «дитя» — арабское государство (халифат), охватившее весь Ближний и Средний Восток (кроме Малой Азии), Северную Африку и Иберию.

Четвертое «дитя» — Япония, «ровесница» Руси.

Пятое «дитя» — империя Чингисидов (через двести сотни лет развалившаяся).

Шестое «дитя» — империя Тамерлана (развалившаяся еще быстрее).

Седьмое «дитя» — государство тюрок-сельджуков (Османская империя, поглотившая Византийскую империю).

К этому надо добавить несколько «детей» помельче и несколько маргинальных прослоек тоже помельче, но числом поболее.

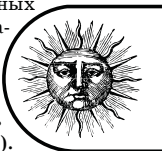
У каждого из этих «детей» (к Древнему и античному — кроме Византии — миру мы больше возвращаться не будем) — своя судьба. Поэтому говорить о средневековом мире в целом можно только самые общие, пустые слова. Чтобы перечислить особенности каждого уголка Средневековья, нужна не книга, а стотомная энциклопедия.

Поэтому мы выбираем компромисс — совершаем краткую экскурсию по только что заявленному «детскому саду».

С одним небольшим предисловием.

К XIX веку накопилось множество социальных учений, авторы которых так или иначе пытались систематизировать (на практике выходило — схематизировать) историю человечества. Как уже говорилось, нашлись два автора, которые подняли свою гипотезу-систему на уровень чуть ли не еще одной религии (квазирелигии). Их система привлекала простотой. Они взяли за основу опыт античной цивилизации и распространили его на весь мир — как Древний, так и Современный. Получилось шесть социальных устройств-организаций, которые они назвали «общественно-экономическими формациями».

Первая по счету — «первобытный коммунизм», то есть якобы бесклассовая первобытная община, где все равны и все делится поровну. На самом деле, как мы уже говорили, не бывает такого человеческого (а также обезьяньего, собачьего и другого) сообщества, которое не делилось бы на высший, высше-средний, средний, низше-средний и низший классы. И старейшина-вождь, и любой знатный воин очень обиделся бы, если бы его уравнили с «заурядным» воином или со стари-

ками, подростками, женщинами, детьми и «приблудными», которых приняли в общину из милости.

Затем идет рабовладение, сменяющееся феодализмом, с полной или соответственно неполной собственностью в лице зависимого от тебя человека. Но где граница между «полным» и «неполным»? Феодально ли общество, где крестьянин неотличим от раба? Является ли оно рабовладельческим, если на всю деревню есть только один кабальный холоп у вождя общины?

В качестве советского историка я, вместе со своими коллегами, всю жизнь бился над вопросами, было или не было рабовладение в Древнем мире, а также в России и во множестве других стран, когда оно сменилось феодализмом, а затем капитализмом. Еще мучительнее вопросы, можно ли называть творившееся в СССР «социализмом», является ли «капитализм» одной и той же «формацией» в США, Руанде-Бурунди и постсоветской России. Что же касается будущего «второбытного коммунизма», то вряд ли это подходящее название для того перехода в качественно новое состояние, которое, судя по всему, нам предстоит в ближайшие два-три десятилетия и которым нам предстоит завершить оказавшуюся слишком уж краткой историю человечества.

Поэтому мы отказываемся от «формаций», как явного в данном случае идеологического излишества, и будем применять относящиеся к ним термины более конкретно: раб — где очевидный раб, феодализм — где ярко выраженный феодализм и так далее.

1

Путешествие по Средневековью следовало бы начать с Византии (Индия и Китай пошли своими дорогами с незапамятных времен до середины прошлого века, и мы уже сказали о них все, что можно и нужно было сказать). Итак, Византия — наполовину античное государство, автоматически превратившееся в но-

вых условиях в типичное средневековое государство, да еще цивилизованное, а не варварское или полуварварское, как иные-прочие. И просуществовавшее, в отличие от иных-прочих, целую тысячу лет.

Однако вся история Византии, в отличие от истории Римской империи, — это не экспансия, а, напротив, отчаянная борьба за выживание: будто старый матерый хищник отбивается от нескольких хищников помоложе, наседающих сразу с нескольких сторон. В этой борьбе прослеживается определенная логическая нить. Следуя ей, мы сумеем понять логику той цепи злосчастий, которая погубила Византию.

В 20-е годы VII века в Аравии возникла третья (после буддизма и христианства) мировая религия — ислам. Она стала пассионарным знаменем завоевания окружающего мира. Арабская конница, одушевленная миссией внедрения ислама, сметала все на своем пути. За какие-нибудь тридцать лет были завоеваны Йемен, Оман, Египет, Ливия, Передняя Азия, Месопотамия, Иран. В последующие десятилетия — Средняя Азия и Закавказье, территория нынешнего Пакистана, Кашмира и Бангладеш, Алжир и Марокко, почти вся Испания, Южная Франция. Арабская лавина была повернута вспять лишь в самом центре Франции, в сражении у Пуатье (732 год). После этого единое арабское государство (халифат) распалось и стало приходить в упадок. Эта агония тянулась несколько столетий, пока часть арабских завоеваний была отвоевана испанцами, а почти все остальные арабские государства попали под власть Иранской и Османской империй, о которых нам предстоит еще говорить.

Успех соединенных германских (правда, не только германских) племен в борьбе против гуннов и арабов дал импульс их объединению под лидерством племени франков. К IX веку франки распространились почти по всей Галлии, а в начале IX века они создали

огромную западноевропейскую империю, включавшую почти всю нынешнюю Францию, значительную часть Западной Германии, Северную и Центральную Италию. Правда, империя вскоре распалась, но чувство единства, скрепленное католической церковью, отделившейся от ортодоксальной (православной) в Византии, осталось и сыграло потом решающую роль в контрастности на арабов.

Спустя полвека такая же империя была создана на востоке Европы восточными норманнами (варягами, точнее, выходцами из одного из их племен — русичами, давшими название нынешней России)¹. Такая же, да не совсем такая. Или даже совсем не такая. На Западе выстроилась иерархия вождей племен (кунг-кинг-король, герцог, граф, барон, простой рыцарь). Каждый нижестоящий становился вассалом вышестоящего сюзерена, и оба были связаны взаимными договорными обязательствами, из коих впоследствии произросла западная цивилизация. На Востоке та же иерархия была ближе по характеру к азиатским ханствам: каждый нижестоящий был в полной власти у вышестоящего, из чего впоследствии произросла наша родная евразийская цивилизация. Кстати, великие князья этой империи не раз совершали разбойничьи походы на Византию, вымогали откуп, стремились породниться с византийским императорским домом (что иногда удавалось), переняли византийское (православное) христианство и со временем стали как бы преемниками погибшей Византии.

Норманны, неизменно размножившись, двинулись в походы не только на восток, но и на запад Европы. Они завоевали Англию, Северную Францию (Бретань), отобрали у Византии Южную Италию и некоторые Ионические острова. В X веке у Визан-

¹ О Руси-России подробнее см. философию истории России: *И. В. Бестужев-Лада. Моя богоданная Россия*. М.: ИНЭС, 2007.

тии появился новый, намного более опасный враг: племя тюрков-сельджуков, которые на протяжении этого столетия захватили почти весь Ближний Восток, включая Иерусалим. Византия обратилась за помощью к католической церкви, и та подвигла на поход «за освобождение христианских святынь в Палестине» нескольких монархов Западной Европы. В 1096–1270 годах состоялось восемь Крестовых походов. В первом из них был завоеван Иерусалим и образовано Иерусалимское королевство. Впрочем, Иерусалим вскоре был потерян. Следующие два похода оказались неудачными. А четвертый поход (1202–1204) логикой событий привел крестоносцев к стенам Константинополя. Город был разрушен и разграблен, и на территории Византии появилась Латинская империя. Она вскоре погибла, но потащила за собой в могилу и разоренную Византию. Остальные четыре крестовых похода никаких реальных результатов не дали.

Впрочем, плохо пришлось не только Византии, но и всей Европе. В XIII веке размножившиеся монгольские племена обрели талантливого вождя, завоевали Северный Китай, Среднюю Азию, Закавказье (простоановив на время экспансию сельджуков), Киевскую Русь и были с трудом остановлены у берегов Адриатики. Правда, их последующее отступление было вызвано не столько истощением сил, сколько выборами нового хана. Но тут вмешалась Рука Судьбы. Огромная империя — от Китая до Польши — как и все империи на свете, стала распадаться и в конце концов сделалась добычей преемника Киевской Руси — Московского царства.

Но тут в эту кровавую мясорубку вмешался еще один талантливый полководец. В XIV веке он разгромил и разлагавшуюся империю, о которой только что шла речь, и сельджуков (чем отсрочил падение Византии). Он подчинил себе весь Средний Восток, но

вскоре умер — и его империю со столицей в Самарканде постигла судьба всех империй.

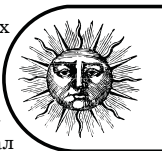
Теперь участь Византии была решена.

На протяжении первой половины XV века турки завершили завоевание Малой Азии и Балкан (до Дуная), начали продвижение по Северной Африке, подчиняя себе бывшие арабские государства, стали соперничать с пиратами за господство на Средиземном море. Константинополь держался маленьким островком до последнего, но в 1453 году был взят штурмом и превратился в Стамбул (Истанбул) — столицу огромной и пока еще очень агрессивной Османской (Оттоманской) империи. Ее вассалом стало Крымское ханство, отколовшееся от распавшейся татаро-монгольской империи и начавшее опустошительные набеги на Польшу, Украину, Московскую Русь.

Необходимо сказать еще о двух значительных событиях в Средневековье, которые не имели к Византии никакого отношения.

Одно из них — «великое переселение» угро-финских племен из Прикамья (где от них остались удмурты). Часть их отправилась за Урал (ханты и манси), часть — на Кавказ и потом через Причерноморье на Дунай (венгры, которые попробовали повторить опыт гуннов, но тоже были разгромлены германцами и превратились в обычное восточноевропейское государство, наполовину захваченное турками), часть — на Балтику (по дороге к северу от Волги осели мари-черемисы и коми, а к югу — мордва). До Балтики добрались лишь финны, карелы и еще несколько племен, осевших к северу от Финского залива, а также эсты и другие племена, осевшие к югу.

Другое событие — становление Японии, такой же духовной наследницы Китая, какой стала Русь в отношении Византии. Японии повезло: она располагалась на островах и до нее, в отличие от Кореи и Се-

верного Китая, не дотянулись сабли татаро-монголов и других хищников.

Вообще-то в Японии, как и во всех уголках земного шара, первобытная община превращалась в варварское государство. Специфика страны заключалась, пожалуй, в том, что верховный жрец, исполнявший одновременно обязанности верховного правителя страны и наделенный харизмой «божественного происхождения» (микадо, император), был отстранен от власти главой наиболее сильного рода и сохранил только представительско-жреческие функции. В итоге в стране образовались два разнокачественных правительства в двух разных городах-столицах: одно формальное и наследственное в Киото (микадо), другое — реальное и тоже наследственное, хотя в этом случае династия менялась, — в Камакюре, под Токио (сегун, верховный военачальник и глава правительства). Этот порядок просуществовал до 1867 года, когда угроза агрессии западных держав заставила правящие круги упразднить сегунат и подчинить правительство непосредственно императору.

В остальном средневековая Япония (до 1867 года!) была очень похожа на Западную Европу. Та же иерархия дворянства (самураев), то же положение крестьян.

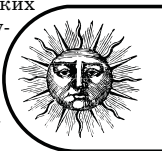
Как уже говорились, Японии удалось избежать ига татаро-монголов: дважды, в 1274 и 1281 годах, сильный тайфун топил большую часть китайских судов, на которых монголы пытались переправиться в Японию.

Было бы ошибкой считать, будто вся геополитика Средневековья сводилась лишь к только что перечисленным аспектам. На протяжении всей тысячи лет этого периода на планете постоянно вспыхивали крупные войны, а небольшие — происходили сразу во многих местах почти непрерывно. Можно утверждать, что в Средневековье война стала нормой жизни,

а мир (чаще — перемирие) — был всего лишь сравнительно редким приятным исключением.

Наиболее крупная война (если не считать тех, что уже перечислены) состоялась в 1337–1453 годы между Англией и Францией. Она вошла в историю под названием Столетней. Причина — династические претензии британской короны на значительную часть Франции. Война показала полное бессилие закованных в доспехи французских рыцарей перед английскими лучниками с их тяжелыми луками и метровыми стрелами. Тем не менее когда она приняла характер отечественной войны (со стороны Франции), англичанам пришлось очистить почти всю французскую территорию.

Вскоре после этой войны лучников на поле боя начали заменять аркебузеры, а ворота рыцарских замков стали легко открывать ядрами, выпущенными из пушек. Это означало конец средневековых войн и наступление совершенно нового этапа в развитии военного искусства. И это, в свою очередь, указывало на приближение конца Средневековья.

2

Разумеется, Средневековье — это не только кровавая вереница средневековых войн. Это прежде всего временной промежуток между античной цивилизацией (во многих отношениях равнопорядковой современной) и началом ее возрождения в других формах через тысячу лет. В этом смысле Средневековье характеризуется прежде всего упадком культуры. И общей культуры — шаг от цивилизации обратно к варварству. И во многих частных, конкретных аспектах — от техники ремесла и сельского хозяйства до мировоззрения, науки (протонауки), искусства, морали, права, политики и даже (как ни странно на первый взгляд) религии, точнее церкви.

В самом общем виде Средневековье предстает как торжество вернувшегося варвара, поправшего разгромленную цивилизацию. Относительно начала этой эпохи разногласий мало: падение Рима представляет собой удобную точку отсчета. Нет споров и о том, что Средневековье не могло оставаться одним и тем же на протяжении тысячи лет, что оно по-разному проявило себя в разных странах мира. Различают раннее Средневековье (вторая половина позапрошлого тысячелетия — V–X века), классическое Средневековье (первая половина прошлого тысячелетия — XI–XV века), позднее Средневековье (XVI — середина XVII века). Последнее подразделение представляется нам дискуссионным, поскольку оно связано с упомянутыми уже «общественно-экономическими формациями» (рабовладение-феодализм-капитализм) и соответственно делением истории на древнюю, новую и новейшую. В мировом масштабе (за рамками Западной Европы) нам кажется чрезмерно схематичной линия раздела между ранним и классическим Средневековьем. А позднее Средневековье вообще относится к следующей эпохе, поскольку речь идет о начале Возрождения (см. следующую главу). Но это, разумеется, личная точка зрения автора (и конечно, не только его одного).

Итак, Средневековье — крушение крупных городов (кроме регионов Древнего мира, где они сохранились по традиции); деградация ремесла и мастерских; развал веками установившихся торговых связей; забвение важных технических достижений; явная деградация всех видов искусства; огрубление морали (и без того оставлявшей желать лучшего); подмена права и политики силой; уход в дебри религиозной схоластики.

Хуже всего, что деградация сопровождалась ожесточением нравов, хотя, казалось бы, невозможно большее ожесточение, чем в античные времена. Чего

стоят, например, Альбигойские войны на юге Франции в 1209–1229 годах, когда десятки тысяч людей были убиты, сожжены, казнены только за протест против алчности католических прелатов... Чего стоят десятки тысяч жертв инквизиции, «охота на ведьм» — просто чтобы держать в страхе народ... Чего стоят idiotские выверты схоластики — самое настоящее обольванивание людей! И это продолжалось столетиями! А индульгенции — жупнические бумажки «отпущения грехов» за соответствующую мзду? А массовый разврат монахов? Этот перечень бесконечен.

Но Средневековье — это не только провал, после которого сразу последовало Возрождение. Это вековые(!) попытки вернуться от варварства к цивилизации: и в технике, и в архитектуре (готика, романский стиль), и в живописи, и в литературе (тысячу лет назад в Японии было больше талантливых писательниц-женщин, чем сегодня в России и вообще на Западе талантливых писателей-мужчин). А чего стоит культура рыцарства — не на турнирах только, главное, в общении? А культура менестрелей-мейстерзингеров? А «Песнь о Роланде»? А «Слово о полку Игореве»? А «Витязь в тигровой шкуре»?

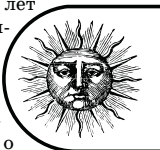
Тянулась кровавая череда средневековых войн, весело полыхали костры инквизиции и одновременно возводились средневековые соборы и создавались средневековые эпосы.

Так что не будем мазать Средневековье одним черным цветом.

Но не забудем, что при всем при том это был не подъем, а упадок в истории человечества — и, увы, не последний. Не прорыв, а все-таки провал.

Это к вопросу об уроках истории.

Которые, как известно, никогда никому ничему не учат.

Глава 6. РЕНЕССАНС (ВОЗРОЖДЕНИЕ)

Итак, мужи! Каким бы титулом вас почитать?

Ах да, конечно, мужи глупейшие! Ибо какое более почетное прозвище может даровать богиня

Глупость сопричастникам ее таинстве?

Эризм Роттердамский

1

Вот уж поистине — смех убивает. И раньше, лучше других это чувствуют художественные натуры.

Сколько бы ни перечисляли рыцарских достоинств Средневековья, на переднем плане остается грубый произвол и насилие феодала, освященные принудительными схоластическими догмами религии, на фоне которой у всех на глазах творились чудовищные злоупотребления церкви (как известно, религия и церковь — разные вещи). Со всем этим приходилось мириться под страхом плахи, виселицы, костра. Но подобно тому как советские люди десятилетиями боролись с принудительной советской идеологией и советской властью анекдотами на кухне (другие способы вели в тюрьму), люди Средневековья боролись с господствующим строем тем же самым, единственно доступным им оружием — смехом.

Вот три анекдота эпохи Средневековья.

Первый анекдот. Монаху хочется полакомиться в пост поросятиной. И он творит крестное знамение: «Порося, порося, превратись в карася!»

Второй анекдот. Жадный мулла тонет в арыке. Ему кричат: «Дай руку!» Но жадный мулла не дает руки! Кто-то догадался крикнуть: «Нá руку!» Мулла спасен.

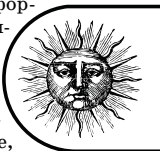
Третий анекдот. Надпись мелом на изваянии Мадонны на площади итальянского города: «Дева, зачавшая без греха, научи меня грешить без зачатия!»

Каждый из анекдотов вызывал хохот, и здание Средневековья трещало по всем швам.

Античная цивилизация родилась из недр Древнего мира только там, где могла родиться. В первобытной общине, не вступившей еще на путь разложения, ее тут же задавили бы вековые традиции, нравы, обычаи. В империях Древнего мира ее зародыши тут же растоптали бы прислужники фараона или другого правителя. Она родилась в оптимальной среде: в городах-полисах Греции, где традиции менялись, а тирана-правителя не было. И точно так же спустя более полутысячи лет после падения Рима античная цивилизация стала возрождаться в благоприятной среде (и конечно, в новых формах) — не в замке феодала и не в стенах монастыря, а в торговых городах Италии, больше других пострадавших от средневекового вандализма.

Вспомните Первый Рим с его двумя миллионами населения, шумными рынками, цирками, толпами слоняющихся, как сегодня в Москве, людей. Прошло более пятисот лет. На месте Рима остались руины прежнего великолепия, меж которых на лужайках пасут коз сорок тысяч одичалых туземцев. И через каждую сотню метров, как в допетровской Москве, убогие церквушки, в которых поют псалмы полуграммотные священники. А над священниками — Папа Римский с его кардиналами-епископами-аббатами, общеизвестные злодеяния и разврат которых ничуть не уступают злодеяниям герцогов, баронов и кондотьеров — главарей разбойничьих шаек.

Но кроме Рима в Италии полно городов, так красочно описанных в «Ромео и Джульетте» и других пьесах английского драматурга. Там тоже царит Зло. Но там легче проклонуться и Добру, и Любви, и Верности, и Разуму, и Человеческому Достоинству.

И вот мы видим на фоне богатого народного фольклора поэмы и новеллы, какие не снились ни в XX–XXI веках до н. э., ни в XX–XXI веках н. э. И это в XIV веке — веке разгула орд Чингисидов и сельджуков, в эпоху Столетней войны и прочее. Год за годом, столетие за столетием, и к концу XV века появляется новое мировоззрение, ориентированное не на схоластику загробного мира, а на Радости Мира Окружающего. Лейтмотив — не «дивина» (божественное), а «гумана» (человеческое). От принудительных заклинаний — к Человеку (с большой буквы), а от него — к Настоящему Богу Исповеди и Молитвы. Если бы эти люди — позже их назвали гуманистами — знали, на какой трудный путь они вступили, они бы, возможно, поколебались в вере своей. Но все равно пошли бы этим путем, потому что не могли иначе.

К середине XV века в Западной Европе столкнулись две идеологии. Одна господствующая, старая, теологическая, враждебная «всему земному». Такая, какой она сложилась за почти тысячелетие господства Средневековья. И другая, только-только рождающаяся, еще слабая в сравнении со средневековой, но под знаменем гуманизма берущая один барьер за другим. Если угодно, то Раннее Возрождение в Италии можно начинать с XIV века, а в других странах Западной Европы — со второй половины XV века.

А в самом конце XV века грянул гром, буквально за какие-нибудь четверть века перевернувший веками устоявшееся равновесие сил в Европе. Испанские корабли, отправившиеся за *индийскими* сокровищами не вокруг Африки, а на запад (страшно-то было как: вдруг за Атлантикой «конец земли»?!), открыли *индейские* сокровища Америки. И завалили Европу мексиканским и перуанским золотом. Гегемоном Европы сразу стала испанская монархия (а это помимо Испании и обеих Америк еще и Нидерланды плюс Австрия с прилегающими землями) — монархия,

в пределах которой, по хвастливому замечанию ее монарха, «никогда не заходило Солнце». Очень скоро возникла антииспанская коалиция Франции, Англии и позже Швеции. Испанцы попробовали обойтись с голландцами как с американскими индейцами: выжать из них все до нитки, а сопротивление потопить в крови (см. Ш. де Костер «Тиль Уленшпигель»). Но вместо этого получили Нидерландскую революцию XVI века — первую из потрясших в последующие два века Западную Европу. При желании можно считать началом Возрождения и эту революцию, давшую первый победный бой Средневековью.

Наконец, есть дата, средняя между двумя предыдущими. В 1517 году профессор одного из германских университетов прибил к дверям церкви лист бумаги с 95 тезисами, напрочь отвергавшими догмы католицизма. Родился протестантизм, отделившийся от католицизма таким же образом, каким за две тысячи лет до этого буддизм отделился от индуизма, за полтысячи лет до этого католицизм отделился от православия, а через полтора столетия после этого старообрядцы отделились от Русской Православной Церкви.

Протестантизм — тоже важная веха в смене Средневековья Возрождением.

Возможно, размежевание между католицизмом и различными течениями протестантизма могло пройти менее кроваво. Но многие из монархов Европы (преимущественно Северной) быстро сообразили, что переход в протестантизм дает им в руки богатейшие монастырские угодья и сокровищницы. Почему это сообразили на севере и не сообразили на юге — загадка природы. Но и по сей день — Скандинавия, Северная Германия, Нидерланды, Великобритания — территория протестантизма. А все, что южнее (даже Бельгия с ее двумя враждующими национальностями: валлонов и фламандцев), — территория католицизма. Так

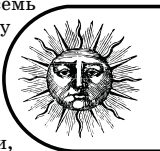
что, как видим, религиозность оказывается сильнее национальности. И не только в Бельгии.

Тяжелее всего пришлось тем, кто оказался на «линии раздела». Например, из старшего поколения мало кто не слышал об ужасах Варфоломеевской ночи 1572 года в Париже — о том, как католики за одну ночь вырезали несколько тысяч протестантов.

Одна из древнеримских пословиц гласит: «Горе побежденным!» Ее смысл: пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу. Человечество так и не решилось ввести в обиход прямо противоположную поговорку: «Горе победителям!» Хотя история буквально пестрит примерами того, как зарвавшийся и зазнавшийся победитель погибает в пучине горя.

Один из ярчайших примеров на эту тему — Испания. Испанцы совершили редкий подвиг: восемь столетий подряд они отвоевывали свою страну от захвативших ее арабов. Арабы (точнее, мавры — население Северо-Западной Африки), овладев страной, расслабились и погрязли в негроскоши благодатного испанского климата. А испанцы с исступлением фанатиков атаковали, атаковали и атаковали мавров. Начали в VIII веке, а к середине XIII века в руках мавров осталась лишь часть Южной Испании (Гранадский эмират). В 1492 году пал и он. И в тот же год Господь вознаграждал испанцев первой экспедицией в Америку. Почти столетие после этого Испания была гегемоном в Европе. Испанская мода царилла при всех европейских дворах. Испанская армия считалась сильнейшей в мире. А потом разразились одна за другой две катастрофы — и Испания вылетела из списка великих держав (куда вместо нее попала Швеция. Правда, ненадолго — через столетие Швецию в этом списке сменила петровская Россия).

К концу XV века Испания вошла в сложное феодалное объединение Западной Европы. Австрийский эрцгерцог, женившись на дочери герцога Бур-

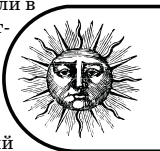
гундского, получил в приданое Нидерланды и одну из французских провинций. Женив сына на наследнице испанского короля, обеспечил за своими наследниками испанский престол, а также Чехию и Северную Венгрию. К этому добавил Южную Италию, Сицилию и Сардинию, а также значительную часть Северной Италии. На вершине такого своего могущества Испания на время присоединила к себе Португалию. Добавьте к этому владения в Америке от Мексики до Аргентины и нескончаемый поток золота оттуда. Казалось бы, такой монстр станет гегемоном Европы навеки.

Но жадность губительна. В Нидерландах, где протестантизм успел пустить в торговых городах глубокие корни, умеренные буржуа обратились к королю с петицией прекратить религиозные гонения и произвол властей (читай: грабеж). Ответом были репрессии и разорительный налог. Тогда в 1566 году по всей стране вспыхнуло восстание, были разгромлены 5500 католических церквей и монастырей. Последовала жесточайшая карательная экспедиция и отчаянная война, с неравными, казалось бы, силами. Война длилась почти полвека (точнее, ровно 43 года) и закончилась независимостью Нидерландов. Это был сильнейший удар по престижу испанской монархии.

В самый разгар этой войны Испания решила разделиться еще с одним своим смертельным врагом — Англией, чьи корабли пиратствовали в Атлантике и грабили испанские суда с американским золотом. За три года был подготовлен мощный флот — Непобедимая армада (130 кораблей и 30 вспомогательных судов, на которые погрузили 13 тысяч человек десанта — к ним в Нидерландах должны были добавиться еще 31 тысяча человек). Английский флот насчитывал всего 80 кораблей, а английская армия была несопоставима по силе с испанским десантом. Однако сильный шторм рассеял испанские корабли, а многие из них —

потопил. В Испанию вернулось лишь несколько сильно поврежденных кораблей. Эта катастрофа окончательно подорвала военное могущество Испании. Еще около ста лет длилась агония, и к XVIII веку Испания сделалась заурядным второразрядным европейским государством, без малейших претензий на гегемонию. На протяжении следующего, XIX века она лишилась и почти всех своих колоний. Встала в один скромный ряд с Португалией и Бельгией. Как это назвать: обвал или облом?

Беда не приходит одна. Но случается, приходят не две, а три беды. После падения Гранадского эмирата на его территории остались мориски (так здесь называли мавров) — самая экономически активная часть подданных испанского короля. Им запретили употреблять родной язык, их насильственно обратили в католичество, десятками тысяч сжигали на кострах инквизиции, сотнями тысяч выселяли в пустыню. Наконец, в 1609 году — аккурат в тот год, когда Испания потеряла Нидерланды, — морисков в массовом порядке выселили в Африку. Результатом этой акции стал экономический упадок, сравнимый с последствиями тяжелого поражения в войне. Этот изуверский фанатизм принес стране не меньше вреда, чем успех Нидерландской революции и гибель флота.

Кстати, спустя столетие Франция в точности повторила ту же изуверскую глупость: после долгих лет убийств и глумлений король вынудил сотни тысяч гугенотов переселиться в протестантские государства Германии. А ведь гугеноты, как и мориски, были самой экономически активной частью французского общества. Результат: Германия стала сильнее Франции и впоследствии трижды (в 1870, 1914 и 1940 годах) жестоко наказала ее за былой изуверский фанатизм.

Вообще, пожалуй, самым трагическим явлением в смене Средневековья Возрождением следует считать протестантизм. И если останавливаться на какой-то конкретной дате — хотя дух протеста накапливался постепенно, — то, по нашему мнению, более всего подходит 31 октября 1517 года, когда доктор богословия прибил на дверях церкви лист с 95 тезисами против католицизма. Более сотни лет после этого реки крови текли по Европе, это была самая настоящая первая мировая война, которую ошибочно относят к началу XX века. Логично к этой религиозной войне добавить Крестьянскую войну 1524–1526 годов в Германии, так как идейный толчок ей дал именно упомянутый прибитый листок.

Надо сказать, что протестантизм начался мирно. Протестанты требовали только свободы своего вероисповедания и поначалу совсем не задирали католиков. Но контраст был слишком разителен. На одном полюсе — пышная литургия с разодетым священником (обычно — упитанным, часто — развратным и алчным), да еще на непонятном слушателям латинском языке. Тем не менее основная масса темного крестьянства поддерживала именно это традиционное действо. Поддерживала его и основная масса дворянства, видя в католицизме свою опору. На другом полюсе — истовые псалмопения в скромном молитвенном доме, предельно скромно одетый пастор, общающийся с паствой на родном языке. Для приятия этой веры нужно было выбиться из темного крестьянства и забубенного дворянства в более просвещенные слои, преимущественно дворянско-буржуазные. Словом, пафос озарения против тупой традиции. Понятно, и в количественном отношении протестанты во много раз уступали католикам. И не им было задираться первыми.

Но вот от ругани и взаимных оскорблений дело перешло к дракам и убийствам. Проезжавший со своей

вооруженной свитой католик-дворянин напал на безоружных протестантов, певших свои псалмы, и устроил резню. Это вызвало ответную реакцию, и почти вся история Франции XVI века прошла в бесконечных религиозных войнах, кульминацией которых была уже упоминавшаяся Варфоломеевская ночь с ее тысячами жертв.

Современная католическая церковь подала другим церквям благой пример, введя в практику извинения за изуверства прошлого. Не хотелось бы вмешиваться во внутренние дела церквей, к которым не принадлежу сам, но, кажется, было бы весьма уместным общее извинение за любые гонения на религиозное инакомыслие. Эти злодеяния ничуть не уступают по своему характеру кострам инквизиции.

Независимо от этого, как уже говорилось, многие монархи Северной Европы сообразили, что протестантизм несет им земли и богатства католических монастырей. И Западная Европа (до Польши и Прибалтики включительно — на востоке) раскололась на два лагеря по принципу: «чей государь — того и вера». Конечно, цинизм этого принципа огорчает, особенно когда религию меняют насильно. Но такова жизнь, как говорят французы, и когда приходится выбирать между верой и жизнью, слишком многие выбирают жизнь.

Нельзя сказать, что никто в Европе не понимал самоубийственности противостояния католиков и протестантов. В 1555 году между германскими протестантскими князьями и католическим (австрийским) императором Священной Римской империи — эфемерного конгломерата многих государств Германии и Италии (нечто вроде нашего СНГ), существовавшего с 962 по 1806 год, был заключен Аугсбургский религиозный мир. Он предусматривал право монарха определять вероисповедание своих подданных (это в Аугсбурге было провозглашено: «Чья страна — того

и вера»). Один из французских королей снискал себе большую популярность в народе, откровенно признав, что «Париж стоит мессы» (то есть ради престола, вообще любой выгоды, можно принять любую религию). Но когда к религии добавляется борьба за гегемонию — война неизбежна. Мировая война (если считать таковой войну между великими державами — невеликие всегда не в счет — да еще на нескольких континентах). Правда, на этот раз заморские колонии еще не играли заметной роли.

Австрийский католик-император Священной Римской империи начал гонения на протестантов-чехов в своих владениях и заодно урезал некоторые чешские привилегии. Ответом было восстание в Праге 23 мая 1618 года. Вконец обнаглевшие императорские наместники были выброшены из окна Пражского замка. Последовала карательная экспедиция, и чехи были разгромлены. Казалось бы, типичный для тех времен инцидент был исчерпан. Но протестантские Англия и Нидерланды, а также католическая Франция — смертельный враг императора — «сбросились» на очень крупные субсидии протестантской Дании, которая выступила против Священной Римской империи. Однако датские войска потерпели поражение, и война вроде бы опять выдохлась.

Через несколько лет император и французский король схватились из-за Северной Италии. Тут религий даже не пахло, поскольку оба противника были католиками. Император оказался победителем в третий раз.

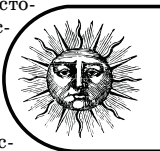
Прошло совсем немного времени, и враги императора задумали повторить старую комбинацию на новом уровне. Они собрали значительные субсидии для шведской армии, и та наконец взяла протестантский реванш, разгромив католиков и разом возведя Швецию в ранг великой державы. Правда, добить католиков не хватило сил. Тогда протестантская Швеция и

католическая Франция заключили союз и целых тринадцать лет методично добывали армию императора. В конце концов обе стороны выдохлись, и в 1648 году был заключен Вестфальский мир, определивший политическую карту Европы до самого Венского конгресса 1815 года.

Два важных уточнения. Англия не могла принять активного участия в войне из-за революции, развертывавшейся как раз в эти годы и завершившейся казнью короля. Зато в войне приняла определенное участие Московская Русь, воевавшая с католической Польшей и тем усиливавшая позиции протестантской Швеции, тоже воевавшей с Польшей. Стольких театров военных действий! Разве это не тянет на мировую войну?

Эти тридцать лет были очень страшными в истории Европы — не менее страшными, чем нашествие гуннов или татаро-монголов. Ведь тогда у армий не было еще развитого интендантства, и для человека с оружием соблазн «взять не заплатив» у безоружного был слишком велик. Поэтому когда католики штурмом брали протестантский город или протестантский отряд входил в католическую деревню, за грабежом немедленно следовали массовые казни. В течение тридцати лет было зверски перебито около восьмидесяти процентов мужского населения Германии. Поэтому христианская церковь в первый и последний раз в своей истории на время узаконила двоеженство. Это был хоть какой-то способ избавить страну от полного вымирания.

Была и другая военно-политическая сторона Возрождения — в данном случае в сфере геополитики. Имеется в виду, что начавшая обновляться Европа приостановила османскую экспансию, а затем, воплотив до Первой мировой войны 1914–1918 годов, постепенно вела ту же «реконкисту», что и в Испании, пока не довела Османскую империю до полного развала.

В 1529 году, на пике могущества империи, 120-тысячная турецкая армия осадила Вену, которую защищал 16-тысячный гарнизон. Осада не дала результатов. Штурм был отбит с большими потерями у турок. Турецкая армия отступила, и это стало началом конца империи.

В 1571 году между испано-венецианским и турецким флотом произошло генеральное сражение у города Лепанто в Греции. Турки имели значительное численное превосходство (275 судов против 217), но были разгромлены: 94 их корабля сожжено, 130 — захвачено. Союзники же потеряли всего 15 галер. С тех пор и до уничтожения парусного турецкого флота при Синопе в 1853 году турок на море преследовали почти непрерывные поражения.

Спустя более столетия, когда в Стамбуле на короткое время приостановилось гниение государства живо, в 1683 году 158-тысячная турецкая армия еще раз (последний) попыталась осадить Вену. Ее атаковала 70-тысячная австро-польская армия и вновь разгромила в прах. С этого момента путь в Западную Европу для турок был заказан. Им остались еще почти 200 лет Русско-турецких войн за Балканы, Крым и Кавказ.

2

Возрождение, как мы помним, началось не с гнева и войны. Оно началось с насмешки над изжившим себя варварством Средневековья. С возвращения из «загробного» мира в наш, суетный. С апелляции не к Вере («верю, ибо это абсурдно» — типичная сентенция Средневековья), а к Разуму.

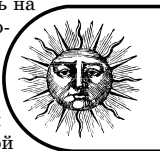
И плоды такого (как казалось тогда) возрождения античности оказались потрясающими. Во многом не превзойденными до сих пор.

С этой точки зрения, Возрождение — это прежде всего переворот в мировоззрении весьма большой

группы просвещенных людей, оказавших влияние на довольно широкие круги населения, прежде всего городского (вне этого влияния, конечно, были обскуранты-клерикалы, своекорыстные феодалы и темные, забитые крестьянские массы — подавляющее большинство населения Европы и мира того времени). Возрождение опиралось на книгопечатание, равнопорядковое по значению Интернету.

Произошел переход от схоластики («марксистско-ленинская» в данном случае — не в счет) к философии, переставшей быть «служанкой богословия». Мало того, к натурфилософии, то есть к попыткам осознать положение человека в мироздании, за рамками библейских догм. Потребовалось еще много десятилетий, и на арену философии один за другим стали выходить мыслители, которые, опираясь на античные авторитеты, оставили их далеко позади. Начался этот процесс с того, что за новое мировоззрение пошли на костер мученики философии и науки, а завершился он (уже к моменту начала смены возрождения следующим упадком) появлением гигантов философской мысли, труды которых мы сегодня можем только прилежно изучать (если поймем), так как давно уже не в состоянии присовокупить к ним ничего существенно нового.

На базе натурфилософии начала развиваться современная наука (уже не «протонаука», как раньше), решительно размежевавшаяся с богословием. Триумфальное шествие науки, казалось, достигло кульминации в начале XVII века, когда были сформулированы основные принципы современной науки, дожившие до конца XX века. Триумф по нарастающей продолжался еще 300 лет (захватив даже первое столетие упадка), и только глобальные проблемы современности к концу XX века заставили вновь начать пересмотр основных научных парадигм.

Особенно значительные изменения произошли в искусстве. Разом во всех его пяти основных видах: литературе, драматургии, музыке, живописи и ваянии, архитектуре.

Собственно, и началось-то Возрождение — после того, как оно вышло за рамки узкого кружка гуманистов — с поэм и прозы, решительно порывавших со средневековой рутинной (упоминавшиеся выше вершины средневековой литературы — не в счет). Достаточно назвать «Божественную комедию» и «Декамерон».

В драматургии появился автор, не виданный ни в античные, ни в наши времена. Трагедия сына, преданного матерью ради любовника. Трагедия столкновения Любви и Ненависти. Трагедия моральной расплаты за содеянное преступление. Трагедия столкновения Любви и Ревности. Всего не перечислишь. Всего настолько много, все настолько глубоко и высоко, что до сих пор некоторые сомневаются, что такое мог написать обыкновенный (необыкновенный?) актер, у которого, как известно, другая профессия и иное видение жизни. Впечатление такое же, как от трагедии о царе Эдипе античных времен. Но ее сегодня редко ставят, потому что требуется адаптация к сознанию современного зрителя. А трагедии актера-драматурга не сходят со сцены, потому что они и сегодня созвучны эпохе, потому что для многих они даже несколько выше уровня их понимания (и потому интересны).

Музыке пришлось проделать долгий мучительный путь от средневековых церковных канонов (мы не говорим здесь о само собой разумеющемся фольклоре, в том числе и музыкальном) до непревзойденных вершин XVIII–XIX веков, когда последний композитор, достойный Духа Возрождения, умер одновременно с началом в России периода упадка.

Такой же триумфальный путь совершили живопись и ваяние. При этом поднимаясь, словно по ступе-

ням, от века к веку, вплоть до декаданса. И оставаясь на каждой ступени самоценными, недостижимыми.

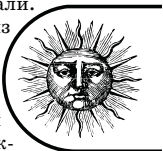
Наконец, архитектура поднялась до вершин барокко и рококо, роскошнее чего, кажется, ничего невозможно выдумать. И в каждом городе по сию пору, помимо памятников древности, турист ищет те или иные отголоски Возрождения. Потому что все остальное (об исключениях речь позже), мягко говоря, неинтересно, потому что все остальное являет собой всего лишь различные проявления Упадка.

Как известно, не существует такой добродетели, которая, сделавшись самоцелью, не оборачивается пороком. Гуманизм, обращенный на себя самого, оборачивается индивидуализмом, а индивидуализм — уже совсем рядом с эгоизмом. Поэтому Возрождение с самого же начала столкнулось с проблемами морали.

И, надо сказать, встретило их с честью. Одним из первых манифестов Ренессанса являлась знаменитая «Утопия», породившая гору литературы и выродившаяся во времена Упадка в «Антиутопию». Проблема оптимального сочетания потребностей личности и общества осталась актуальной по сей день. В 1487 году появилась «Речь о достоинстве человека». Можно считать, что она осталась неоконченной до сих пор. Особенно в евразийской цивилизации вообще и в России в особенности.

Средневековое право исходило из «божественности» властей. Отсюда — понятия: «всякая власть от Бога», «Миропомазанник Божий», поединок — «Суд Божий» и так далее. Возрождение с самого начала поставило право в иную плоскость — как орудие укращения произвола (включая преступность).

Любопытна в этом отношении эволюция понимания поединка. В древние и античные времена поединок носил ритуальный характер (например, поединок наиболее именитых воинов перед началом сражения), в иных обстоятельствах он мог носить характер раз-

влечения толпы (бои гладиаторов, как предшественники нынешних единоборств). В эпоху Средневековья поединок стал способом отстаивания своей чести в дворянской среде. Сохранился по инерции в эпоху Упадка, и только в современные времена (после Первой мировой войны) стал рассматриваться как пережиток дикости, да и то не сразу. В среде подростков он сохранился до сих пор (только без оружия).

Средневековая политика — это «кулачное право», ограниченное отношениями «сюзерен — вассал» (нередко нарушаемыми, если это выгодно вышестоящему). Возрождение переносит политику из сферы традиций, обычаев и все той же религии в сферу науки и искусства. Появляются трактаты о политической науке и политическом искусстве. Закладываются основы современной политологии.

Наконец, надо подчеркнуть, что гуманисты восстали против злоупотреблений католицизма как церкви. Но, как известно, церковь, религия и Вера — это не одно и то же. Постепенно был выработан императив свободы совести, предусматривающий, что выбор религии и церкви — дело совести, внутреннего убеждения каждого. И даже атеизм — это своего рода религия (точнее, «антирелигия»). Ведь на самом деле, как уже говорилось, нам не дано знать — чтобы избежать злоупотреблений и катастрофы — как именно устроено Мироздание. И только когда атеизм деградирует до «воинствующего безбожия», он превращается в разновидность изуверства и появляется оподленное, обольщенное, остервенелое общество, в котором мы в России (и не только в России) скоротали почти весь XX век.

Если одна церковь (католическая) выступила врагом Возрождения, то другая (протестантская), напротив, стала его союзником. И даже, в своем роде, повитухой. В начале XVII века на берег будущих США высадилось триста «отцов-основателей Америки» —

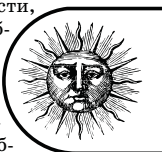
пуритан, гонимых королевской Англией. То есть это были английские протестанты-экстремисты. И они, а также их потомки за минувшие столетия во многом сформировали господствующую мораль и нравственные ценности этой страны. Если вдуматься, то эти триста протестантов явились духовными «отцами-основателями» не одних только США, а всей современной западной цивилизации.

3

Есть такой многозначный термин: кумуляция. Он означает накопление чего-нибудь (все равно чего) до такой степени, когда количество переходит в новое качество или сумма слагаемых дает дополнительный эффект. Например, растущий напор воды может на каком-то этапе вызвать слияние потоков и снести, казалось бы, прочную преграду. Нечто подобное произошло с Возрождением. С какой даты ни считай, прошло много десятилетий, прежде чем стало ясно, что дело идет не о возвращении к вершинам античной цивилизации, а к подъему на совершенно новую ступень развития общества.

К концу XVIII века в Западной Европе, а затем и во всем мире осознали, что этот век знаменует собой совершенно новую эпоху, которую назвали эпохой (веком) Просвещения. В некоторых странах (например, в Англии) это началось еще в XVII веке. Во многих других странах мира (в том числе и в России) этот период затянулся до второй половины XIX века, когда мир стал погружаться в другую эпоху — в эпоху еще одного упадка.

В основе и здесь лежала революция в мировоззрении светской интеллигенции (мы, русские, ошибочно думаем, будто интеллигенция — это чисто русское явление второй половины XIX века, когда выделилась особая социальная группа, которую нельзя было от-

нести ни к кому, даже к разночинцам; мы забываем при этом, что далеко не все священнослужители всех религий были тупыми и алчными развратными паразитами, что среди них встречались достойные уважения мыслители, не выходившие за рамки религии и поэтому достойные зваться клерикальными интеллигентами; в свою очередь, для некоторых из них религия была лишь прикрытием для занятий философией; Возрождение породило принципиально новую социальную группу — светскую интеллигенцию, представленную ранее лишь из ряда вон выходящими одиночками; и именно эта группа стала «мотором» эпохи Просвещения).

И прологом этой революции стала идея деизма — религиозно-философской доктрины, которая признает Бога как Мировой Разум, сконструировавший целесообразную «машину природы», давший ей законы и движение, но отвергает дальнейшее вмешательство Бога в самодвижение природы, не допускает иных путей к познанию Бога, кроме Разума.

Такой мощный интеллектуальный импульс (даже если к нему относиться критически), во-первых, поднял на самый высокий пока что уровень философское мышление, дал философов XVIII — первой половины XIX века, гениальных философов, которых до сих пор нам остается лишь изучать. Во-вторых, дал столь же мощный толчок науке — и естественной, и даже социальной (призыв относиться к познанию общества как к явлениям природы — позитивизм, переживший XX век). В-третьих, через науку дело вскоре дошло до техники, и разразилась Промышленная революция второй половины XVIII — первой половины XIX века — началась механизация промышленности и транспорта, а затем сельского хозяйства и (уже во второй половине XIX века) связи.

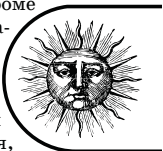
В искусство, надо признать, век Просвещения не привнес таких качественных изменений, как пре-

дыдущий период. Вершины Ренессанса остались недостижимыми. Но появились такие литература и драматургия, музыка и «застывшая музыка» (архитектура), живопись и ваение, которые до сих пор создают впечатление завершения золотого века западной культуры (от Ренессанса до декаданса). Тем более что потомки сами дистанцировались от своих гениальных предков, причислив себя к творцам серебряного — то есть этажом ниже — века, до которого, впрочем, нам тоже не дотянуться и поныне.

Мы можем констатировать также значительное смягчение морали в век Просвещения. Погасли костры инквизиции (дотлевшие до XVIII века!). Иссякли религиозные войны. Пошли на спад публичные казни.

Но такого же прогресса в области политики и права мы не наблюдаем. Войны XVIII века ничем, кроме революционного изменения тактики, не отличались от войн двух предыдущих столетий. Но в конце XVII века на смену аркебузе (пищали) с ее неизменным приложением — фитилем и костылем, пришел мушкет — ружье с кремневым курком, который не требовал фитиля и костыля, перезаряжался гораздо быстрее и вдобавок позволял нацепить на дуло багинет (будущий штык). Это позволило выстроить стрелков в линию и вести огонь залпами до начала штыкового боя. Такая тактика разом покончила с персидской, османской, польской и московитской армиями, как с беспособным противником. И только сверхъестественным напряжением сил Россия перескочила с персидского на шведский уровень.

Типичным примером сохранения прежних нравов в этой области может служить вторая по нашему счету мировая война, известная под названием Семилетней (1756–1763). Поводом к ней послужило то обстоятельство, что наследницей австрийского императора стала дочь. Эта сугубо гендерная причина позволила прус-

скому королю отторгнуть у Австрии Силезию и предьявить претензии на роль гегемона в Европе. При этом король цинично пояснил, что если есть возможность захватить что-то вооруженной рукой — захватывайте не стесняясь: всегда под рукой юристы, которые подведут под любой разбой правовую базу (цитата дается в смысловом переводе на русский язык). Результатом стала коалиция враждебных прежде друг другу Австрии и Франции, но обе были биты хорошо вымуштрованной прусской армией. Теперь гегемония Пруссии приобретала реальные очертания. Тем более что Пруссия воевала на субсидии Англии, а та, под шумок, захватывала французские колонии. В дело вмешалась российская армия, поставившая пруссаков на грань катастрофы. Но у бездетной российской императрицы наследником числился немецкий принц — фанатический поклонник прусского короля. В результате семь лет боины кончились фактически ничем, если не считать того, что прусский король сохранил награбленное, а английский король мог похвастать награбленными же французскими колониями.

Кульминацией всех этих перемен могла бы послужить знаменитая фраза одного французского ученого, который объяснял французскому императору свою концепцию устройства мироздания. Императора удивило, что в концепции не упоминается Бог. «Сир, — ответил ученый, — я не нуждался в этой гипотезе». Как оказалось, от деизма до атеизма, словно от великого до смешного, всего один шаг. И, как оказалось, воинствующий атеизм способен пролить даже больше человеческой крови, чем самый агрессивный клерикализм.

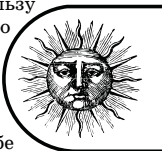
Чтобы не напоминать в этом смысле об СССР (до которого мы дойдем в свое время), сошлемся на опыт Великой французской революции 1789–1795 годов, вкуче с Директорией и консулатом 1795–1804 и империей 1804–1814/15 годов.

Нам уже приходилось говорить, что история никогда ничему не учит. Хотя уроки ее более чем наглядны.

Можно безнаказанно измываться над беззащитным крестьянином. Примеров этого хоть в Азии, хоть в Евразии (России), хоть в Африке, хоть в Латинской Америке — предостаточно. На худой конец жди бунта, восстания, крестьянской войны. Но все это сравнительно легко подавляется. По принципу: сила соломой ломит. Ну не может крестьянин бросить свое поле и взяться за создание регулярной армии. А вот горожанин может запереть свою лавку или мастерскую и выйти на улицу, построить баррикаду, дать отпор зарвавшимся власть имущим. Это происходило сотни раз и хотя почти всегда кончалось в пользу лучше организованных власть имущих, но рано или поздно именно они должны были стать той соломой, которую ломит сила. В особенности одушевленная жаждой справедливости и освещенная к тому же новой религией.

Первыми народное терпение испытали на себе испанцы. Почти полвека они упрямо верили в то, что если повесить или сжечь десяток или сотню смутьянов, как привыкли делать в Испании и в Америке, то остальные сразу смиряются, успокоятся. Но в Нидерландах недовольные не только не смирились, но начали войну на измор и в конце концов вышвырнули насильников-паразитов из страны.

Вторыми (чуть позже испанцев) испытателями стали придворные «кавалеры» английского короля. Для начала они попробовали навязать англиканскую церковь шотландцам. Вспыхнула война, и король потерпел поражение. Он попросил у парламента денег на продолжение войны, но не получил. Вступил в конфликт с парламентом и... получил гражданскую войну. Сначала королевские «кавалеры» легко одер-

живали победы над парламентским «простонародьем». Но за тем были деньги. И следовательно, лучшее оружие. Оставалось лучше организовать себя. За этим дело не стало, и войска короля стали терпеть поражение за поражением. Король бежал на север, не нашел там прибежища и вынужден был просить убежища у своих же врагов-шотландцев. А те просто-напросто перепродали своего врага его врагам. И король был казнен.

Третьими испытателями народного терпения были все те же англичане — только столетие с лишним спустя. Началось волнение в колонии в Северной Америке, и они послали туда войска (в том числе наемные немецкие), чтобы «навести порядок». А финалом стала позорная капитуляция карателей и появление Соединенных Штатов Америки, независимых от Британии.

Казалось бы, что лучше больше не пробовать.

Тем не менее едва успели просохнуть чернила на акте об английской капитуляции, как попытать счастья решился французский король (точнее, его советники).

В зале заседаний — четыре стены. У одной расположился король с сановниками (по-нынешнему: президиум). У другой — дворяне. У третьей — священники. У четвертой — простонародье («третье сословие»). Называлось это — «Генеральные штаты». И требовалось от них всего-навсего дать согласие на дополнительный налог, чтобы поправить дела вконец промотавшегося короля. Кто кого перекричал при таком раскладе? А на деле и перекриковать никого никому не пришлось. «Третье сословие» обособилось, ушло в «зал для игры в мяч» (в ближайший спортзал, по-нашему) и объявило себя Национальным собранием — одновременно и парламентом, и правительством страны. Попробовал король действовать штыками, но национальная гвардия оказалась сильнее коро-

левской. Попробовал спастись бегством и призвать на помощь соседних монархов, но все закончилось для него так же, как и для английского короля.

На революционную Францию ополчилась вся контрреволюционная Европа. Но первые же сражения показали повторение уроков английского языка в США. Затем французские руководители, успевшие нажиться в смуте революции (многолетний террор был столь же ужасен, как в России после революции 1917 года), поставили во главе революционных войск талантливых генералов, которые начали теснить противника на всех фронтах. Из генералов выделился один наиболее циничный и беспринципный корсиканский авантюрист, готовый смести любого противника — хоть депутатов Национального собрания, хоть всех французов, хоть всех их противников. За такие моральные качества его провозгласили императором (заметим в скобках, что при всем том он был одним из самых талантливых полководцев в мировой истории). И следующие восемь лет французы одерживали одну победу за другой: разбили и австрийцев, и пруссаков, досталось и русским. Только до англичан руки не дотянулись. Более того, англичане, разгромив франко-испанскую эскадру у мыса Трафальгар в 1805 году, завоевали господство на море.

Но в том же 1805 году на земле Чехии французы в борьбе с австро-русской коалицией показали, что их боевой порыв еще не остыл со времен революции. У Австрии было две армии, к которым на помощь спешила русская, так что силы должны были быть примерно равными. Но еще до подхода русских одна из австрийских армий была окружена и капитулировала. Русским пришлось выставлять заслон, который героически целый день сдерживал противника, чтобы их основные силы не были разбиты на марше и успели отступить на соединение со второй австрийской армией. Соединение

уравнесило силы, но союзники растянули свой фронт так, что французы разбили несколько группировок австрийцев и русских поодиночке. Русские отступили, Австрия практически капитулировала.

Пруссия трусливо осталась в стороне, надеясь сыграть роль «третьего радующегося». Но на следующий год две прусские армии были разбиты французами, и Пруссия должна была просить о помощи все ту же Россию. Но и это не помогло. Фактически Пруссия сделалась сателлитом Франции.

Россия была вынуждена отбиваться от наседавших французов в одиночку, и удавалось это с большим трудом. Поэтому русский царь принял предложение французского императора о перемии (1807–1808). При этом впервые был проведен раздел Европы (второй раздел, как известно, явился прелюдией ко Второй мировой войне). России «разрешили» присоединить Финляндию, а Франции «разрешили» добить Австрию, которая превратилась в такого же сателлита французов, как и Пруссия. Этот успех французский император скрепил династическим браком с дочерью австрийского императора.

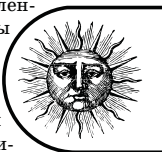
Теперь пришел черед России. Французский император не думал завоевывать ее. Не помышлял он и подорвать русский царизм обещаниями освободить крепостных крестьян, так как не меньше русского царя боялся второй «пугачевщины». Ему нужно было просто поставить Россию в положение сателлита, как он уже сделал это с Австрией и Пруссией. Тогда оставалось бы только принудить Англию к капитуляции «континентальной блокадой» и подавить партизанское сопротивление французам в Испании — и Франция окончательно обретала мировое господство.

Поэтому русско-французский конфликт сделался неизбежным. Наверное, императору говорили о риске, ссылались на неудачные попытки завоевать древнюю Скифию. Советовали ограничиться на пер-

вый раз оккупацией территории бывшей Речи Посполитой, чтобы создать большое польское ополчение (в состав французской армии к тому времени уже входили польские кавалерийские эмигрантские дивизии). В крайнем случае советовали совершить краткий набег на Москву и заставить Россию идти в фарватере Франции. Но император имел трехкратное превосходство в силах, и это казалось ему стопроцентной гарантией успеха. Поэтому в июне 1812 года он вторгся в Россию, рассчитывая поставить царя на колени за одну летнюю кампанию.

Как мы помним, Древний Рим спасли заготовившие гуси. Россию спасли немецкие доктринеры в российском генштабе, которые предложили разделить русскую армию на две, чтобы первая могла ударить в тыл противнику, если он нападет на укрепленные позиции второй. Возможно, так и могло бы произойти столетие назад при условии равенства сил неспешно маневрирующих противников. Но в те времена французы, быстро создавая численный перевес, уже не раз разбивали врагов поодиночке. Если бы обе армии встретились на границе в соотношении 3:1 (или даже 2:1) в пользу французов, Россию постигла бы судьба похуже австрийской и прусской. Но русские армии были доктринерски разделены, и им пришлось отступать, чтобы успеть соединиться — так и не быть разбитыми по отдельности. А наступающим пришлось растягивать свои коммуникации и охранять их, что сокращало разрыв в силах.

В конце концов русским все же пришлось дать сражение под Москвой (при соотношении 1,3:1 в пользу французов), но по сугубо моральным, а не стратегическим соображениям. Французы шли напролом. Их императору нужно было убить как можно больше русских солдат, чтобы лишить Россию армии и, следовательно, возможности сопротивления. Но русские,

сделав все, что могли, для спасения Чести, предприняли хитроумный стратегический маневр. Они оставили Москву и закрыли путь врагу в южные, хлебные края. Император целый месяц не мог поверить в такой финал. А когда поверил — было уже поздно. Сунулся на юг — там готов отпор. Пришлось отступить по разоренной дороге (три недели без пищи и фуража для лошадей, питаюсь дохлой кониной и тем, что попадет под руку). Преследующая русская армия, партизаны и ранние морозы довершили катастрофу.

Началась отчаянная агония Французской империи 1813–1814 годов. Еще несколько сражений, выигранных, но все чаще проигранных французами. Еще сотни тысяч напрасно загубленных жизней. Возрождение антифранцузской коалиции. Вторжение войск коалиции во Францию. Падение Парижа. Отречение и ссылка бывшего императора на остров Эльба. Торжество вернувшихся королевских эмигрантов. Возмущение народа. Триумфальное возвращение императора с острова Эльба, поражение в решающем сражении и ссылка на остров Св. Елены.

Все. Финита ла трагедия.

5

Собравшийся в Вене конгресс победителей попросил вернуть Европу к состоянию накануне революции 1789 году. Формально это было зафиксировано. Но победители не заметили, что параллельно с Французской революцией произошла еще одна — промышленная. Смешные поначалу паровые машины совершили в последней четверти XVIII — первой четверти XIX века глобальное нашествие. Как ружья заменили луки со стрелами, так паровые машины заменили воду и ветер на фабриках и заводах, пустили по воде корабли без парусов, а по рельсам — паровозы. И тем самым кардинально изменили и промышленность, и торговлю, и всю жизнь людей.

Главное, что наряду с ремесленниками стало появляться все больше фабрично-заводских рабочих в крупных городах и что рабочие стали отстаивать свои права гораздо энергичнее, чем традиционно разобщенные крестьяне. И не прошло и нескольких лет после конгресса победителей, как по странам Европы прокатилась нарастающая волна революций, достигшая кульминации в 1848 году. Родилось новое слово «социализм», имевшее первоначально смысл, прямо противоположный «индивидуализму» (составлявшему, как мы помним, сердцевину «гуманизма»). Родилась новая идеология, в равной мере далекая и от религиозной, и от философско-созерцательной, от консервативной и либеральной, деливших дотоле между собой политическое поле боя. Она получила название «социал-демократия» (в переводе с немецкого на французский — «социализм», а на английский — «лейборизм») и выдвигала императив повышения уровня жизни бедных за счет более высокого налогообложения богатых. Этой идеологии пришлось самоутверждаться в борьбе с прямо противоположной идеологией либеральной (вариант: христианской) демократии. Суть либеральной идеологии сводилась к раскрытию потенциала предпринимательства: при меньших ставках налогов вкладывать больше средств в производство и повышать уровень жизни не за счет пособий, а за счет роста производства товаров и услуг.

В этой обстановке гигантскими шагами стало развиваться все и вся: промышленность и сельское хозяйство, транспорт и связь, наука и образование, культура и искусство. Казалось, человечеству выходит на Большую дорогу (забывая, что на большую дорогу выходят не только ради триумфального шествия по ней). Появились философы и ученые, не менее (но и не более) интересные, чем в минувшие эпохи. Появились писатели и поэты, драматурги и актеры, компо-

зиторы и музыканты, художники и ваятели, архитекторы и те, кого позже назовут дизайнерами. Отнюдь не затмевая корифеев Возрождения и Просвещения, они сказали свое веское слово в искусстве — да так, что, кажется, лучше и не скажешь. Потомки назовут это время — от Возрождения до середины XIX века — золотым веком западной культуры.

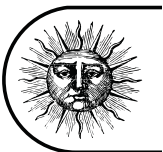
Талантливых деятелей искусства в крупных городах Западной Европы становилось все больше, конкурировать им друг с другом, пробиваться к читателю, зрителю, слушателю, то есть к своей аудитории, становилось все труднее. Возникал соблазн поиска окольных путей к славе. Никто не знал тогда (да и сегодня мало кто знает), что окольные пути, подобно благим намерениям, чаще ведут не в рай, а в прямо противоположную сторону.

Но об этом не хотелось думать. Жизнь в развитых странах Западной Европы и Северной Америки становилась все более стабильной и благополучной. В 1860-е годы рухнули два последних оплота рабства: Россия и США. И казалось, что за великий грех работорговли — античной, средневековой и уживавшейся с Возрождением и Просвещением — никто никогда не ответит.

И вдруг среди фанфар победоносно шествующего прогресса прозвучали печальные звуки флейты надвигающегося нового Упадка. В это трудно было поверить. Ведь если считать наполеоновские войны третьей мировой войной (после Тридцатилетней и Семилетней, о которых упоминалось выше), то Крымская война 1853–1856 годов так и не стала по-настоящему еще одной Мировой, потому что Россия капитулировала прежде, чем к антироссийской коалиции Англии и Франции присоединились (готовы были присоединиться) Пруссия и Австрия. И несколько лет казалось, что вообще не будет больше войн, сотрясавших мир в XV, XVI, XVII, XVIII веках

и в первую половину XIX века. Ведь с каждым годом жизнь становилась благополучнее (увы, не для всех), и для этого безоблачного времени придумали название — «прекрасная эпоха» («ля бель эпок»). И всем хотелось верить, что такое время продлится бесконечно.

Но у Госпожи Истории свои Законы. После Начала — обязательно будет и Конец. За Возрождением — обязательно последует Упадок (без гарантии скорого нового Возрождения, потому что возможны разные варианты).

Глава 7. ДЕКАДАНС (УПАДОК)

*Упорен в нас порок, раскаянье — притворно,
За все стоиццо себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользят душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.*
Шарль Бодлер

1

Когда счастливое младенчество, шаловливое детство, озорное отрочество и пылкая юность остаются позади, наступает зрелость — всезнающая, всемогущая, уверенная в своей бесконечности. Только самым отъявленным меланхоликам да еще способным наблюдать, размышлять и сравнивать приходит в голову, что всякая зрелость неизбежно переходит во все более пожилой возраст, затем в старость, а затем в глубокую старость, с ее дряхлостью, инфарктами, инсультами и прочими конвульсиями. От горького осознания которых спасает сначала старческий маразм, а потом смерть-избавительница.

Иногда этот процесс затягивается, и наступает патология, именуемая долгожительством. Это похуже дряхлости, потому что внутри все болит, а вокруг все ужасно раздражает (потому что оно не похоже на времена юности или хотя бы зрелости). Но рано или поздно конец все равно наступает. Правда, лишь для тебя одного. Потому что, говоря словами поэта, равнодушная природа продолжает красотою вечно сиять. Жизнь продолжается, только не такая, как твоя, качественно иная. И это, как ни странно, тоже огорчает, хотя должно бы радовать.

Во второй половине XIX века, казалось, все издержки Ренессанса позади, а впереди, даже если считать минувшие века младостью, детством и юностью, — бесконечная благополучная зрелость.

Только что схлынула волна европейских и латиноамериканских революций. Только что начавшая дряхлеть Россия потерпела поражение в Крымской войне против коалиции европейских держав и перестала быть грозным для всех «жандармом Европы». Только что в первой половине 1860-х мир окончательно расстался с пережитком древности и средневековья. Только что состоялась Франко-прусская война 1870–1871 годов, отличавшаяся от наполеоновских войн только тем, что за несколько дней разбили не французы немцев, а немцы французов.

И дальше почти полвека на западе Европы — никаких войн. Оживленная торговля. Туризм и бесконечные выставки-фестивали. Со скуки даже древнегреческие Олимпийские игры возобновили.

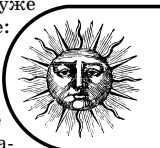
Как назвать такое благодушное время? Мы уже говорили, что французы придумали название: «ля бель эпок». Прямо новое барокко-рококо. Только не в архитектуре, а в жизни.

Между прочим, зря придумали: сглазили.

Но в те времена все были уверены, что новое рококо в жизни будет бесконечным. И не обращали внимания на жалкую пару (больше не набралось) чудаков-философов. Тем более философов-немцев, которые вечно придумывают что-то огорчающе-непонятное. Как можно, например, всерьез отнестись к человеку, который утверждает, будто оптимизм — нелепое мировоззрение, горькая насмешка над невыразимыми страданиями человечества? Или к философу, который объявляет, будто человек — это мост между недочеловеком и сверхчеловеком? Да еще считает обычную и привычную жизнь своего времени «декадансом»?

Скандал разразился, когда заговорили поэтические музы.

В 1857 году вышел сборник стихов хорошего французского поэта под кокетливо-шокирующим названием

ем «Цветы зла». Когда перелистываешь его полтора-два столетия спустя, ясно видно, что это — всего лишь цветочки по сравнению с ягодками последующих времен.

Скажите, ну что тут такого:

*О, муза! Бедная! Скажи мне, что с тобой?
Уж утро, а твой взгляд полн сумрачных видений;
Безумие и страх кладут наперебой
На твой холодный лоб безжизненные тени...*

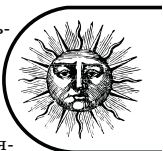
Тем не менее автор был публично обвинен в оскорблении общественной нравственности и привлечен к судебной ответственности. Ряд стихотворений из книжки изъяти. «Эстетизация пороков», «заигрывание со злом» — таков был суровый вердикт литературной критики.

Дурные примеры, как известно, заразительны. А уж стихи, которые публично признают скандально-дурными!..

Словом, прошло совсем немного времени, и во Франции появилось целых три стихотворца, которых тоже иначе не называли, как «проклятыми поэтами», потому что их творения были еще кошмарнее. Трех подражателей нашлись еще тридцать три в разных странах Запада. А к 1890-м годам мода на «эстетизацию пороков» добралась и до России. Подражатели «Цветов зла» получили общий ярлык: «декаденты» (упадочники). А мода продолжала распространяться...

Сегодня, с расстояния полутора веков, нам более или менее ясно, что именно произошло. А тогда это просто считалось дурной модой.

А произошел не более и не менее как переход количества в новое качество (худшее). Именно в середине XIX века крупные города Западной Европы наводнили толпы поэтов, писателей, художников, композиторов, музыкантов, которым, как мы уже говорили,

стало просто физически невозможно пробиться к своей аудитории, и они бедствовали или даже умирали от голода на своих чердаках и в своих мастерских.

Всего несколькими десятилетиями раньше, в пору золотого века западной культуры (до первой половины XIX века включительно), порядок был один — и быть не могло никакого другого. В каждой сфере искусства каждой крупной европейской страны существовал корифей-кумир (реже двое-трое), не зная которого для просвещенного человека было предосудительно. Сразу за ним шел десяток-другой поэтов, вообще художников второго ряда (в России они так и назывались: «поэты пушкинской поры»). Знать хотя бы некоторых из них было желательно, но не обязательно. А иерархию замыкали сотни любителей, произведения которых были рассчитаны на домашнюю аудиторию («я пишу стихи в альбом...»). Таким образом, система «художник — его аудитория» была строго сбалансирована веками.

А теперь вообразите, что на чердаках Парижа вдруг появляется десяток или сотня умирающих от голода вольтеров. Как им пробиться к своей аудитории? Единственный способ: стать модными. А как именно?

И тут мы вынуждены сделать экскурс в культурологию, чтобы прояснить ситуацию.

Культуру, как явление сложное, многоплановое, можно представлять и с той, и с другой, и с третьей стороны. В том числе как совокупность культов (доминирующих ценностей) Добра, Любви, Семьи, Разума и так далее. В этой плоскости художникам можно соревноваться друг с другом только в мастерстве. А само по себе мастерство модным не бывает.

Однако помимо культуры существует еще и ее «тень» — «теневая культура», антикультура. В точности такая же, как «теневая экономика». Она происходит из совершенно иного источника и удовлетворяет совершенно иные потребности. Тут не эстетическая

потребность, а необходимость разрядки, разновидность релаксации путем перехода в виртуальный мир низменных страстей, а то и звериных инстинктов.

До второй половины XIX века две эти культуры существовали параллельно, заполняли каждая свою нишу, жили каждая своей жизнью, не испытывая надобности одна в другой.

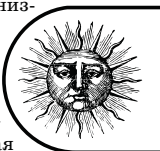
На одной площади античного города могла идти трагедия. И зрители испытывали *катарсис* — очищение, возвышение духа. А на другой — происходила резня гладиаторов (тогдашний вид сегодняшнего реслинга, или боев без правил), бой быков или петухов. И зрители с таким же наслаждением испытывали *антикатарсис* — загрязнение, замутнение духа самоозверением. Для одной аудитории — высокое искусство, литургия. Для другой — торжество низменного, вакханалия.

Разница между культурой и антикультурой бросается в глаза. Но ее трудно разглядеть, когда антикультура подделывается под культуру.

Можно ли, например, назвать «Три мушкетера» детективом? Нет, это романтика, высокая культура. А можно ли назвать мутную лавину наших детективов романтикой (или, если угодно, реализмом)? Нет, это наблюдение исподтишка за мучениями людей — и только. Большой грех сам по себе. И стопроцентная антикультура.

Можно ли назвать бокс сам по себе мордобоем? Нет, это — физическая культура, разновидность общей культуры. Но когда на арене ломают кости, а озверевшие фанаты после соревнования крушат все кругом — это типичная, воинствующая антикультура. И это — верный признак близкой катастрофы (достаточно вспомнить историю Древнего Рима).

Что проделали, по сути, помянутые выше «проклятые поэты»? Они использовали запретный дотол

прием — ввели инструментарий антикультуры (тогда еще гомеопатическими дозами) в произведения культуры. И получили взрыв. Скандал, Славу, Подражание, Моду.

Ну как если бы хулиган ворвался на поле для гольфа и избил играющих на ней джентльменов любой клюшкой для этой игры.

Западное искусство второй половины XIX века стало разительно меняться на глазах. Хотя некоторые корифеи золотого века дожили почти до конца этого столетия или даже до начала следующего. В прозе появились описания интимных сцен (где раньше ставились многоточия), правда, до времени в рамках определенных приличий, без привычных нынешних гнусностей. В драматургии появились либо натурализм, либо фиглярство на грани цирковых номеров (то есть переход в совсем иной жанр). В музыке какофония стала все настойчивее одолевать симфонию.

Появилась «мертвая музыка». Или стало выдаваться за музыку то, что раньше было лишь музыкальным фоном какого-то действия на сцене или на экране. И пришлось бы европейской музыке умереть естественной смертью, если бы ее одряхлевшее тело не ожили волной пылающей крови негритянский джаз. В живописи начались выверты — самые разные, только бы подальше от классики золотого века. И вскоре дело дошло до еще одного скандального сказочно-андерсеновского «черного квадрата» абстракционизма, который любой debil может легко изобразить. Важнее словно поставило себе целью возможно дальше уйти от классических античных образцов к более древним оригиналам каменного века. Наконец, архитектура нашла себе идеал в виде нагромождения заводских пролетов. Правда, не сразу. А пройдя через стиль модерн, аккумулировавший очарование кладбищенского склепа.

И на каком-то этапе вся эта эстетствующая публика вынуждена была признать, что произошел спуск по лестнице, идущей вниз. Упадок. Декаданс. И сами декаденты, чтобы дистанцироваться от безвозвратно ушедшего золотого века западной культуры, наименовали себя — унижение паче гордости — серебряным веком.

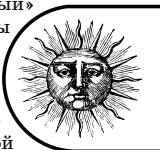
Мы сегодня восторгаемся высотами серебряного века почти так же, как золотого. Но смотрим на декаданс второй половины XIX — начала XX века (границей тут служит Первая мировая война) отнюдь не с облаков нового Ренессанса, а — если уж продолжать этот образный ряд — с горящих торфяников «бронзового» XX века. Ну а последние 20–25 лет искусства не дотягивают даже до этой планки. Что же? Наступил — по той же шкале ценностей — последний, «железный» век? Нет, думается, положение сложнее, и мы его основательнее разберем чуть позже.

Говорят, художники раньше и глубже других предчувствуют рождение нового или начало конца. Можно долго говорить о предчувствиях, умонастроениях, сдвигах в социальной психологии людей. А можно все это вместить в емкий поэтический образ: «Где вы, грядущие гунны, что тучей нависли над миром?..»

Откуда же взялись «гунны» в только что описанной «прекрасной эпохе» и как это они тучей нависают над миром?

2

В Западной Европе тишь да гладь да божья благодать. А в Восточной — продолжалось разложение заживо умиравшей Османской империи. Продолжалось, как и века назад, — массовой резней всех сопротивляющихся зверскому насилию: сначала греков, потом сербов, потом болгар. На защиту славян вновь встала Россия, вновь полились реки крови на

Балканах и на Кавказе. На Дальнем Востоке к европейским колонизаторам присоединилась Япония и попыталась оторвать свой кусок от реликтов Древнего мира — Китая и Кореи. А когда китайцы в очередной раз восстали против колонизаторов — их подавила объединенная армия едва ли не всех европейских держав (плюс Япония). Но китайцы в глазах тогдашних европейцев — люди другого мира. Между прочим, мира цивилизации, возраст которой пять тысячелетий и с высоты которой «желтые дикари» вполне правомерно именуют своих врагов «белыми варварами». А вот как относиться к «злым» колонизаторам-англичанам, которые напали на «добрых» колонизаторов-буров (потомков переселенцев из Голландии и других европейских стран)? «Черные дикари» — негры — в этой войне не в счет. Счет — катастрофический! — придет только через сто лет. Меньше чем через сто лет!

А над этими ясно видимыми и вполне понятными силами возвышалось нечто чудовищное и непонятное: борьба за мировое господство, раздел мира и создание колониальной системы. Британская колониальная империя (владевшая почти четвертью всех благ колонизаторов), французская, германская, голландская, бельгийская, испанская, португальская... Понятно, возникали сложности. Например, в четырех наиболее значительных английских колониях воспроизвелась ситуация США конца XVIII века. И в Лондоне предпочли больше не рисковать. Канада, Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия получили статус самоуправляющихся государств — доминионов под формальной короной английского короля.

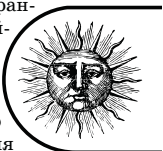
Главное же, как раз во второй половине XIX века целых три державы — Россия, США и Япония — чуть не в одночасье сделали из анхронично-допотопных самими что ни на есть современными и тут же потребовали своей доли «колониального пирога». На-

помним, что Россия по инерции двести лет числилась в списке великих держав, но к этому времени опустилась до уровня «второсортной великой державы» (рядом с Австро-Венгрией и Италией) — не чета «первосортным» Англии, Франции и Германии. А США и Япония почти до самой Первой мировой войны не то что великими, вообще державами не считали — так, что-то на уровне Мексики или Бразилии. Теперь все три ринулись в аферы колониальных захватов.

Если сильный считает, что ему досталось меньше, чем слабому, он свое возьмет силой — так повелось испокон веку.

И вот ставшие более сильными США отобрали колонии у более слабой Испании. Ставшая более сильной Германия попыталась отобрать колонии у менее сильной Франции. Чтобы спровоцировать Францию на заведомо проигрышную для нее войну, Германия не постеснялась опубликовать в 1870 году фальсифицированную дипломатическую депешу вызывающе оскорбительного характера. Иначе говоря, германский канцлер поступил как заурядный жулик, зато Германия стала гегемоном Европы. Спустя сорок лет германское правительство не задумалось послать военный корабль во французскую «зону влияния». Вульгарная повторная провокация войны с новыми ставками на кону. На этот раз сорвалось, но через три года (в 1914 году) аналогичная провокация Германии удалась-таки. Через полвека тот же трюк проделал СССР — отправил свои ракеты на Кубу (провокация не удалась).

У борьбы за мировое господство — своя логика. Будь у Германии в те времена способ и повод доконать Францию — она непременно сей же час это сделала бы. По остроумному замечанию одного дипломата (правда, по несколько иному поводу) — это все равно что разжечь пожар мировой войны только для того, чтобы изжарить на нем себе яичницу! Не-

возможно было поверить, чтобы любители подобных оملетов взяли верх.

Между тем сооружение колониальной системы привело к социальным взрывам, которые нетрудно было предвидеть.

В Китае, который к концу XIX века вроде бы окончательно был поделен на «сферы влияния» колониальных держав, в 1890-е годы начался «передел», приведший в 1904–1905 годах к Русско-японской войне. Победителем в ней неожиданно для всех стала Япония (последствия этого для России см. в книге «Моя богоданная Россия»). А в 1911 году, как уже говорилось, там вспыхнула революция, которая завершилась в 1949 году созданием Китайской Народной Республики.

В Османской империи, которая продолжала агонизировать, нашлись силы, которые попытались реанимировать умиравшее государство, совершив в 1908 году «младотурецкую революцию». В конечном счете им это удалось, но империя стала рассыпаться, как картонный домик. Первыми «посыпались» турецкие владения на Балканах. Правда, освободившиеся из-под ига тут же передрались между собой. Наибольшие территориальные «приращения» получила Болгария, но ее быстро «урезали» соседи — Греция, Сербия и Румыния. Австро-Венгрия пожелала получить себе колонию — населенную сербами Боснию и Герцеговину. Ясно, что там вспыхнуло новое национально-освободительное движение — на сей раз против Австрии. У каждого такого движения есть свои экстремисты. Один из них совершил покушение на наследника австрийского престола. Возник предлог для войны за мировое господство. Способ достичь такой цели был выработан в Берлине заранее. Осталось привести механизм в действие — и вспыхнула мировая война № 1 уже не по моему, а по общепринятому счету. Со своей логикой и со своими сюрпризами.

3

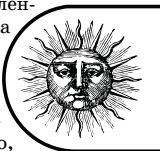
Существовала еще одна проблема из тех, что «тучей нависли над миром»: положение в развитых странах низше-среднего и низшего класса, а также в нескольких странах среднего, которым при неблагоприятных обстоятельствах грозила опасность свалиться в нижний класс.

В колониях этой проблемы тогда не существовало. Там веками сложился порядок: богатч должен жить богачом, бедняк — бедняком, а нищий — нищим. Если бедствия становились невыносимыми — вспыхивал бунт, восстание, революция, которые сравнительно легко подавлялись регулярными войсками. Этот порядок казался незыблемым.

На Западе идеология социал-демократии сплотила рабочих в профсоюзы, и они потребовали определенных условий работы: столько-то часов в день за такую-то зарплату, гарантий от произвольного увольнения и пособий в случае нетрудоспособности. Каждая уступка предпринимателя доставалась с боем, но в конце концов достигался более или менее приемлемый компромисс. Однако, как мы уже говорили, в каждом общественно-политическом движении находятся экстремисты. Нашлись они и здесь и с годами выработали программу.

1. Никаких классов — «мы все работники всемирной, великой армии труда». И никаких паразитов. Мы уже говорили, что это физически невозможно, даже если истребить треть населения (проверено потом на практике).

2. Никаких рынков, где только обвешивают и обмеривают (что соответствует действительности). Вместо рынков — плановые распределители: все равно больше буханки в день не съешь и больше одного костюма не наденешь. Все прочие соблазнительные блага — строго по мере труда, зафиксированной квитанцией. Что на месте упраздненного рынка может возникнуть

«черный рынок» с повышенными ценами — это доктринарам никогда не приходило в голову.

3. Никаких денег, которых честным трудом все равно много не заработаешь, а нечестным — можно: как известно, «деньги идут к деньгам» и скапливаются не там, где хотелось бы. Вместо денег — «дензнаки», то есть помянутые квитанции, которые печатаются по мере надобности. Что и здесь пахнет денежным «черным рынком», бартером (шило на мыло) и полным расстройством системы распределения благ — об этом с экстремистами дискутировать так же бесполезно, как и по предыдущим двум пунктам.

Программа изначально выглядела столь утопично, нежизнеспособно, что была решительно отвергнута всеми социал-демократами. Кроме, понятно, самих экстремистов. Но у тех был еще один аргумент: террористический акт. В более цивилизованных странах таких актов, естественно, было меньше. В менее цивилизованных — больше. В наименее цивилизованных (Россия) — навалом.

Государственная практика показала, что одно из эффективных лекарств против экстремистов (помимо тюрьмы и виселицы) — победоносная война. Тогда одушевленная победами толпа сама разрывает экстремистов в клочья, чем облегчает работу полиции. Эту «гирьку» стали класть на весы, когда в правительстве той или иной державы обсуждался вопрос, начинать войну или нет.

4

Соотношение сил к июню 1914 года было следующим.

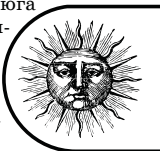
Германия на суше была действительно самой сильной державой мира. И если в 1870 году ей потребовался месяц, чтобы расправиться с Францией, то теперь мобильность войск увеличилась (железные дороги и автомашины!) и того же результата можно

было добиться недели за три. Естественная союзница (и единственная надежда) Франции — Россия могла развернуть свои армии на российских просторах и дорогах не ранее двух-трех месяцев. За это время германские дивизии вполне могли вернуться из побежденной Франции, и России предстояла в лучшем случае затяжная война с неизбежными поражениями. И с весьма возможными переговорами о мире, поскольку цель Германии в такой войне была бы достигнута: Франция, как прежде Испания и Швеция, вылетала из списка великих держав и сдавала Германии свои колонии (единственное, что от нее требовалось, помимо соответствующей контрибуции на покрытие военных расходов). А на Сибирь Германия не претендовала.

Русским пришлось бы тяжело, потому что с юга и юго-запада против них выступили бы союзники (фактически сателлиты) Германии — Турция и Австро-Венгрия. В одиночку и та, и другая были бы разбиты Россией наверняка. Но втроем они представляли силу, с которой лучше договариваться, чем сражаться.

Неясна была поначалу позиция Англии и Италии. Вообще-то нетрудно было догадаться, что Англия не допустит разгрома Франции и что Италия встанет против Австрии, поскольку та оккупировала ее северо-восточные провинции. Но, как уже говорилось, Германии нужно было всего недели три, чтобы разгромить Францию и затем бить врагов поодиночке. Так что расклад был для Германии не то что бесприкрытый, а на сто процентов выигранный. Нужен был лишь подходящий предлог.

Предлог нашелся. Мы о нем уже говорили: убийство в июле 1914 года наследника австрийского престола. Австрия предъявила Сербии ультиматум, который фактически был принят, и дело могло быть улажено миром. Теперь все зависело от Берлина, так

как Вена к тому времени самостоятельной силы не представляла. Берлин сформулировал новые требования так, что они означали на деле австрийскую оккупацию Сербии. Понятно, переговоры затянулись. Тогда Берлин санкционировал объявление Веной войны Сербии и объявил войну России (чтобы затормозить там мобилизацию и чтобы не слишком явственно выпирала главная цель войны — разгром Франции). Затем война была объявлена и Франции. В августе все должно было быть кончено, согласно по-немецки точному рассчитанному плану.

Испортили великолепно разработанный план человек и машина.

Человек в данном случае — русский солдат и офицер, которые сделали то, чего не сделала бы ни одна другая армия в мире. Не дожидаясь подхода резервов и идя на верную гибель ради спасения союзника, одна из русских армий вторглась в Восточную Пруссию и приступила к ее оккупации. Она была немедленно окружена превосходящими силами противника и принуждена к капитуляции (командующий армией, следуя неписаным правилам офицерской чести, покончил с собой). Однако для этого немцы вынуждены были снять с западного фронта часть дивизий и перебросить их на восток. Франция была спасена.

Что касается машины, то называется она «машинным ружьем», в переводе на русский: пулеметом. Машина была изобретена в 1884 году, опробована в Англо-бурской и Русско-японской войне и признана слишком дорогой игрушкой (в смысле расхода боеприпасов). Надо сказать, что генералы — не только русские, — исходя из известного постулата о пуле-дуре и штыке-молодце, отчаянно сопротивлялись принятию на вооружение даже магазинной винтовки. В страхе, что солдат за минуту перестреляет все отпущенные ему на день патроны. А уж пулемет казался и вовсе преступным истреблением собственных боеприпасов.

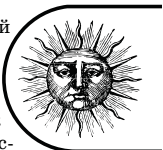
Но пулемет сотворил чудо. Все может преодолеть наступающая стрелковая цепь: и артподготовку, и залповый огонь, и встречный штыковой бой. Но перед пулеметным огнем в упор человек бессилён. И многомиллионные армии на целых четыре года замерли в окопах позиционной войны. А затем одна за другой стали разваливаться империи, ввязавшиеся в такую войну «на измор».

И трудно стало говорить о каком-то там упадке, декадансе. Произошла общемировая катастрофа: и психика человека стала другой, и общество стало другим. Самое печальное — впереди никакого нового ренессанса. Цель — как бы выжить. Даже ценой перехода в качественно новое состояние.

5

В 1911 году, ещё до начала Первой мировой войны, один немецкий юноша, только что закончивший свое образование, отказался от годичной вакансии учителя гимназии, заточил себя в маленькой квартирке в Мюнхене и обрек себя на тяжкий многолетний труд, который рассматривал как «предназначение свыше» (кстати, автор этих строк точно так же рассматривает две свои последние книжки — «Мою богоданную Россию» и лежащую перед вами). К началу 1917 года первый (главный) том был готов к печати. Книга получила поразительное заглавие — «Закат Европы» (в немецком оригинале «Падение Запада»). В 1918–1920 годах вышло 32 издания, а в 1923 году книга появилась даже на русском языке и в 1993 году, как только это стало возможным, вышла вторым изданием.

Это была, безусловно, сенсация. Разорвавшаяся бомба, сродни первым докладом Римскому клубу полвека спустя. И это несмотря на типично немецкое занудство изложения и огромный объём (31 печатный лист, отнюдь не «книжка для чтения, выбрасывания

и забвения»). И даже несмотря на то, что автор добросовестно перечислял своих предшественников, а мы к ним можем добавить ещё и продолжателей — включая автора лежащей перед вами книги.

На наш взгляд, говоря словами одного несостоявшегося классика, эта штука сильнее не только чем «Фауст», но и чем «Капитал». Тем не менее все минувшие десятилетия книга служила только поводом для иронизирования над якобы «пессимизмом» автора. Теперь пришла пора сослаться на нее в качестве философского объяснения того, что случилось с западной цивилизацией вообще и в XX веке в особенности.

Ну и что же случилось? Расхватали 32 издания сенсационной книги, поахали, поужасались (доля способных читать — тысячная процента населения развитых стран, не говоря уже о неразвитых). И даже не сообразили, что это — «первый звонок». Второй прозвенел полвека спустя из Римского клуба. С теми же результатами. Теперь остается ждать третьего, после которого, как известно, в театре сразу начинается представление, а в мире — светопреставление.

Оставим в стороне оценки немецким философом окружавшей его действительности (например, «социализм — вопреки внешним иллюзиям — отнюдь не есть система милосердия, гуманизма, мира и заботы, а есть система воли к власти. Все остальное — самообман»). Остановимся на главном в книге.

Главное — понять, что будущность Запада не есть безграничное движение вверх и вперед по линии наших идеалов, тонущее в фантастически необъятном времени. Она строго ограниченный в отношении формы и длительности, неизбежно predetermined, измеряемый несколькими столетиями частный феномен истории. Его можно на основании имеющихся примеров обозреть и определить в его существенных чертах.

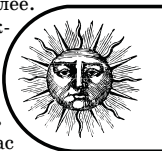
Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы и культуры. В том числе культура Запада. Сколь далек, странен, переходяц по своей структуре был для последующих культур мир индийский или вавилонский, столь же непонятен в скором времени станет и западный мир для людей еще не родившихся культур. Нас ожидает еще последний духовный кризис, который охватит весь Запад. Европейская наука идет навстречу самоуничтожению через утончение интеллекта. Римская история — ключ к уразумению будущности Запада. Наша рационалистическая цивилизация есть деградация высших духовных ценностей культуры, и она обречена. Человеческая история есть не что иное, как поток бытия сверхорганизмов «египетской культуры», «китайской культуры», «античной культуры» и так далее.

Но в таком случае и европейская культура должна обветшать в свой срок. Главное, понять: все живущее, в том числе живущие культуры, обязательно умирает.

Задача заключается в том, чтобы проследить дальнейшие судьбы той культуры, которая сейчас проходит период завершения, — культуры Запада.

Последующие десятилетия подтвердили предвидение автора «Заката Европы»: «культура Запада» не «восходит», а «закатывается».

И к концу XX века становится видно, как угасают последние лучи заката. Это не значит, что наступает ночь. Или даже новое утро, день, вечер. Многие говорят о том, что грядет переход в качественно новое состояние, когда понятия «восход» и «закат» примут радикально иное содержание.

Глава 8. КОНВУЛЬСИИ ПРЕДПОСЛЕДНЕГО ВЕКА

Вдоль дороги все не так.

А в конце — подавно.

Владимир Высоцкий

1

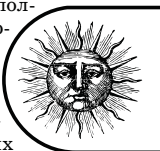
Упорство поисков выхода из тупика позиционной войны поражает. Кажется, воюющие стороны перепробовали все мыслимое. Попытались смести окопы с лица земли миллионами снарядов, получилась пустыня с миллионами человеческих трупов — но поперек пустыни вставляли новые линии окопов с колючей проволокой. Попытались протаранить окопы миллионами сабель, пик и штыков (штыки — чисто русский прием) — австрийцы попятились, чехи стали тысячами сдаваться в плен, но немцы ударили во фланг и отбросили русских далеко назад, к новой линии окопов. Попытались запугать защитников окопов бомбежкой с воздуха (в те времена скорее похожей на «психическую атаку») — к бомбежкам быстро привыкли, как к артобстрелам. Попытались травить защитников окопов ядовитыми газами — срочно изобрели и в массовом порядке раздали противогазы. Изобрели сухопутные броненосцы (танки) — но научились подбивать их гусеницы пушками и гранатами (это уже к концу войны, когда Германия изнемогала от «войны на измор» и без танков).

Казалось, позиционная война, в отличие от обычной, может быть бесконечной. Но у нее оказалось уязвимое место: экономика. Солдаты в окопах годами могли гибнуть миллионами. Но при условии трехразового питания. Рабочие и работницы в тылу могли работать по шестнадцать часов в день, но при том же

условии. Там же, где экономика давала сбой и питание прекращалось, — армия капитулировала (впрочем, до этого все четыре года войны не довели нигде), а тыл выстраивался в очереди за пайками.

К февралю 1917 года в столичном российском Петрограде очереди достигли астрономических размеров. Начались демонстрации. Разогнать их послали солдат гарнизона. Солдаты начали брататься с демонстрантами. Власть потеряла опору. Началось безвластие, подхлестываемое, с одной стороны, экстремистами, с другой — уголовниками. Теоретически существовало несколько вариантов выхода из положения. Выбрали самый глупый, самоубийственный.

Царь был далеко и от Петрограда, и от фронта: в своей ставке верховного главнокомандующего. Полководцем он был в лучшем случае на уровне полковника. Но должен был играть роль фельдмаршала, потому что других авторитетов не было: старики-генералы были тотально импотентны и грызлись между собой; братья, дядя и племянники — великие князья в генеральских чинах — погрязли в сварах. Энергичных молодых генералов, которым не под семьдесят, а хотя бы под пятьдесят, и которые годились на роль диктатора (это было единственное, что в такой ситуации могло спасти страну), согласно исконной российской традиции, третируют как мальчишек, пока не разразилась катастрофа.

«Когда тонешь, хватаешься за змею», — сказал как-то турецкий султан, когда придворные выразили удивление его сближению со злейшим врагом Турции — Россией. Царь поступил точно так же: забросанный паническими телеграммами из Петрограда, он пригласил к себе в ставку на совет неважных ему лидеров Госдумы (разумеется, законопослушных, но плавающих монарху такой же неприязню).

Лидеры вознамерились стать реальным правительством (вместо впавшего в прострацию царского). Хотя для этого не было ни субъективных, ни объективных оснований. Все думцы всегда могли только вести дискуссии, а не управлять страной. Кроме того, повторяем, обстановка была такова, как если бы лошади понесли — тут удержать вожжи мог только умный волевой диктатор. Но уж очень привлекательны министерские посты. Для этого надо было всего ничего: уговорить царя отречься от престола в пользу несовершеннолетнего сына — и регентствовать вволю. Поэтому акт об отречении (равносильный самоубийству в такой стране, как Россия) казался пустой бумажкой. Но возникло опасение, что такая явная фикция лишь подольет масла в огонь, и самоубийственная идея отречения, уже ставшая популярной, заменила сына императора — младшим братом. Брат отказался, и возникла ситуация декабря 1825 года: «свято место» оказалось пустым. И в феврале 1917 года произошел уже не путч, а революция. Монархию сменила анархия. Временное правительство, наспех созданное Госдумой, не имело ни авторитета, ни политической воли, ни самой политики. Страна и фронт повисли на ниточке инерции, которая, как известно, всегда и во всех случаях быстро иссякает.

Такое правительство, какое появилось, могло выставить только два лозунга.

- Удерживать фронт; мало того, помочь союзникам усилением активности на нем (а это значит новые миллионы убитых и раненых).
- Отложить все злостные вопросы (и прежде всего вопрос о земле, половина которой была в руках горстки помещиков) до конца войны, до победы.

И это в условиях, когда экстремисты вновь развратывали демагогию: конец войне, мир народам, землю крестьянам, фабрики рабочим и так далее.

Через считанные недели, когда очередное наступление на фронте провалилось, стало ясно, что социальный взрыв неизбежен.

Незадолго до этого в германский генштаб поступила информация, что среди русских экстремистов-эмигрантов в Швейцарии есть человек, который берется развалить русский фронт. Не ради денег, а чтобы вызвать такой же эффект на других фронтах и произвести мировую революцию. Ну на безумные идеи внимания обращать не стали, а вот перспектива развала фронта была привлекательной...

Этого человека и его поделщиков в специальном вагоне провезли из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию в Петроград, где он на выделенные германским генштабом деньги занялся подготовкой госпереворота. Собственно, политическая организация для этого уже имела. Она называлась Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), но фактически представляла собой хорошо налаженную мафиозную структуру, готовую на любое преступление — в том числе государственное.

Возникла дилемма: либо военная диктатура, которая арестовала бы заговорщиков и стабилизировала бы положение в стране (об этом просили многие, в том числе лидеры правых социал-демократов), — либо хорошо подготовленный социальный взрыв, путч, развал фронта и ожидание мировой революции (приемлемое только для фанатиков).

Временное правительство, совершив перетасовку кадров в смысле «полевения» кабинета, продолжило тянуть время в пустой болтовне, да притом допустило отказ от самоохраны, сделав себя заложником любой активной группы заговорщиков.

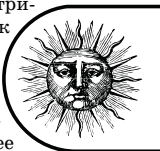
В результате 7 ноября 1917 года хорошо организованная горстка фанатиков мировой революции (большевики — экстремистское крыло социал-демокра-

тии, по фанатичности похожее на нынешних талибов) в результате ночного налета арестовала правительство и провозгласила собственное: фиктивную «советскую власть». Для проформы в «советы» включили сначала нескольких представителей крайних левых партий, но затем их быстро убрали физически. И демагогические лозунги экстремистов сделали свое дело: фронт развалился, началась анархия, повальные насилия и грабежи — и все это под лозунгом «Власть советам!»

Германский генштаб не прогадал. Агент его влияния в феврале 1918 года подписал капитулянтский мир — такой, каким он мог быть, если бы Германия разгромила Россию в войне. К Германии отошли Польша, Прибалтика, Белоруссия, Украина плюс к этому Россия выплачивала миллиардные контрибуции золотом, зерном, углем — всем, в чем так нуждалась изнемогавшая в войне Германия. Этот мир продлил мировую войну еще на девять месяцев, и если бы на помощь французам и англичанам не пришли американцы, неизвестно, капитулировала ли бы Германия. Скорее всего пришлось бы идти с ней на компромисс.

Демагогия большевиков не сразу подняла против них здоровые силы общества. Только когда начался погром «среднего класса» (глава царского правительства, убитый террористами за несколько лет до войны, сумел поднять до этого уровня чуть ли не треть крестьянства, включая казачество), только когда началось массовое истребление дворянства, буржуазии, интеллигенции, только когда закрыли рынки и открыли простор «черному рынку», только когда ликвидировали деньги, заменив их бесполезными «дензнаками», и вызвали финансовую катастрофу, наконец, когда в третий раз стали реквизировать урожай у крестьян — только тогда страна поднялась против своих отечественных «талибов».

Но русским «талибам» трижды повезло. Осенью 1918 года развалились Австро-Венгрия и Османская империя, вспыхнула революция в Германии. Державы-победительницы продиктовали побежденным условия мира. И «советская власть» на короткое время появилась на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике. Державы-победительницы недооценили большевиков. Они были уверены, что эта кучка авантюристов сама собой обречена на гибель в самое ближайшее время. Поэтому, высадив сначала десанты на окраинах России, они отозвали свои уставшие от войны войска и ограничились материальной помощью. Наконец, они не уделили внимания вопросам координации «белых» армий. И образовались четыре изолированные друг от друга армии (в Сибири, на Дону, в Эстонии и в Крыму), которые, одна за другой, формировались и начинали поход на Москву, куда переехало из Петрограда советское правительство. В каждой из этих армий было примерно по 100–150 тысяч человек. Сравните это с «красной» армией, в которой было поставлено под ружье 5,5 миллиона человек и которая легко была противника поодиночке. Успех «красных» был такой, что они попробовали «перенести» революцию из России в Германию через Польшу. Но тут державы-победительницы оказали полякам необходимую помощь, и «красные» были отброшены.

Итак, Гражданская война 1918–1920 годов в России была выиграна «красными» (на Дальнем Востоке военные действия продолжались до 1922 года).

Однако Россия оказалась в полной разрухе. Рухнула промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Восстали крестьяне. Забастовали рабочие, начались волнения в армии.

И тогда лидер большевиков — вопреки мнению большинства своих поделельников — резко изменил курс, объявил «новую экономическую политику»:

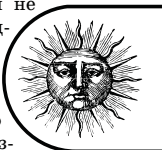
вернул частное предпринимательство, открыл рынки, ввел конвертируемую валюту. На целых семь лет (1921–1929) Россия получила передышку. Следующей такой передышки она дождалась только в XXI веке.

2

11 ноября 1918 года Германия наконец капитулировала. В салон-вагоне поезда, стоявшего на путях в Компьенском лесу за линией фронта, было заключено перемирие, закрепленное в 1919 году Версальским мирным договором.

Вы, конечно, можете не сомневаться, что Версальский договор подписывался в том же зале, где Пруссия в 1871 году продиктовала побежденной Франции унижительные условия мира. Разумеется, вы не ошибетесь, если предположите, что спустя двадцать лет, в 1940 году, в том же самом салон-вагоне, превращенном в музей, побежденная Франция в очередной раз подписывала капитуляцию. Из этих исторических фактов наглядно следует, что государствами почти всегда и везде управляли мальчишки подросткового возраста. С соответствующим сознанием и поведением. Нет никакой уверенности, что сегодня они повзрослели хоть чуть-чуть.

Послевоенный мир напоминал собой огромный одноэтажный коттедж, в благоустроенных комнатах которого разместились благополучные страны Запада (плюс четыре английских доминиона и Япония). Конечно, побежденным жилось хуже, но ненамного. Намного хуже жилось гораздо более многочисленным обитателям подвала — народам Азии, Африки и Латинской Америки. С уточнением, что в тот же подвал провалилась и Советская Россия. В «комнатах» наверху нормой жизни была сытость, благоустроенное жилье, удовлетворительное медицинское обслужи-

вание и приличное образование для подрастающего поколения. Плюс такая само собой разумеющаяся вещь, как чистая питьевая вода. В углах «подвала» нормой жизни была жизнь впроголодь в хижине или трущобе, вода из ближайшей лужи (читай: бактерии, болезни и так далее), никакой медицины, кроме знахарской, и никакой педагогики, кроме родительской. Разница зримо выражалась в том, что «наверху» жили в среднем почти вдвое дольше, а детей умирало едва ли не вдесятеро меньше.

Все углы «подвала», как в тюрьме, были разделены на три категории «камер»: колонии, разделенные между победителями (у Германии были отобраны все до одной); полуколонии, сохранившие видимость государственной независимости, но на деле ничем не отличавшиеся от колоний; остальные независимые государства, в которых хозяйничали не колонизаторы, а иностранные банки. Советская Россия формально оставалась «наверху», но к ней относились как к прокаженной и жилось в ней хуже, чем в ином подвале. Понятно, имелись и «маргинальные» страны — одни ближе к благополучным, другие — к обездоленным. Но и те и другие были тем, с чем, по определению французов, не принято считаться.

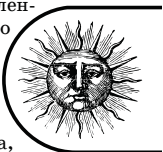
Благополучные страны объединились в Лигу Наций, в которую допустили на порог и некоторые неблагоприятные государства (только не колонии!) и которая призвана была навеки покончить с войнами. Верховодили в Лиге, как и сегодня в ООН, только великие державы, поделившие между собой «колониальный пирог». Тогда это были «старые пираты» Англия и Франция плюс «новые выскочки» — США (спасшие союзников и теперь игравшие в Лиге первую скрипку), Япония и Италия, тоже получившие куски от «пирогов». Италия — Ливию — Япония — Корею, Тайвань и — самовольно — часть китайской провинции Шаньдун.

Все выглядело благостно. Кроме одного. И империалистическая, и гражданская война продолжалась в мировых масштабах, только в иных формах.

Весь «подвал» то и дело вспыхивал пламенем бунтов, восстаний и революций. В далекой от Европы Мексике только что формально окончилась опустошительная гражданская война 1910–1917 годов, но правительство не собиралось выполнять обещания, и военные действия между повстанцами и правительственными войсками продолжались. Волнения прокатывались по всей Латинской Америке. В Африке марокканские племена отбивались от испанских и французских колонизаторов. На развалинах Османской империи бушевала междоусобица племен, перемежавшаяся с их восстаниями против английских и французских колонизаторов. В Индии медленно, но верно назревала кампания гражданского неповиновения, и в Лондоне все более сомневались, возможно ли удержать эту колонию. Китай с 1911 года горел в огне гражданской войны, похожей на русскую, с той разницей, что с востока на него наседали Япония. Правда, все это считалось тогда «в порядке вещей» и особой тревоги не вызывало.

Но даже в странах-победительницах, где казалось бы, нельзя было ждать никакого подвоха, начало складываться тревожное положение. Например, в сверхблагополучной Британии, из участниц войны в Европе меньше всего пострадавшей.

Дело в том, что рыночная экономика, с тех пор как свет стоит, всегда развивалась циклами подъемов и кризисов сбыта. С годовыми кризисами научились справляться системой дешевых распродаж к концу сезона, закладывая скидки в общегодовую прибыль. Так что ты можешь натянуть на себя заведомое старье с прилавка за доллар или даже за полдоллара, но к новому сезону, чтобы выглядеть прилично, обязан

будешь выложить за примерно то же самое полсотни или даже сотню. Для более серьезного товара развили индустрию моды: ты обязан выложить тысячу долларов за модный костюм такой-то фирмы, как обязательный фрак на свадьбе или похоронах, мало отличающийся от выставленного на распродажу за десятку.

Война давала работающим дополнительный доход, и потребление росло. Когда война кончилась, доходы урезали, потребление упало и соответственно начало падать производство, стало сокращаться количество рабочих мест. А на пособие по безработице много не купишь. Получился порочный круг, когда день ото дня, независимо от твоих усилий, тебе все хуже и хуже. Там, где война принесла разорение, и миской «благотворительного супа» останешься доволен. Но там, где во время войны ты стал жить лучше, необходимость «затянуть пояс» приведет в ярость.

В Великобритании дело дошло до всеобщей забастовки и едва не дошло до новой революции. Которая не состоялась только потому, что англичане уже прошли через такой кошмар и по собственной истории знали, чем всякая революция оборачивается. Совсем как россияне в начале XXI века, которых после бурных 1990-х никакими бедами на массовые демонстрации не выманишь.

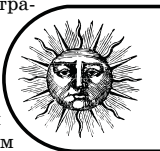
Еще тяжелее последствия войны оказались в США. Там принцип «кому война, а кому мать родна» стал привычен, так как война принесла миллионы новых рабочих мест с высокой зарплатой и соответствующим уровнем потребления. Ситуация изменилась, исчезли рабочие места и высокая зарплата, произошел сбой в системе «кредит — покупка — расплата». Бедствие продолжалось несколько лет и по своим ужасам напоминало бывшую гражданскую войну (мать, персонаж американского рассказа о тех временах, приводит домой мужчину с улицы, чтобы продать ему на десять минут свою малютку дочь за четверть доллара — на

хлеб для обеих). Наконец власти плюнули на пресловутую «свободу рынка» и железной рукой выправили цепочку «производство — потребление — производство», беззастенчиво позаимствовав идеологический инструментарий у социал-демократов.

С тех пор стало трудно разобрать, где на Западе кончается «капитализм» и начинается «социализм». Совершенно так же, как в постсоветской России невозможно определить, где кончается чиновник — в том числе военный, милицкий, министерский — и начинается вульгарный уголовник. Во всяком случае, «социализма» (в виде самых различных социальных пособий — в том числе для безбедного содержания миллионов отъявленных тунеядцев) на Западе с тех пор стало гораздо больше, чем в самых «социалистических» по форме и авторитарных по режиму странах на Востоке.

Еще тревожнее стало положение в побежденной Германии, а также в Италии, Польше, Венгрии и других намного менее благополучных странах Европы. В них недовольство населения приняло форму раскола между левым и правым экстремизмом.

В Германии к 1923 году дело едва не дошло до новой революции. Рабочие уже взялись за оружие. За коммунистов проголосовало до половины избирателей, и это в любую минуту могло обернуться новой «Россией». Поэтому крупные деньги были вложены в партии, которые призваны были одолеть коммунистов националистическими лозунгами в демагогической «социалистической» обертке. В Баварии, Венгрии, Финляндии коммунистов истребили физически. В Италии создали фашистское движение, призванное объединить «весь народ» вокруг «сильной власти» против анархизма. Символом фашизма стала «фашина» — пучок розог вокруг топора древнеримского ликтора-полицейского. В Германии со-

здали «национал-социалистскую партию» с тем же, что и у русских, красным флагом, но с черным германским орлом на нем. И большими деньгами привели ее в 1933 году к власти. В результате с начала 1930-х в Германии, Италии, Венгрии, Польше, Финляндии и ряде других стран установились такие же тоталитарные режимы, как и в России, переименованной в 1922 году в СССР. Они имели отъявленно националистический характер и были воинственно враждебны коммунизму вообще и СССР в особенности. Такой же режим фактически возник и в Японии, приготовившейся к новой схватке с Россией за Китай. Повсюду развязали такой же террор, как и в России, только противоположный по направленности — антикоммунистический. И очень кстати пришлось антисемитизм.

На протяжении 1930-х годов вся эта взрывчатая смесь пришла — не могла не прийти — в действие. Сначала Италия, вопреки протестам Лиги Наций, оккупировала Абиссинию (Эфиопию, Эритрею, Сомали). Затем испанские фашисты в 1936 году подняли мятеж против республиканского правительства в Мадриде. Их вооружили самолетами, танками, кораблями из Германии и Италии. СССР оказал такую же помощь республиканцам, и Испания на три года превратилась в полигон испытания новых видов оружия для будущих противников. К 1939 году остатки республиканских войск были оттеснены во Францию и интернированы там. Наконец, Япония в начале 1930-х годов, воспользовавшись затянувшейся войной между «белыми» и «красными» китайцами, оккупировала Маньчжурию, создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го и начала методически продвигаться вглубь Китая. При этом в 1938 и 1939 годах она дважды устроила «пробу сил» с СССР, но оба раза неудачно. И это сделало ее более сдержанной в этом районе в ближайшие два года.

Самую же главную опасность для мира создала нацистская Германия. Она, вопреки Версальскому мирному договору, самовольно восстановила армию, оккупировала нейтральные районы, в 1938 году присоединила Австрию, в следующем году оккупировала Чехословакию и 1 сентября 1939 года напала на Польшу, разгромив ее армию за несколько дней. Англия и Франция, в виде протеста, объявили Германии войну (поэтому 1 сентября 1939 года считается днем начала Второй мировой войны). Однако никаких военных действий они не предпринимали в расчете на предстоящее столкновение Германии с СССР. Вот почему этот период на Западе получил ироническое название «странная война».

На сей раз Ирония Истории проявила себя самым замысловатым образом. Несмотря на многолетнюю антисоветскую риторику — просто на грани объявления войны! — Германия вдруг предложила СССР любовный раздел Европы. Нечто вроде повтора сговора французского императора с русским царем за 130 лет до этого. СССР «получал» Финляндию, Прибалтику, половину Польши и Бессарабию. Германия — западную половину Польши, Чехословакию, Норвегию, Данию, Югославию, Грецию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Францию (Испания, Венгрия, Румыния и Болгария присоединились к Германии сами). Этот сговор осенью 1939 года и привел в действие машину Второй мировой войны.

Правда, Финляндия оказалась СССР не по зубам. Тупые советские генералы (остались только тупые — о судьбе не тупых расскажем чуть ниже) сотнями тысяч гнали русских солдат на убой прямо под пушки и пулеметы укрепленной финской линии обороны. Потери оказались чудовищными. Все же через несколько месяцев удалось отодвинуть финскую границу на сотню верст от Ленинграда. Но сама Финляндия оста-

лась независимой, а спустя много лет (здесь проявилась мудрость финнов) и дружественной нам.

Зато все остальное СССР получил сполна. Оккупировал Прибалтику — там возникли Эстонская, Латвийская и Литовская советские социалистические республики как часть СССР. Оккупировал и присоединил к Украине и Белоруссии их западные области, ранее входившие в Польшу. Оккупировал Бессарабию и присоединил ее к Молдавской автономной республике, сплошь населенной русскими, хотя формально входившей в Украинскую союзную республику. Эта автономная республика была тут же переименована в союзную (кто бы мог подумать, что всего через полвека все это обернется кровавой проблемой Приднестровья на стыке с Молдавией, теперь уже люто враждебной России?!).

Германия также все получила сполна. Кроме Польши и Чехословакии она мгновенно оккупировала Данию и Норвегию, Югославию и Грецию, обошла через Люксембург, Нидерланды и Бельгию французскую линию обороны, оккупировала Францию. Попыталась массированными бомбежками с воздуха принудить к капитуляции Британию, но тут осеклась: потери оказались слишком большими, а англичане — слишком упрямыми. Все были уверены, что Германия продолжит осаду Англии — тем более что в Африке она уже дошла до английского Египта. Как вдруг она повернула на восток. И не могла не повернуть.

Чтобы понять это, необходимо хотя бы в общих чертах знать, что произошло в СССР в 1929–1939 годах.

3

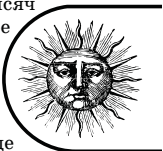
Мафия, которая не бандитствует, а, скажем, занимается художественной самодеятельностью, кончит свои дни не в тюрьме, а в психушке. Тоталитаризм, который не терроризирует другие страны и собствен-

ное население (или слишком долго терроризирует только словами), кончает ролью объекта оккупации и виселицей. Все без исключения (повторяем: без исключения!) экстремистские организации — правые или левые, безразлично — автоматически обретают мафиозную структуру: пахан, шестерки, козлы, опущенные и так далее. Иначе они просто не могут функционировать. Пахан с помощью шестерок обязательно должен вести козлов куда-то или на что-то — на грабёж или на войну, безразлично, — пугая жуткой участью опущенных. Если он споткнется, его тут же заменит более шустрая шестерка. Так работает мафиозная структура.

Вождь русских левых экстремистов вел своих подопечных от ночного налета на правительственный дворец к гражданской войне по трупам сотен тысяч убитых и репрессированных. И обещал «светлое будущее» живущему при нем поколению. Перед смертью, как мы уже говорили, он успел рационализировать свою политику и спас себя, а заодно и страну, от катастрофы. Затем он умер, и надо было придумывать что-то новое. Проще всего было побрататься с нуворшинами — «новыми русскими» тех лет, как это было сделано в 1990-е. Но тогда за вождем шли фанатики мировой революции. Они не допускали мысли о буржуе, рынке, деньгах. И был придуман другой ход.

Значит, так. В 1928–1932 годах СССР из аграрной страны превращается в индустриальную и становится вровень со странами Запада. Только жуировать здесь будут не одни буржуи, а все подряд. Это и будет социализм, за которым последует коммунизм, когда всего будет вообще навалом.

Нужен для этого всего пустяк — несколько десятков заводов и фабрик, выпускающих сотни тысяч машин и станков для новых сотен заводов и фабрик. В XXI веке для этого надобно только отвинтить по-

больше нефтяную или газовую заглушку — и все. Но в 1928 году нефть и газ были экзотикой. Купить за рубежом исходную технику можно было только на хлеб. Но хлеб тоже денег стоит. А если реквизировать его у крестьян, как в Гражданскую? Попробовали, но обожглись: крестьянин теперь свой хлеб укрывать научился.

К этому времени как раз кончился скандальный конкурс на место преемника вождя. Проиграл самый отпетый фанатик мировой революции — дорого досталась бы России вторая такая авантюра. Выиграл самый надежный для новой аристократии («номенклатуры»). Ничего, что дремуче «восточный», как персидский сатрап. Зато он ратовал за «социализм в одной стране». То есть за полновластие в родном кабинете, с квартирой, дачей, машиной, секретаршей, бифетчицей и прочим гаремом. И новый вождь, с интеллектом и психологией не самого умного османского паши XIX века, принял решение: коллективизация сельского хозяйства. То есть хлеб задаром в обмен на машины и станки, а питание рабов (человек, прикованный к своему месту работы и работающий бесплатно, называется рабом) — за счет картошки с приусадебного участка.

Крестьяне попробовали восстать. Двенадцать миллионов из них отправили в ссылку с семьями без продуктов — на верную смерть. А особо сопротивлявшихся лишили семенного зерна — и еще восемь миллионов погибли от голода. А чтобы сопротивление подавить в корне, науськали пятерых, что победнее, разграбить избу шестого, который побогаче. А уж потом всем скопом идти работать на колхозное поле «за просто так», под страхом тюрьмы. И через очень короткое время сельское хозяйство развалилось — оно не восстановилось до сих пор. Принудительным трудом можно еще прокормить армию, рабочих и служащих в городах (что и было сделано с помощью союзни-

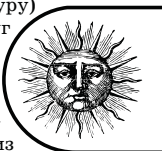
ков). Но крестьяне, составлявшие тогда подавляющее большинство населения страны, могли прокорчиться только приусадебной картошкой (см. выше).

Словом, катастрофа была налицо, и в любой нетоталитарной стране отставка правительства при такой ситуации неизбежна. Но в тоталитарной всегда есть выход: провокации, ажиотаж, репрессии, террор, война. Именно по этой дороге и пошли.

В конце 1934 года подстроили убийство наиболее популярного оратора коммунистов и наиболее вероятного преемника осрамившегося вождя (кстати, в Германии примерно в то же время произошло примерно то же самое). Устроили фальсифицированные судебные процессы (в Германии — тоже). Казнили тех, кто знал, что новый вождь начинал обычным бандитом-грабителем и стал (спасая свою шкуру) агентом-осведомителем царской охранки. Круг репрессий стал шириться, рос поток доносов на соседей и сослуживцев — за жилплощадь, за вакансию (каждый второй случай из шести миллионов доносов). Развернулось «соревнование» между областями и районами: у кого из «номенклатуры» больше арестованных — повышение, у кого меньше — самого в тюрьму. Самые опасные в такой ситуации — чекисты («спецслужбы») и офицеры. Поэтому убили тридцать тысяч чекистов и сорок тысяч офицеров — «мозг» защиты государства.

А германская разведка регулярно доносила...

1. Народ разорен и озлоблен против правительства.
2. Армия фактически обезглавлена и словно безумела: пятимиллионная ударная армия выдвинута без прикрытия на границу, с открыто стоящими машинами на аэродромах и танкодромах.
3. Прорыв танковых колонн вглубь приведет к панике, потере управления, полному разгрому и пленению оставшихся в живых. После чего можно устраивать парад в Москве, Ленинграде, Киеве, зимовать

на Волге и следующим летом делить разгромленную страну со своими союзниками.

В этой информации все было стопроцентной правдой (только на парад в Москве вышли не германские войска). Ну как не поддаться такому соблазну?

И действительно: с 22 июня 1941 года в первые же дни войны из пятимиллионной ударной советской армии 1,1 миллиона человек убиты, 3,9 миллиона попали в плен. Казалось бы, о чем больше говорить?

Последовали тщетные попытки сдержать врага недостаточными резервами, отчаянная попытка заслонить Москву телами сотен тысяч не обученных и практически почти безоружных ополченцев.

Но помогло везение. В Токио решили, что с Россией покончено и что пора прибирать к рукам весь Тихоокеанский регион, начиная с разгрома США (примерно так же, как разгромили Россию за полвека до этого) и кончая оккупацией Китая. А такой пустяк, как Сибирь, свалится потом в руки сам собой, когда начнут делить уничтоженную Россию. Советский агент в Токио (кстати, немец по национальности) доложил Москве о такой несусветной глупости. И на подходе к Москве немцев по декабрьским морозам встретили уже не ополченцы, а ударные сибирские дивизии. Кампания 1941 года закончена. Судьба войны еще не решена, но уже ясно, что стопроцентно верные разведанные не обеспечили ожидаемого успеха и что предстоит затяжная война, при явном перевесе советского военного потенциала над германским.

На уроках истории в военных вузах можно (и должно) оценивать, как пошли бы дела, если бы немцы оставили вокруг Ленинграда финский заслон, вокруг Москвы, скажем, венгерский, а вокруг Одессы — румынский, а сами бы всеми силами устремились на Волгу к осени не 1942-го, а 1941-го. И не стали бы штурмовать Сталинград, а постарались бы пресечь снабжение советских танков и самолетов бакинской

нефтью. Тогда кампания 1942 года развернулась бы по меньшей мере на Урале и за Уралом, а не под Сталинградом.

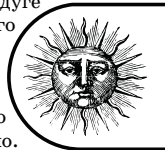
Но на тех же уроках можно было бы рассмотреть и другие альтернативы, реальные, зафиксированные. Оставить армию в укрепленных районах по «старой границе» (западнее линии Минск — Житомир), замаскировать аэродромы и танкодромы, выиграть несколько дней до подхода немцев по заминированным мостам-дорогам и устроить им «Курскую дугу» далеко к западу от Курска двумя годами раньше, с десятикратно меньшими потерями.

Но все это — на уроках истории. А в реальной жизни немцы пошли на самоубийственную авантюру — Сталинград. И потеряли несколько армий. А после победы в генеральном сражении на Курской дуге их долго и упорно добивали. Вплоть до самого штурма Берлина.

4

Отрицать решающее значение Восточного фронта во Второй мировой войне — глупо и подло. Не благодарить союзников за их всеяческую помощь оружием, боеприпасами и продовольствием — подло и глупо. Но и сводить всю Вторую мировую войну к ее Восточному фронту — смешно.

Конечно, «странную войну» 1940 года на Западе из памяти не выкинешь. А какой она еще могла быть, когда и Германия, и СССР были в равной мере враждебны Франции и Британии? Но то, что в 1941–1945 годах американцы, англичане и французы сражались достойно, — факт исторический. Именно англичане с помощью французов отбили атаку немцев, поддержанную итальянцами, на Египет. Именно американцы выдержали удар японцев в Перл-Харборе. Именно они, вместе с англичанами, французами, канадцами, австралийцами, новозеландцами и другими, отстаи-

вали Тихий океан, хотя им порой приходилось похуже, чем русским под Москвой осенью 41-го. И именно вместе с союзниками русские добивали врага, казавшегося непобедимым.

Остается дискуссионным вопрос, надо ли было бросать на японские города атомные бомбы, когда судьба войны была уже решена. Возможно, достаточно было ультиматума, чтобы вынудить противника к капитуляции.

Остается также дискуссионным вопрос, надо ли было громить в последний момент заведомо обреченную японскую армию в Маньчжурии. Хотя тут с ультиматумом могло быть и поспокойнее. Тем более что разгром японской группировки создавал базу для того, чтобы китайская Красная армия вскоре заняла весь континентальный Китай.

Думается, оба вопроса остаются риторическими. Разве что как хороший объект для военно-штабных игр.

А для нас гораздо важнее знать, чем же на деле окончилась Вторая мировая война. Ведь не просто же победой союзников.

5

В том, что после таких страшных бедствий никакой войны больше не будет, все во всем мире были уверены на сто процентов. Все, кроме одного человека в Московском Кремле, которого мучили совсем иные проблемы.

В его руках была полностью сломленная террором, опустошенная войной страна (где к шести миллионам заключенных в концлагерях добавились еще семь миллионов советских военнопленных, которые из немецких лагерей прямоком перекочевали в советские). За победу пришлось заплатить жизнями десяти своих солдат на каждого убитого немца. Но осталась на ходу мощная военная машина, способная за неде-

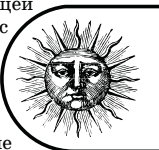
лю разгромить любую армию мира, а может быть, и все армии мира вместе взятые. Жаль было оставлять такой инструмент без дела.

А никакого дела изначально вроде бы не предвиделось. Дипломаты стран-победительниц расписали послевоенный мир до мелочей. Лидеры на высшем уровне трижды съезжались лично, чтобы не было никакого подвоха. Поделили все настолько поровну, что две страны (Корею и Вьетнам) пришлось разрезать ровно пополам. Казалось бы, даже мышь не проскочит — не то что танк.

Но в Греции начались волнения против короля (его в конце концов свергли). А в России среди множества проживавших там греков (или похожих на греков) нетрудно набрать ровно столько тысяч умелых, обученных солдат и офицеров с соответствующей техникой, чтобы они за несколько дней смели с лица земли королевских гвардейцев в смешных юбках. Это ведь не японская армия в Маньчжурии! И вскоре пол-Греции было занято греческой (якобы) Красной армией, которая подступила к Афинам. Но американцы и англичане знали, с кем имеют дело. Они немедленно направили к Афинам свои корабли с десантом, и на долгое время в горах Греции установилась позиционная война, как в Первую мировую.

К несчастью для Кремля, его хозяин в это время поссорился с точно таким же авторитарным хозяином Югославии, не пожелавшим быть простой шестеркой в свите «авторитета» (этому примеру последуют потом и другие). Поэтому псевдогреческая Красная армия оказалась зажатай между англо-американцами и столь же враждебными югославами. Поэтому пришлось срочно эвакуировать ее далеко за Каспий.

Хозяин Кремля, как известно, был крут и капризен. Ссылаясь на то, что англичане выхлопотали места в только что образовавшейся ООН для своих

четырёх доминионов, он потребовал шестнадцать мест для «своих» союзных республик. Его пробовали пристыдить: ведь у доминионов свои армии! Он приказал тут же создать шестнадцать липовых военных министерств. Его урезонивали: у доминионов — свои дипломатические службы. Он приказал создать шестнадцать столь же липовых МИДов и специальный институт для подготовки посольских кадров каждой республики (каковой и окончил в свое время автор сих строк). Наконец, выторговал он три места, и ему уступили, допустив вопиющее нарушение международного права.

И вот этот скандалист вдруг официально выдвинул требование закрыть черноморские проливы советскими фортами. И одновременно обнаружил, что, помимо советского Азербайджана, есть еще и иранский, гораздо больший по размеру. Нельзя ли объединить тот и другой? Разумеется, не в Иране. Бывшим союзникам пришлось приводить в боевую готовность эскадры и дивизии. К счастью, оба плана были отменены. Нашлись более соблазнительные.

Побежденная Германия была разделена на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, английскую и французскую. Со столицей — Берлином — поступили точно так же. Но западные зоны Берлина оказались отрезанными от Западной Германии. Прекрасно! Объявили блокаду, и миллион западных берлинцев оказался приговоренным к голодной смерти или помилованию за какие-то существенные уступки.

Увы, «проклятые империалисты» оказались изобретательнее. Они создали «воздушный мост» между Западной Германией и Западным Берлином, и непрерывная цепочка транспортных самолетов снабдила город всем необходимым.

На воздушное сражение, как и на морское, хозяин Кремля не решился. Он постепенно ослабил запреты, и все нормализовалось.

Интерес в Кремле к авантюрам на Западе ослабел потому, что обнаружили более интересные перспективы на востоке.

В Северной Корее на трофейном японском оружии была создана сильная армия с советскими инструкторами (китайская Красная армия тем же путем к этому времени закончила завоевание континентального Китая). А в Южной Корее лопухи-янки оставили чисто символический заслон. Удар — и почти вся Южная Корея оккупирована, осажены последние клочки земли. Но! Ответный удар — и американский флот высадил десант в тылу у северокорейцев и погнал их к китайской границе. Сотни тысяч китайских «добровольцев» поспешили на помощь своим северокорейским товарищам, которые уже успели развить свое собственное «чучхе» — корейский аналог марксизма-ленинизма-маоизма. Итог — позиционная война на все той же исходной 38-й параллели. До сих пор. С двумя отличиями: объявлено перемирие и к «чучхе» добавилась северокорейская атомная бомба, которой можно шантажировать Японию и США.

В разгар всех этих чисто мафиозных разборок экс-премьер Англии приехал в гости к президенту США (1946 год) и сделал доклад, в котором сообщил, что теперь все время придется находиться в состоянии повышенной боевой готовности, наращивая военный потенциал. Иначе говоря, придется начинать гонку вооружений, в которой победит сильнейший (Запад был вчетверо богаче и на порядок выше технологически). И в том же 1946 году началась Третья мировая война — только в качественно иной форме, в форме гонки вооружений. В издевку ее прозвали «холодной» — родной сестрой «странной» на франко-германской границе 1939–1940 годов.

Издевка, между прочим, напрасная. Третья мировая война унесла не меньше жизней, чем по меньшей

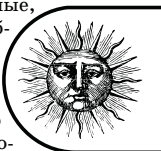
мере Первая. И принесла такие же катастрофические результаты, как Вторая.

Кстати, она еще не кончилась. Но речь об этом — впереди.

6

Известного русского психиатра спросили о его мнении относительно состояния здоровья второго хозяина Московского Кремля. «Типичная паранойя», — ответил психиатр. Вскоре его убили, и преступление осталось нераскрытым.

Опыт показывает, что психические заболевания (и не только они) с возрастом обостряются. Диагноз был поставлен в 1927 году. Начиная с 1929 года поведение вождя, как принято говорить, становилось все более неадекватным. Он принимал непродуманные, катастрофические решения, был способен публично ударить по лицу беззащитного человека, глумился — устно и письменно — над своими старыми товарищами, приговоренными им к смерти. Работал с документами по ночам, что вынуждало множество чиновников сидеть в своих кабинетах до утра. Отсыпаясь днем, он часто устраивал дикие ночные оргии. Он стал патологически подозрителен и в таких случаях был скор на расправу. Совершенно терялся в нестандартных ситуациях. Например, целых десять дней после нападения Германии на СССР в июне 1941 года пребывал в прострации (страну вытаскивал из катастрофы, включая организацию выступления по радио еще не совсем пришедшего в себя вождя 3 июля 1941 года, самый гнусный его поделщик, прославившийся охотой на женщин из своей служебной машины). Кстати, в Германии была примерно такая же ситуация, а в тоталитарных государствах Азии и Африки — еще кошмарнее: от личного участия в массовых убийствах до людоедства. Видимо, неконтролируемое положение

главы тоталитарного государства в условиях общего страха и холоуствия неизбежно деформирует психику человека.

По своему жизненному опыту знаю, что человеку такого склада обязательно нужны потрясения вовне и в ближайшем окружении. Во внешней политике СССР 1930-х годов авантюры шли потоком. После войны и до самой смерти вождя провокации, как мы видели, не прекращались ни на год. То же самое происходило и внутри страны.

Не прошло и года после окончания войны, как в советской прессе началось публичное шельмование лучших писателей. Затем открылась «охота на ведьм», не прекращавшаяся до самой смерти вождя. Постепенно она стала принимать открыто антисемитский характер. Отчасти это было связано с проамериканской позицией Израиля, отчасти с теми коммунистами-евреями, которых не успели расстрелять или посадить в концлагеря до войны. Последним громким скандалом было судебное дело против группы кремлевских врачей, в значительной части евреев, которых совершенно абсурдно заподозрили в покушении на жизнь вождя. Пошли слухи, что вождь намеревается сменить своих приближенных, что означало, очевидно, их смерть. Поэтому не исключено, что его собственная смерть от инсульта в марте 1953 года была либо «иницирована», либо ускорена запозданием врачебной помощи.

Как обычно в таких случаях при тоталитаризме, тут же началась драка за власть. Наиболее опасной фигурой был всевластный шеф КГБ (тайной полиции) — тот самый, который высматривал женщин из своей служебной машины и садистски насиловал их. Поэтому против него все дружно сплотились, с помощью армии арестовали его и пристрелили, как собаку. Затем они ополчились на вторую по важности фигуру — секретаря компартии, невежественного

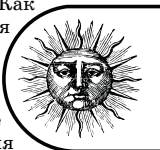
и неумного, но очень хитрого человека, придворного шута скончавшегося вождя. Однако тот сплотил вокруг себя руководящие партийные кадры, скомпрометировал соперников и в речи на партсъезде немного расказал о злодеяниях бывшего хозяина Кремля.

Этого «немного» с лихвой хватило на то, чтобы выросло либеральное движение «шестидесятников» (развернувшееся в 1960-е годы), которое составило идейную основу будущего свержения советской власти.

Кстати, было бы ошибкой полагать, что мафиозные нравы царили только в правящих кругах СССР. Точно такие же были во многих странах мира, включая западные. Достаточно напомнить в этом отношении о чисто мафиозном убийстве американского президента в 1963 году, нераскрытом до сих пор. Как не раскрыта до сих пор чудовищная мафиозная провокация в США в сентябре 2001 года.

Хозяин Кремля № 3 очень хотел стимулировать подъем разоренной войной страны, но не знал, как это сделать. Предлагал засеивать поля кукурузой, дававшей в США баснословные урожаи. Но Россия — не США, по климату она ближе к Аляске. Предлагал развертывать инициативу на местах, но это было невозможно в условиях тоталитаризма, когда то и дело приходилось посылать танки против восставших восточногерманских рабочих (сразу после смерти предыдущего вождя), то подавлять танками восстание в Венгрии (сразу после упомянутого выше выступления на партсъезде), то расстреливать демонстрации советских рабочих, требовавших повышения зарплаты, то расстреливать демонстрации националистов в Тифлисе (после разоблачения злодеяний хозяина Кремля № 2).

Самым главным деянием кремлевского хозяина № 3 было то, что он едва не превратил «холодную»

войну в «горячую», грозившую тотальным истреблением всего человечества.

В 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник Земли. Весь мир содрогнулся. Ведь в распоряжении Кремля уже были и атомная, и водородная бомбы. Теперь можно было ожидать ядерного шантажа: над каждым крупным городом Запада будто нависла тень Хиросимы и Нагасаки — японских городов, стертых с лица земли американскими атомными бомбами.

Пентагон собрал лучшие научные силы и приказал в пятнадцатилетний срок добиться превосходства в космосе (план «Аполлон»). План был выполнен досрочно. Уже в 1969 году на Луну ступила нога американского космонавта, тогда как СССР вынужден был довольствоваться луноходом. С этого момента исход Третьей мировой войны стал ясен, и поражение СССР было только делом времени.

Однако до этого произошли два события, которые дали СССР шанс поставить США на колени.

Первое событие — революция 1959 года на Кубе, где проамериканского диктатора сменил просоветский. В 1962 году в Кремле родилась идея: перевезти на Кубу советские ракеты с ядерными боеголовками, после чего США попадали в положение человека с пистолетом у виска и им можно было бы предъявлять любые требования. Президент США решил на морское сражение в Атлантике, чтобы успеть потопить советские корабли с ракетами прежде, чем СССР, образно говоря, посадит США на «электрический стул». В этом случае, скорее всего, сегодня не было бы ни этой книги, ни ее читателей. Но хозяин Кремля № 3 в последний момент опомнился и повернул корабли обратно...

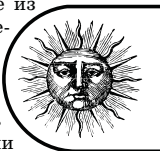
Вторым событием стала лавинообразная деколонизация мировой колониальной системы.

Она началась с того, что в Лондоне почти сразу после войны сообразили, что из Индии выгоднее качать

деньги через банки, а не с помощью войск, да еще в условиях растущей кампании гражданского неповиновения. При этом Индию разделили на два враждебных государства (индуистское и исламистское, которое вскоре, в свою очередь, раскололось пополам) и таким образом политически нейтрализовали. За Индией наступила очередь остальных английских, а за ними и всех прочих колоний. В некоторых случаях не без сопротивления колонизаторов. Так, из Алжира французские плантаторы уходили практически чуть ли не с боями против собственного правительства, но то все-таки заставило их уйти.

Мало того, страны Запада открыли ворота для нескольких миллионов (к XXI веку — уже для нескольких десятков миллионов) «гастарбайтеров» из Латинской Америки, Африки, Азии, а также из некоторых стран Южной Европы. Это была дешевая рабочая сила для низкооплачиваемых и непрестижных работ. Но руководители Запада не приняли во внимание, что на такие работы стали рваться с Востока (где накопилось до миллиарда безработных) не десятки, а сотни миллионов, на которые существующий Запад никак не рассчитан. В результате создалась едва ли не главная сегодня глобальная проблема, грозящая Западу участием Первого Рима. Но об этом детальнее — в своем месте.

Для Западной Германии и Японии США разработали пресловутый план Маршалла, который помог германской и японской экономике быстро встать на ноги и войти в число восьми сильнейших экономически стран мира (остальные шесть — США, Англия, Франция, Италия, Китай, Россия). Но это было сделано исключительно для усиления единого фронта Запада против СССР. На Западе это было оформлено в виде коалиции НАТО (Организация Североатлантического договора, то есть договора Северной Америки

и Западной Европы против СССР). На Востоке США соответствующим образом объединились с Японией, Южной Кореей и Тайванем. Таким образом, СССР был взят «в клещи» двумя коалициями стран с очень высоким экономическим и военным потенциалом, который не только не уступал советскому, но с каждым годом все более превосходил его.

В отношении остальных стран мира план Маршалла был нереален. Прежде всего потому, что неоткуда было взять столько средств. И бывший колониальный/полуколониальный мир был пущен, так сказать, на самотек. Сразу со многими проблемными последствиями.

Во-первых, экспорт дешевых медикаментов при традиционно высокой рождаемости привел там к резкому снижению детской смертности и соответствующему скачку роста населения. На протяжении последних сорока лет прошлого века народонаселение земли удвоилось (с трех до шести миллиардов человек — почти исключительно за счет бывших колоний и полуколоний). Большинству детей дали начальное образование, они узнали о существовании других, более привлекательных стран, куда многие и стали рваться.

Во-вторых, экономика отсталых стран, в отличие от Германии и Японии, осталась традиционной, на такую массу рабочих рук вовсе не рассчитанной. Как мы уже говорили, постепенно накопилось более миллиарда безработных — полных и неполных (перебивающихся сезонными заработками), открытых и скрытых (на иждивении родственников). Подавляющее большинство из них, как и прежде, мькаются с разными нищенскими пособиями. Вдумайтесь: каждый третий — без работы! Миллионы из них правдами и неправдами стремятся перебраться в более развитые страны на какую-никакую работу. А многие тысячи поступают в тоталитарные армии, изуверские секты,

мафиозные структуры — они не видят иного выхода. А ведь все это — дороги, ведущие к войне!

В-третьих, политические режимы бывших колоний/полукolonий сразу же четко распались на три класса.

1. Компраторы (перекупщики) — агенты иностранных, преимущественно американских, банков, сохраняющих под новой вывеской фактически старую колонию. Сегодня мы знаем, что такое компратор, на собственном российском опыте.

2. Националисты, начинающие грабить население в свою пользу, вызывая растущий протест, волнения, бунты, восстания, гражданские войны, которыми полнится вторая половина прошлого — начало нынешнего века. Как правило, националисты — лидеры сильнейшего племени отсталой страны, обычно имеющие четко выраженную проамериканскую, антисоветскую ориентацию.

3. Такие же националисты, но выступающие под флагом «социализма», с просоветских позиций.

Сама «мировая социалистическая система» к тому времени стала давать трещины. Отпала Югославия. СССР поссорился с Китаем, и дело чуть не дошло до войны. Зато с Китаем сблизилась Албания, традиционно враждебная Югославии. Китай умудрился поссориться и даже повоевать с Вьетнамом из-за Южного Индокитая, где свирепствовал массовый террор тоталитарных режимов (в Камбодже истребили треть населения, поставив своего рода рекорд). Вообще китайский лидер по части возрастной психопатии явно догонял советского хозяина Кремля № 2 и под флагом «культурной революции» стал провоцировать очевидные безумства. Но в 1976 году он наконец умер, а его преемник выбрал настолько разумный, прагматический политический курс, что менее чем за четверть

века вывел Китай в число экономически сильнейших стран мира.

При всех этих прискорбных и позорных для «социализма» явлениях социалистические идеи оказались для многих стран Азии, Африки и Латинской Америки гораздо привлекательнее, нежели компраторство или оголтелый национализм, мгновенно перерастающий в кровавую межплеменную резню. Поэтому «мировая социалистическая система» в 1960–1980-е стала расти как на дрожжах, охватив значительную часть Азии и Африки, начиная энергично проникать в Латинскую Америку.

Это придавало СССР как бы «второе дыхание» в холодной войне с Западом.

Крупнейшим событием этого «соревнования двух систем на мировой арене» явился разгром США во Вьетнаме.

Во Вьетнаме антиколониальная война имела давние традиции. После Второй мировой войны там была провозглашена просоветская Демократическая республика и целых десять лет шла война против французских колонизаторов, закончившаяся их поражением и уходом. Вьетнам был разделен на Северный (просоветский) и Южный (проамериканский). Но в Южном роскошествовали компраторы и благодушествовали мелкие торговцы. И партизаны Северного отвоевывали у них поселок за поселком. Американцы рассердились на такое нарушение соглашений и решили сами защитить южан. Защита длилась восемь лет (1965–1973), и американцы должны были, как и французы, с позором и большими потерями ретироваться. Вскоре объединенный Вьетнам стал гегемоном в Индокитае. Это не понравилось Китаю, «вскормившему» вьетнамскую армию таким же манером, как китайскую армию «вскормил» СССР. Но вьетнамцы, несмотря на несопоставимость потенциалов обеих стран, в первых же боях показали, что

умеют громить не только французов и американцев. Китайцы со свойственной им прагматичностью урок усвоили и больше с Вьетнамом не связывались. Американцы же безнадежно действуют по правилу «повторение — мать учения» в Афганистане и Ираке, приглядываются к Ирану.

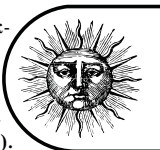
Забавно сменилась политическая ориентация в ряде государств Африки. Там, где просоветским силам приходилось туго, прибывали на помощь негры с Кубы. Камуфляжная форма теперь на весь мир одна. А негр — он и в Америке, и в Африке негр. При этом кубинского солдата конечно же не сравнить по боеспособности с туземным партизаном. Поэтому значительная часть Африки южнее Сахары перекинулась в «социализм». Севернее Сахары — тоже, но по иным причинам (см. ниже).

Конечно, бывали события и противоположного характера. К середине 1960-х Индонезия, например, стала почти «социалистической». Но армия, при поддержке американских спецслужб, устроила массовую резню (были уничтожены сотни тысяч местных коммунистов). И страна целиком вошла в проамериканскую сферу как часть исламской цивилизации, с которой тогда у США были хорошие отношения.

В 1970 году в Чили пришло к власти правительство социалистической ориентации. Но та же армия и те же спецслужбы совершили госпереворот, и политическая ориентация изменилась.

Кстати, когда дело касалось не способов выкачивания прибыли, а престижа, то колонизаторы не церемонились. Так, когда в 1982 году Аргентина посягнула на спорные Фолклендские (Мальвинские) острова — не нужные ни ей, ни Англии, пасть британского льва тут же щелкнула.

При всех этих удачах и неудачах у Москвы остался высокий шанс на дальнейшее расширение «ми-

ровой социалистической системы», поэтому переговоры о торможении гонки вооружений СССР — США неизменно повисали в воздухе.

В 1964 году хозяин Кремля № 3 был отправлен в отставку своими же поделчиками — но не из-за неудач во внутренней и внешней политике, а по капризности характера, определявшего, в свою очередь, низкий уровень воспитания и образования. Оказалось, что безнаказанно стучать по столу снятым с ноги ботинком в знак несогласия с оратором, можно только в ООН. В Кремле, едва почувствуется неадекватность поведения руководителя, его убирают (если он сам не успел убрать соперников).

Хозяином Кремля № 4 стал обычный партийный функционер, добродушный человек, но без малейших способностей государственного деятеля — чисто компромиссная символическая фигура. Действительным руководителем оказался премьер — талантливый инженер, попытавшийся повторить опыт хозяина № 1 с «новой экономической политикой» в новых условиях. Это придало «второе дыхание» движению «шестидесятников». Но против него поднялась правящая «номенклатура». В это время восстала Чехословакия, которую, как и ГДР и Венгрию, пришлось подавлять танками. И СССР, потеряв научно-технический и экономический импульс, необходимый для успешного продолжения холодной войны, стал погружаться в трясину экономического застоя, сам себя приближая к катастрофе. В таких условиях попытка договориться с США в 1972 году о прекращении гонки вооружений кончилась, естественно, ничем.

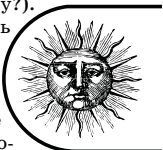
В последние годы своего правления хозяин Кремля № 4 стал явно впадать в старческий маразм и дал втянуть себя на целых десять лет в «афганский капкан» — тот самый, в котором американцы восемь лет сидели во Вьетнаме, а с начала XXI века сидят в Ираке и том же Афганистане.

Умершего маразматика на несколько месяцев сменил довольно умный, но тяжело больной шеф КГБ (он находился под капельницей). Когда он умер, ему на смену — тоже на несколько месяцев — пришел такой же смертельно больной человек. Это становилось смешным (если позволительно смеяться над тяжелыми болезнями). Поэтому новым хозяином Кремля в середине 1980-х годов выбрали самого молодого и энергичного, но неумного и бездарного. Он, как говорится, наломал дров и привел государство к гибели, сделавшись игрушкой (фактическим агентом влияния США) в руках опытных и умелых западных руководителей.

Положение СССР в эти годы было очень непросто. Во-первых, на Ближнем Востоке явно разгоралась еще одна мировая война (четвертая по счету?).

В 1948 году арабы и евреи в ООН договорились о создании в Палестине своих государств, а главный город страны — Иерусалим — оставить «нейтральным». Но пока арабы ссорились между собою, евреи в одностороннем порядке создали в Палестине государство Израиль со столицей в Иерусалиме. Возмущенные арабы вознамерились «сбросить евреев в море». Но они не учли, что Израиль на деле всего лишь «дополнительный штат» США с якобы еврейской, а фактически американской армией. Поэтому израильтяне быстро разгромили арабов, оккупировали всю Палестину, а побежденных загнали в резервации («автономии»), откуда те могли только швырять камни.

Почти двадцать лет арабы готовились к реваншу. Раз израильтяне представляли собой де факто подразделение армии США, арабы создали Объединенную арабскую республику (Египет и Сирия плюс сочувствующие им Алжир и Ирак), взяли на вооружение советскую технику и инструкторов. Но в 1967 году, за день до нападения на Израиль, советская техни-

ка внезапным налетом израильтян была выведена из строя на земле. После чего еврейские войска за семь дней разгромили арабов, заняли господствующие высоты в Сирии и вышли к Суэцкому каналу. Сотни тысяч арабских беженцев хлынули из Палестины в Иорданию и Южный Ливан. Ливан давно держался на равновесии между северными арабами-христианами (маронитами) и южными арабами-мусульманами. Теперь это равновесие было нарушено, и в Ливане на целых десять лет (1975–1985) разгорелась кровопролитная гражданская война, с трудом притушенная сирийской оккупацией. Сегодня, спустя двадцать лет, угли этой войны разгораются вновь.

СССР оказался в ситуации тяжелого военного поражения, а для реванша не было никаких практических возможностей. Мало того, в 1990–1991 годах СССР уже трещал по всем швам, нищий просоветский Ирак попробовал оккупировать богатый проамериканский Кувейт. Американцы легко разгромили иракскую армию.

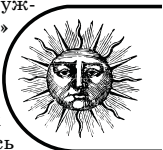
Во-вторых, расходы на вооружение в 1980-е годы стали удваиваться каждые пять лет и достигли почти триллиона долларов (пятая или шестая часть мирового валового продукта). США и их союзникам это обходилось в шестнадцать центов с каждого доллара национального дохода, и на Западе кричали, что буквально изнемогают от такого бремени. А СССР на содержание «мировой социалистической системы» приходилось тратить теперь 88 копеек с рубля. Полки магазинов стремительно пустели, картошка с приусадебных участков не спасала положения, и впереди явно маячил социальный взрыв.

Наконец, в-третьих, снова заволновались союзники СССР в Восточной Европе. ГДР, Венгрия и Чехословакия становились все более враждебными, но держались смирно, помня про советские танки. Зато в Польше, где советские танки не применялись для

борьбы с недовольными, образовалось миллионное антисоветское движение «Солидарность», молодежь полезла на баррикады, насчитывались уже десятки убитых и тысячи посаженных в тюрьмы. Надо было выбирать: либо еще раз танки — либо либерализация с непредсказуемыми последствиями.

К этому времени новый хозяин Кремля успел сделать массу глупостей. Он публично нарвался на унизительный отказ начать переговоры с Западом о приостановлении гонки вооружений (там сказали: «Начинайте — а мы посмотрим»). Он попытался ускорить техническое перевооружение экономики, но все средства съедал военно-промышленный комплекс. Он попытался ввести в стране с уже тогда повальным пьянством нечто вроде «сухого закона», но лишь открыл дорогу «черному рынку» алкоголя и вынужден был платить миллиардные «контрибуции» самогонщикам. Он попытался начать кампанию против «нетрудовых доходов» в «теневой экономике», но быстро выяснилось, что мафиозные нити ведут к членам семей кремлевских и республиканских боссов, так что пришлось трубить отбой. Он попытался развязать инициативу руководителей предприятий на местах и поощрить частное предпринимательство (четвертая по счету «новая экономическая политика»), но получил лишь разворовывание госбюджета в миллиардных масштабах.

Чтобы дистанцироваться от все более оппозиционных ему партийных боссов, в обстановке растущих волнений он инициировал избрание себя президентом СССР. Но в ту же минуту президентами стали «избираться» председатели верховных советов всех республик, до самых мелких автономных включительно. В том числе Российской республики — чисто фиктивной, поскольку она полностью дублировалась СССР, даже в ООН. А российским президентом стал личный

враг президента СССР, отправленный им в почетную отставку за пьянство и самодурство. В стране наступило двоевластие.

И вот в этих условиях западные «коллеги» уговорили президента СССР смягчить визовый режим на границах между государствами Восточной Европы: уровень жизни там был примерно одинаковый (заметьте выше советского) и поездки могли носить только туристский характер.

В Кремле упустили два важных момента. Граница между Австрией и Венгрией тоже стала открытой (венграм нечего было делать в Австрии и Западной Германии, кроме как путешествовать). А американские спецслужбы подготовили блестящую операцию по переброске из ГДР в ФРГ десятков тысяч специалистов на особо выгодных (специально оплаченных) условиях, что совершенно обескровливало экономику ГДР.

И вот в 1989 году десятки тысяч автомашин понеслись из ГДР через Венгрию в Австрию и далее в ФРГ, где их уже ждали специально приготовленные «теплые места». Остановить надвигающуюся катастрофу можно было опять-таки либо танками, либо дальнейшей либерализацией Восточной Европы. На Западе посоветовали упростить режим перехода из Восточного Берлина в Западный. В Москве клюнули и на эту удочку. Вновь хорошо сработали спецслужбы США, и возмущенная толпа в момент снесла ненавистную всем немцам Берлинскую стену, построенную в 1961 году для изоляции Западного Берлина от ГДР. А на этой волне тут же было провозглашено объединение Германии.

В руках СССР оставался последний козырь: группировка советских войск в ГДР. За ее вывод бывшие союзники готовы были дорого заплатить: и роспуском НАТО, и выводом американских войск из Европы, и содержанием военных городков в СССР для вывода-

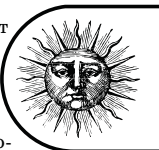
мых войск, и миллиардными компенсациями. Но в Кремле допустили, чтобы советские войска были вышвырнуты, как после разгрома в войне — прямо «во чисто поле».

Сразу после этого в условиях двоевластия (точнее, теперь уже «шестнадцативластия» — в лице президента СССР и его пятнадцати оппонентов, президентов союзных республик) началась торговля о «разделе полномочий» между Союзом и союзными республиками. Дело явно шло к превращению жестко унитарного государства в расплывчатую «конфедерацию», а то и к полному развалу СССР. И уже дошло до кровопролитных стычек на местах. В Москве дважды с трудом удалось избежать кровавой междоусобицы между воинствующими коммунистами и антикоммунистами.

И в этот момент (август 1991 года) президент СССР совершил трусливую подлость. Он уехал с семьей «на отдых» в Крым, а в Москве якобы самопроизвольно образовался «госкомитет по чрезвычайному положению», который вознамерился установить в стране диктатуру. Получится — президент СССР возвращается победителем. Не получится — он тут ни при чем и переговоры о «разделе полномочий» будут продолжаться как ни в чем не бывало.

Арестовать российского президента ничего не стоило. Но армия и тайная полиция предпочли поддержать именно его. В Москву демонстративно ввели явно ненужные в такой ситуации танки. Их встретили десятки тысяч протестующей молодежи. Митинги, митинги, победа «демократии»! И в Кремле появился новый хозяин — злейший личный враг старого.

Потянулись постыдные последние месяцы 1991-го. Шестнадцать президентов никак не могли решить, как же им теперь управлять страной — веками складывавшимся единым социально-экономическим и

культурным пространством. Это пространство стийно разваливалось на их глазах.

В конце декабря 1991-го принято «соломоново решение». Три президента — России, Украины и Белоруссии — хамски игнорируя остальных двенадцать — собрались в гостях у последнего и под пьяную руку подписали указ о переименовании СССР в СНГ («союз независимых государств» — явная фикция с самого начала). Но главное, с их точки зрения, достигнуто: президента СССР в СНГ нет по определению. И президент России отправился на курорт отмечать свою победу очередным затяжным запоем.

Кажется, Третья мировая война закончилась распадом еще одной великой державы. Кажется, политическая карта мира радикально изменилась.

Так ли это?

7

С огорчением вижу, что вместо истории XX века получается история четырех мировых войн XX века (четвертая, как заметил проницательный читатель, идет уже вовсю, но нам предстоит разбираться с ней в следующей главе). Но что делать? Как видится, так и пишется. Суд Истории неумолим. А что если это не войны, а конвульсии перехода в другое состояние? И XX век в истории человечества — предпоследний? Тогда все встает на свои места.

Если бы наука расплатилась по векселям, которые она выдала в середине прошлого века, сразу после Второй мировой войны, то XX столетие можно было бы назвать веком не войн, а науки. И не обращать внимания на ярмарку тщеславия под названием «борьба за мировое господство». Тем более что векселя были очень заманчивые.

Человечеству грозит энергетический голод? Наука обещает изобилие энергии. Атомной. Но, во-первых, чем больше атомных станций — тем больше опасность

новых чернобылей. Особенно в условиях международного терроризма. Во-вторых, так и не ясно, как быть с атомными отходами. Ведь это явный «саркофаг» для человечества! В-третьих, при любых источниках энергии удваивать ее производство и потребление каждые пять-семь лет, как это делалось в XX веке, физически невозможно. Так как это грозит (в энергетическом смысле) превращением Земли в маленькое Солнце. А на Солнце, даже маленьком, жизнь невозможна.

Человечеству грозит сырьевой голод? Наука обещает синтетические материалы с заданными свойствами. У них только один недостаток: они канцерогенны, провоцируют раковые заболевания, подобно дыму от костра или смогу в городе. И люди шарахаются от синтетики обратно к хлопку и льну. Между тем исчезают леса. А ведь это — «легкие» планеты. Сможет ли человек дышать без легких? А тут еще «вскрышные работы» приобретают континентальные масштабы. На Луне или Марсе это смотрелось бы спокойно. Но ведь на лунной и марсианской поверхности, в отличие от земной, никто не живет.

Человечеству грозит продовольственный голод? Химики могут удесятерить урожай. Но они попадают в желудок и сокращают жизнь человека на треть — как никотин или алкоголь. Можно обойтись без химикатов — искусственной структурой питательных веществ. Но получаем тот же трагический результат. В Африке и Азии миллионы пухнут от голода, в США — от гормональных добавок к пищевым продуктам.

Человечеству не хватит места на Земле? В космосе хватит дециллионам. Но кто сказал, что будут дециллионы или даже миллиарды? (С этим тоже предстоит разбираться в следующей главе.) И кто сказал, что осваивать космос будет человек, что его организм вы-

держит неземные условия длительное время? Не лучше ли поручить освоение космоса роботам или даже специальным разумным организмам — киборгам (см. ниже)? Космический туризм (вопиюще скандальный, с экологической точки зрения), космическое поп-ток-шоу, гонка вооружений в космосе, вручение орденов на красных дорожках — все это к освоению космоса прямого отношения не имеет.

Человека как работника заменит компьютер?! Но ведь основатель кибернетики предупреждал, что в этом случае, при бездумном подходе, человек станет и останется рабом этой машины. Устраивает ли нас такая перспектива?

И самое главное: чем ответит на эти художества природа? Пока что она отвечает предупреждающим рычанием: убийством сотен тысяч людей в стихийных бедствиях, убийством миллионов на пожарах, на автодорогах, на стройках, разрушением Нового Орлеана и так далее. Не исключено, что терпению ее придет конец и рычание перейдет в смертельный прыжок, в смертельную хватку.

Итак, всего за полвека наука завела человечество в смертельный тупик. И прошла весь свой крестный путь — от триумфа зари до коллапса заката. Так что об истории и судьбах науки надо писать особую книгу — отдельно от истории человечества, хотя, конечно, в тесной связи с ней.

Остается культура.

Сказать, что в XX веке вернулся золотой или хотя бы серебряный век западной культуры? Засмеют.

То, что писателей и поэтов, художников и артистов, музыкантов, композиторов, архитекторов стало в сотни, если не в тысячи раз больше, чем в XIX веке, — это правда. То, что производительность их труда выросла фантастически, — тоже правда. То, что на протяжении XX века выросли и состарились кино и ТВ, — тоже правда. Каждый день — новый фильм или пьеса, но-

вая поэма, новая картина, новый шлягер. Когда такое было? Каждый год — четыре романа на конвейере у сотен писателей.

Справедливости ради, многое и исчезает. В музыке вот уже столетие не получается ничего, кроме шлягеров (включая классическую оперетту и дюжину недюжинных мелодий, которые большей частью рассованы по фильмам). Поэзия — сплошной зауряд («я пишу стихи в альбом»). В литературе и кино не получается больше даже фантастики — только детективы. А ведь это грех — смаковать чужие беды. Удивительно, что выживает театр и эстрада — настолько сильна тяга к общению с «живым» артистом. Все заволокло ТВ: но ведь это инструмент самого настоящего социального растления общества! Да еще с меркантильным садизмом прерывать передачи наглой рекламой. Архитектура блещет роскошью удешевления масштабов XX века — и всё. Спорт — сплошное (и страшное) возвращение к гладиаторству.

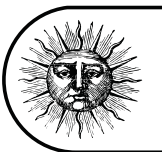
Как назвать все это? Бронзовым веком? Но и последние корифеи бронзового века давно на пенсии. Что же, наступил железный век? «Сидят папаши, каждый хитр: землю попашет — попишет стихи». Шесть миллиардов графоманов-папаш — не слишком ли много даже для «железного века»?

Чтобы не срамиться, назвали фантазмагорию западной культуры после серебряного века постмодернизмом (синонимы: постмодерн, поставангард). Официальная дефиниция образца 2005 года: «совокупность тенденций в художественной культуре, характерная радикальным пересмотром модернизма и авангарда 1960-х годов».

Но, во-первых, сюда надо включать поп- и рок-культуру, вообще весь «шоу-бизнес». А это — разновидности антикультуры, разновидности «наркотического эффекта», особый разговор, прямого отношения к собственно культуре не имеющих. Мо-

жет быть, написать раздел о девиантной стороне истории человечества — от наркотизма до преступности? Но тогда получится еще одна книга. То же самое, только под другим углом зрения, где главное событие — не война, а обезчеловечивание человека, главный персонаж — не государственный, а уголовный «авторитет».

Во-вторых, с 1960-х годов прошло полвека. Пост-модерн — он теперь что, бессмертен? Ответ находится только тогда, когда видишь начало перехода человечества в качественно иное состояние.

Глава 9. ПЕРЕХОД В КАЧЕСТВЕННО НОВОЕ СОСТОЯНИЕ

Не пугайтесь. Реклама пройдет быстро.

И жизнь — тоже.

Из рекламной паузы теленовостей

1

Представить себе современную девушку, которая, как пушкинская Татьяна, пишет всю ночь письмо своему возлюбленному, можно только в порядке ЧП (чрезвычайного происшествия): эксклюзивного интервью. Гораздо обычнее и привычнее увидеть ее с голым пузом в лютой холод (что делать? мода такая!). Когда она, продираясь сквозь шумную толпу с мобильником у уха, истошно кричит: «Ты там живой? Ну, давай!» И не поверишь, что всего десяток лет назад такая сцена могла быть только на съемках фильма про инопланетян.

Она садится у своего компьютера. В уверенности, что так же делали ее мать и бабушка. В отношении матери она, может, и не ошибется. Но в отношении бабушки — это заблуждение.

Вы не поверите, но всего полвека назад никаких компьютеров в помине не было. Были БЭСМ — быстродействующие электронно-счетные машины: ящички до потолка в нескольких комнатах с обслуживанием из десятка-другого инженеров и техников. Которые проводили примитивные вычисления и которые приходилось чинить чуть ли не каждый час. Спустя десятилетие-полтора их сменило новое чудо техники: ЭВМ — электронно-вычислительная машина, ящички

которой размещались всего в одной комнате. Считать она могла уже не до четырех, а до пяти, и ремонтировать ее приходилось гораздо реже. Компьютер, более или менее похожий на современный, появился всего чуть более четверти века назад. Да и он с тех пор значительно изменился: монитор сплюснулся, а уж что наворочено в коробке системного блока! И это не говоря уже о растущем семействе ноутбуков на все случаи жизни.

Вы не поверите, но вся эта чудесная техника приговорена к смертной казни в самые ближайшие годы. И беспощадным палачом в данном случае выступает та самая девушка с мобильником. Достаточно разработать экран в виде надвигающегося шлема или особых очков, создающих эффект монитора и даже эффект присутствия на наблюдаемом событии (инженеры утверждают, что для этого потребуются не более пяти-десяти лет), и произойдет самое поразительное, пожалуй, на свете чудо: виртуальный мир станет конкурентом реальному.

Это означает, что можно работать, учиться, делать заказы, видаться с другом, гулять по Парижу или по Луне, не вставая с собственного кресла. Перечитайте еще раз последние строки, и вы должны понять: вы попадаете в совершенно другой мир, которого нет ни в одной сказке.

Изменится очень многое, включая голосование по любому поводу. Но изменится не только в лучшую сторону. Сегодня вам могут напакостить, запустив в ваш компьютер вирус или без спроса сняв с вашего счета деньги. Завтра вас смогут безнаказанно шантажировать или вывести ваш компьютер из строя. Значит, придется создавать спецслужбы охраны вашего персонального компьютера. А может быть, и вас лично.

Это еще не все. Спустя несколько лет электронщики обещают каждому желающему (кредитоспособному) персональный датчик для круглосуточных анализов

важнейших органов вашего тела. С соответствующими диагнозами и рекомендациями для консультации с врачом. Такие «персональные клиники» уже существуют в природе, но они очень дорогие и адресованы только о-очень уважающим себя людям. Медики заверяют, что если вовремя лечить начинающиеся недуги, можно дотянуть в добром здравии лет до девяноста (конечно, без никотина, алкоголя и прочих наркотиков). За такую перспективу ничего не жалко. Нельзя забывать только, что такой электронный «доктор» способен манипулировать вашим сознанием. И если не поможет еще одна спецслужба — вам несдобровать.

И это еще не все. Вам очень хотелось бы иметь нормальный рост и вес. Выглядеть как Мерилин Монро или как Арнольд Шварценеггер. Безо всяких пластических операций. И внешность, и характер, и интеллект можно будет заказать в роддоме (правда, не в самом близком будущем). Или другая перспектива: компьютерная лечебная программа — и вместо дурдома (становящегося лишним) вы попадаете, скажем, на эстраду. Впрочем, разница небольшая.

Наконец, нельзя ли некоторые преимущества компьютера «встроить» в человеческий организм — так, чтобы и человек оставался человеком, и все компьютерное «вооружение» было при нем. Скажем, мог бы и на Луне жить, как на Земле, и в глубинах океана плавать, как ихтиандр. Идея эта родилась давно и называется она — кибернетический организм, киборг. При дальнейшем освоении космоса и океанских глубин без киборга никак не обойтись. Но уже сейчас ясно: это будет совсем другая разновидность разумных существ. И с ними надо будет научиться оптимально сосуществовать.

Кстати, не через три тысячи лет. И даже не через триста. А в обозримом будущем ближайших двух-трех десятилетий.

Мы забыли маленькую деталь. Мобильник у уха девушки напрямую соединен с Интернетом. Пока это выглядит сравнительно примитивно, но пройдет несколько лет — и девушка уверенно войдет во Всемирную сеть. Не надо искать книгу в библиотеке: любой заказ перед глазами. А сами библиотеки, наверное, превратятся в музеи книги (в том числе домашние — как у сегодняшних коллекционеров). Не надо приспосабливаться к ТВ, искать программу, фильм, постановку: заказал — смотри (не утони только в море информации без хорошего лодмана). Не надо ждать теленовостей и сердиться на наглую телерекламу. То и другое — только по твоему заказу. Какое чудесное превращение всего за несколько лет!

Увы, как и с компьютером, здесь имеется вторая сторона медали. Если два подонка, получив исчерпывающую информацию в Интернете, сегодня отправляют на тот свет десяток безвинных жертв плюс еще в больницы несколько десятков, то завтра Интернет вполне может стать соучастником мафии. Это означает уже не десятки и сотни, а тысячи, может быть, даже миллионы жертв. Значит, из информационного хаоса, под страхом гибели человечества, Интернет обязан стать информационным космосом. Первые шаги в этом направлении уже сделаны: учреждения типа электронной библиотеки Кирилла и Мефодия. Абонентом может стать каждый, кроме преступника-террориста.

Коль скоро Интернет превращается из хаоса в космос, то есть в целесообразно организованную информационную сеть, ему можно поручить задачи, человеческому разуму пока недоступные. Например, вычислить координаты и секунду зарождения смерча, чтобы подавить его в зародыше электрическим разрядом (представляете — не будет больше никаких ураганов!). Или вычислить параметры будущего зем-

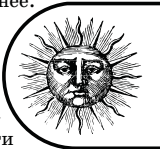

летрясения, цунами, наводнения. Здесь электрическим разрядом не поможешь, но можно успеть сделать «смягчающие» приготовления и свести к минимуму последствия стихийного бедствия. Наконец, время от времени земной поверхности достигают довольно крупные космические тела. И тогда катастрофа неизбежна (вспомним Тунгусский метеорит). До недавних пор практически все такого рода тела падали в океан, тайгу, джунгли, пустыню. Но тогда на земле счет людям шел на миллионы. Теперь пошел на миллиарды. И вообразите Тунгусский метеорит где-нибудь над мегаполисом...

Значит, необходимы расчет траектории, места и времени вхождения в земную атмосферу, запуск ракеты для взрыва небесного тела, если оно помельче, для отклонения траектории, если крупнее. В XXI веке, а не в следующем тысячелетии!

Если информационная сеть в принципе способна работать по заказу человека, то ведь заказ может быть и такой: работать в эвристическом режиме! Дается задача. Допустим, оптимизировать основные параметры земной поверхности по таким-то критериям. А дальше информационная сеть сама решает, как быть с ураганами, землетрясениями, наводнениями, пустынями, болотами, крупными метеоритами и так далее. И разумеется, не только с ними.

Но если информационная сеть начинает все более эффективно работать в эвристическом режиме, то на каком-то этапе команда человека становится излишней. Сами с усами. Мало того, с такими усами, до которых человеку уже никак не дотянуться. Ну в отношении земной поверхности человек еще может высказать свое мнение. А насчет оптимизации Солнечной системы? Сможет ли? Да и нужно ли? И если нужно, то как, чтобы этой системе не навредить и самих себя не погубить (учитывая печальный

опыт нашей самодеятельности на земной поверхности). А там встанет аналогичный вопрос о Галактике. Нет, не человеческого разума это дело!

Совсем другой вопрос может одинаково волновать и человека, и создаваемую его разумом информационную сеть: как быть с самим человечеством?

На этот вопрос попытаемся ответить в заключительной главе книги.

2

Есть такое понятие «агент влияния» (подразумевается, другого государства). Это вовсе не шпион-диверсант. Мало того, субъективно такой человек может быть убежден, что работает на пользу родной страны. А объективно, как говорится, льет воду на чужую мельницу. Именно такими людьми — отчасти по незнанию, отчасти по своекорыстию — стали первый и последний президент СССР, а также первый президент России и его поделщики.

Уехав в длительный запой «отмечать» победу, новоиспеченный глава государства, по совету друга-истматчика, поставил премьером доктринера, ученика Гарвардской школы, специализирующейся на «помощи» отсталым странам. Рецепт был прост: цены «разморозить», а зарплаты оставить прежними. Пустые полки сразу засияли товарами, к которым не подступишься. Но ведь это может пройти (да и то не всегда) разве что в какой-нибудь африканской «глубинке», где зарплата получает доля процента населения, а все остальные питаются со своих полей-огородов.

В России подсобный участок тоже играет неизменно более важную роль, чем в Западной Европе, где давно превратился в цветник. Но в России, в отличие от Африки, зарплата и цены уже полвека как определяют жизнь десятков миллионов семей. Стал быстро назревать социальный взрыв.

Опохмелившегося президента России привели в чувство и вернули в Москву, где он поставил у кормила правления обычного комрадора — так называют тех, кто торгует национальными богатствами, а деньги складывает в иностранные банки. Разница лишь в том, что в Латинской Америке торгуют бананами и кофе, а в России — нефтью и газом. Быстро образовались кланы из горстки пройдох (на восемьдесят процентов — из бывшей партгосноменклатуры), к которым потекли огромные шальные деньги: сотни миллиардов долларов. Образовался новый высший класс общества, который иронически прозвали «олигархами». Собственно, самих долларовых миллиардеров набралось всего несколько десятков, зато долларовых миллионеров — десятки тысяч, а денежных мешков с десятками и сотнями тысяч долларов в иностранных банках — целых 1,5 процента семей. Их столь же иронически прозвали «новыми русскими».

Это — на одном полюсе. А на другом — развал экономики (военно-промышленный комплекс, составлявший ее восемьдесят процентов, оказался ненужным). Очередной — после 1929 года — разгром сельского хозяйства, задавленного дешевым иностранным импортом. Миллионы русских беженцев из бывших республик СССР, где только что были равноправными советскими гражданами, а стали дискриминируемым национальным меньшинством. Миллионы рабочих и служащих, месяцами и годами без зарплаты, живущие, как и прежде, картошкой со своих «шести соток».

Остались и обделенные властью. Они собрались в Верховном Совете — своего рода рудименте парламента времен СССР — и попробовали устроить еще одно двоевластие. Снова арбитром стали армия и тайная полиция. «Арбитр» решил спор в пользу президента России. «Парламент» (в кавычках) был расстрелян

из танковых пушек, подожжен, разогнан. В этих условиях рейтинг действующего президента быстро покатился к нулю, но предстояли очередные выборы. И тут его «политтехнологи» придумали хитрый ход. Они дали зеленый свет коммунистам, с одной стороны, и националистам — с другой. Та и другая альтернатива пахли морем крови. В ужасе избиратель проголосовал за прежнего президента (1996).

Но алчное обогащение «наверху» и растущая бездолженность «внизу» снова опустили рейтинг президента к нулю. А в 1998 году жульнические махинации с валютой (не только в России — почти в десятке стран мира) привели к дефолту: рубль обесценился втрое. По сути это было злобное государственное банкротство, принесшее нескольким сотням жуликов новые миллиарды долларов. Теперь уже российского президента, обанкротившегося во всех смыслах, не могло спасти ничто.

И все же выход был найден. Нашелся трезво мыслящий офицер, который выступил за стабилизацию государства. За него проголосовало подавляющее большинство избирателей. И новый президент с 2000 года принялся «поднимать» Россию, обулаивать ее заново.

3

Пока Россия была в развале, США, добившиеся мирового господства, на время оставили ее в покое. Но как только государство снова стало подниматься на ноги — оно сразу попало в сложное перекрестье Третьей и Четвертой мировой войны. В одной из которых Россия и США остались врагами, а в другой — вновь стали союзниками.

Началось с кампании по расширению НАТО на восток. В НАТО стали принимать одно государство Восточной Европы за другим. А ведь НАТО, по определению, — антисоветская (антироссийская) коалиция,

другого смысла существования у нее просто нет. Положение осложнялось тем, что почти все европейские соседи России, по разным причинам, оказались настроенными к России более враждебно, чем к США.

В Эстонии более трети населения — «русскоязычные», которые вырождаются и вымирают медленнее самих эстонцев (совсем как в России: «южане» вырождаются и вымирают медленнее «северян»). Относиться к этой проблеме можно по-разному. Эстонские националисты предпочли фашистский путь: нарастающая дискриминация «русскоязычных» и демонстративная враждебность к России. Вплоть до смехотворных территориальных претензий — готовый предлог для войны.

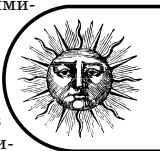
В столице Латвии Риге — половина «русскоязычных». Соответственно там фашистская дискриминация и враждебность к России еще жестче.

В Литве положение спокойнее. Там «русскоязычных» мало, и их дискриминация не проявляется столь открыто.

Самая смертельная ненависть к России — в Галиции. Тому есть те же исторические причины, что и в Прибалтике: «красный террор» конца 1930-х и позже. Но факт остается фактом: Украина, по сути, — империя, где дискриминируют «русскоязычное» большинство на востоке и юге страны, а также в Крыму. К тому же американцы открыто затратили десятки миллионов долларов, чтобы поставить на Украине президента, обещавшего присоединение к НАТО.

Кстати, США поставили в Грузии нового президента, обещавшего то же самое за несколько меньшую сумму.

Развал СССР оставил на теле единого социально-экономического пространства кровотокающие раны: «непризнанные» республики Приднестровья (все время на грани войны с Молдавией, тоже собравшейся в

НАТО), Абхазии и Южной Осетии (все время на грани войны с Грузией).

Исторически традиционна ненависть к России в Польше и Венгрии, а также (с 1968 года) — в Чехословакии. А Румыния и Болгария просто перекинулись на сторону «сильнейшего». Последнего союзника России в Восточной Европе (не считая Беларуси, фактически образующей с Россией конфедеральное государство) — Югославию — США сначала «нейтрализовали» открытым военным террором, затем раскололи на Сербию, Черногорию и захваченное албанцами Косово, наконец, фактически подчинили НАТО.

В результате НАТО (а это — американские базы, американское оружие и американское командование), как Германия в 1918 году, придвинулось вплотную к Петербургу, Пскову, Курску, Ростову-на-Дону.

Правда, становление НАТО сталкивается с трудностями. Далеко не все государства в мире привлекает перспектива стать сателлитом США. Напротив, каждый новый шаг американской экспансии приводит к консолидации противоположных сил на политической карте мира. На пространстве бывшего СССР это консолидация России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Армении. Кроме того, с каждым годом становятся все более отчетливыми контуры БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) — четырех гигантов, которые в обозримой перспективе могут составить серьезную конкуренцию США на мировом рынке. Вплоть до прямого противостояния их военно-экономических потенциалов.

Самый серьезный удар по России американцы готовили в Афганистане. Когда советские войска в 1989 году оставили эту страну, там столкнулись три националистические группировки: северо-западная (узбекская), северо-восточная (таджикская) и южная (пуштунская). Самой сильной оказалась южная,

начавшая теснить своих соперников. На ее базе, с помощью своего сателлита — Пакистана, США организовали движение фанатиков-талибов с задачей прорваться через Узбекистан и Казахстан к Татарстану и Башкортостану на Волге, чтобы поставить Россию на грань развала.

К этому времени (конец XX века) наступили серьезные осложнения в сербской области Косово. Там традиционно высокая рождаемость албанцев, селившихся прежде по окраинным горам, постепенно привела к подавляющему численному перевесу пришельцев и их требованию автономии (фактически — второй Албании). Сербы попытались воспротивиться этому вооруженным путем. Но их, как союзников России, разгромили: подвергли «точечным» бомбардировкам наиболее важные объекты экономики; подкупили «оппозицию»; заставили сербов выдать своего президента его врагам. Албанцы двинулись было дальше — в Македонию. Но хозяева в НАТО их остановили.

Теперь наступала очередь наступления на Россию талибов.

Как вдруг они словно взбесились.

В Палестине противостояние евреев и арабов нарастало день ото дня. От камней арабы перешли к перестрелкам, затем к террористическим актам. В том числе наиболее убийственным — с использованием добровольцев-смертников. И вдруг 11 сентября 2001 года произошла чудовищная провокация: арабские террористы, с опорой на талибов, направили самолеты со своими смертниками (и конечно, с безвинными пассажирами) на здания в Нью-Йорке и Вашингтоне. Тем самым как бы официально была объявлена тлевшая с 1948 года Четвертая мировая война — война «бедного Юга» против «богатого Севера».

Распутать нити этой провокации так же трудно, как раскрыть убийство американского президента в

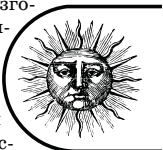
1963 году. Ясно одно. В итоге США получили моральный мандат на мировое господство (фактически они обрели его после развала СССР в 1991 году). И немедленно использовали его. Во-первых, оккупировали Афганистан и разгромили там своих же собственных выкорышней — талибов. Сегодня, многие годы спустя, ясно, что они застряли в афганской трясине надолго, как русские. Во-вторых, под предлогом предупреждения подготовки ядерного оружия, они оккупировали Ирак и тоже надолго застряли там, вызвав гражданскую войну между населяющими страну суннитами, шиитами и курдами. В третьих, под тем же предлогом они вознамерились оккупировать Иран, но этому воспротивились их западноевропейские союзники, а также Россия.

Россия вынуждена была примкнуть в этой войне к США из-за опасности исламского терроризма. По неопишуемой глупости приближенных первого президента России, который, в пьяном виде, разрешил национальным республикам России «брать столько суверенитета, сколько смогут», была открыта дорога спецслужбам США (через Арабские Эмираты) и переданы склады оружия бывшей советской армии боевикам-моджахедам «Независимой Ичкерии» (в которую превратилась Чеченская автономная республика). Пролилось море крови, прежде чем боевиков окружили, чтобы принудить к капитуляции. Но тут же была сделана вторая глупость: с ними заключили перемирие — и все началось сначала, причем боевики развернули экспансию в соседние районы Северного Кавказа. «Замирение» этого региона проходит с большим трудом. А к югу от него стоят на грани войны наговская Грузия против Абхазии и Южной Осетии. Таким образом, Кавказ оказался одним из театров военных действий Четвертой мировой войны (с передышкой в 2006 году), и Россия с США вынуждены держаться вместе, чтобы вместе противостоять исламскому терроризму.

А теперь оглядим в самых общих чертах обстановку в мире ко второй половине первого десятилетия XXI века.

Обостряется противостояние евреев и арабов в Палестине, причем на стороне арабов стоит Иран со сравнительно высоким военным потенциалом. Усиливается давление США на Россию, чтобы не дать ей восстановить свой военно-промышленный потенциал. Усиливается оппозиция мировому господству США во всем мире, даже среди американских союзников. Не ослабевает международный терроризм, причем в нескольких странах мира годами идут спорадические гражданские войны на национальной или религиозной почве. Начинается переход человечества в качественно новое состояние, с «уравниванием» реального и виртуального мира, когда становится легче изготовить и использовать оружие массового уничтожения: ядерное, химическое, биологическое и электронное (вывод из строя электронных информационных сетей противника).

Что произойдет раньше: самоубийственная для человечества бойня или его переход в качественно новое состояние, когда бойня становится бессмысленной или даже физически невозможной?

Глава 10. «ЛУЧИСТОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

*А вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.
В. Брюсов*

Более столетия назад К. Э. Циолковский пророчествовал о «лучистом человечестве», которое придет на смену существующему. Тогда это казалось просто беспочвенной фантазией. Теперь вопрос переходит в чисто теоретическую плоскость: как могут повести себя в отношении человечества упорядоченные информационные сети, работающие в эвристическом режиме.

Давайте вообразим себя на месте «всемирного разума» или «искусственного интеллекта», который решает задачу на оптимум: как поступить с разнообразно млекопитающих, которые хвастливо величают себя «венцом творения» и «человеком разумным», но мало чем подтверждают на деле такие комплименты самим себе.

Проще всего, конечно, совсем избавиться от них, как они сделали это со своими соперниками много тысяч лет назад (правда, тогда никакого понятия гуманности не существовало). Единственно, чего жаль, — человеческого разума, помноженного на человечность (гуманность): ведь такое нечасто встречается во вселенной, а может быть, и вовсе уникально.

Но если оставлять человечество на земле, то сколько, на какой земле, в каких условиях и для чего именно?

Легенды о «снежном человеке» или о чудовище из озера Лох-Несс — это всего лишь легенды. Чтобы на земле выжила та или иная разновидность раститель-

ного или животного мира, должен сохраняться определенный минимум (да и максимум тоже) особей.

Минимум изначально нигде и никогда не может измеряться единицами. Даже, наверное, десятков, сотен и тысяч будет маловато. Те популяции, которые сократились до порядка сотен или даже десятков особей, обязательно оказываются на пути к вымиранию, если не поддерживать их искусственно.

Максимум зависит от вида организма, но никакие дециллионы на земле просто не уместятся. На практике каждого вида будет столько, сколько получится в борьбе за существование с другими видами. Вирус гриппа, чрезмерно размножившийся в носоглотке человека, обязательно погибнет — либо от «перенаселенности», либо вместе с человеком. Человека, если он поведет себя как вирус гриппа, ждет та же судьба.

Крупных животных на земле никогда не будет слишком много — природа этого не позволит. Вообразите шесть миллиардов слонов в Евразии или в Африке: земля превратится в пустыню и не будет никаких слонов. Человек силою разума нарушил законы природы — и совершенно зря: шесть миллиардов из шести с половиной живущих сегодня на земле ведут чисто растительный (точнее, чисто животный) образ жизни: только пожирают и гадят. И земной поверхности, и земной культуре — от них только вред.

Экологи давно высчитали оптимум — от 200–300 до 700–900 миллионов, в зависимости от конкретного выбора критериев оптимума. Во всяком случае оптимально количество сотен миллионов, а не миллиардов и тем более десятков миллиардов. Это — как нарыв, который либо прорвется миллиардами трупов, либо погубит организм.

Сразу уточним, что для того чтобы избавиться от «нарыва», вовсе не надо никого убивать. Эту гряз-

ную работу человечество взяло на себя само. В самом конце XX века ученые-демографы открыли важный природный (и очень прискорбный) закон: при переселении из деревни в город (точнее, при переходе от сельского к городскому образу жизни) человек, в массе своей, автоматически теряет потребность в семье и детях — как стерилизованный комар.

В деревне он без семьи и детей — бесправное существо «второго сорта», именуемое «чада и домочадцы», почти наравне с домашней живностью. В городе ребенок — только обуза, подросток (в деревне он замещает родителя по управлению хозяйством и малышкой) — это «молодежная контркультура», люто враждебная пока еще господствующей «культуре взрослых». Молодые люди и девушки в подавляющем большинстве начинают уклоняться от брака.

А в браке они — либо бездетны, либо однодетны (остальное — все более редкая экзотика). И в результате если раньше каждых двух родителей в каждом новом поколении в среднем сменяли трое-четыре новых (благодаря чему, при всех болезнях и войнах, шел рост населения), то сегодня двух сменяет один. А это означает: каждое поколение — наполовину меньше плюс доживающие свой век пенсионеры.

Народам, уже перешедшим к городскому образу жизни (это примерно полтора миллиарда из шести с половиной), остается такой искусственной «самостерилизации» всего несколько поколений — в пределах начавшегося столетия. Остальным, только-только начавшим такой переход (сегодня он осуществляется почти повсюду!), остается на несколько поколений больше, но никак не далее XXII века. При этом конечно же весьма вероятны конфликты между уже «уходящими» и только еще начинающими «уходить».

Это — если не вмешается разум. Если же вмешается, то задача сводится лишь к тому, чтобы задержать

переход от максимума к минимуму (и в конечном счете к нулю) на оптимальном. Как мы уже сказали — это несколько сотен миллионов.

Каким именно образом? Самым гуманным: не проделывать искусственно жизнь ничему нежизнеспособному. Начиная с роддома и кончая паралитиком в доме престарелых. Искусственно сохранять им жизнь, как мы делаем это сегодня, — это не гуманизм, это псевдогуманизм, антигуманизм.

И разумеется, обязательно основательное медицинское обследование, прежде чем завести ребенка. Можно даже несколько, если собираешься посвятить жизнь только им. В среднем все равно получится не больше двух-трех, так как слишком многие не хотят или не могут обзаводиться детьми. Важно лишь, чтобы в конечном счете каждых двух родителей в каждом новом поколении сменяли двое других. Если только один — неизбежна выморочность. Если десяток беспризорных — неизбежна социальная катастрофа.

Экология требует разнообразия. Если на земле останутся только русские или только китайцы или любой другой народ — это будет катастрофическое обеднение генофонда и начало конца популяции. Поэтому необходимо холить и лелеять культуру возможно большего числа народов — кроме диких пережитков, разумеется.

Хотя горький опыт показал, что к настоящему времени на земле осталось несколько народов, без которых человечеству было бы лучше.

Все остальное в земной флоре и фауне тоже жестко диктует Ее Величество Экология. Как бы отвратительно ни выглядело болото, его нельзя осушать чрезмерно, так как начнут (уже начали!) пересыхать реки, а луга превратятся в полупустыни. Как бы печально ни выглядела пустыня, ее нельзя сплошь заменять джунглями, так как в пустыне — свой собственный мир,

свой особый симбиоз растений и животных. Необходимо как можно больше заповедников, заказников, зон «щадящего режима», чтобы, не дай Бог, не нарушить естественных природных балансов, на которых держится Земля. Да еще с учетом, что Земля вообще и земная поверхность в особенности очень изменчива. И к каждому изменению надо заблаговременно приспособляться либо его вовремя предотвращать.

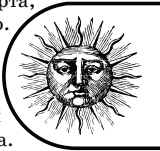
Еще один сюрприз: человечество, как мы уже говорили, не может каждые пять-семь лет удваивать производство и потребление энергии. Да, такое было во второй половине XX века, но обернется катастрофой в XXI. Даже если овладеем термоядерной энергией. Значит, необходимо расселение с пешеходной доступностью мест работы, покупок, отдыха. Значит, необходима минимизация моторного транспорта, умение ценить и экономить каждую калорию. Любой моторный туризм — хулиганство, энергетическое ограбление детей и внуков. Только кеды и рюкзак, лыжи и коньки, весла и парус, велосипед и планер. Никакого «отопления улицы». Никакого «освещения» дневного света. Экологически чистые генераторы энергии: солнечные батареи, ветряки, волновые и приливные ГЭС, миниГЭС в ручьях и малых реках, подземное тепло, разница температур, земное электричество, земной магнетизм.

А чем заниматься людям, скинув лыжи или спрыгнув с велосипеда? Тем, для чего Господь создал человека: научно-техническим, художественно-эстетическим и этическим творчеством.

В том, другом и третьем случае имеется в виду самый широкий диапазон.

В научно-техническом творчестве — от новой научной теории до уборки своего жилья.

В художественно-эстетическом творчестве — от попыток превзойти лучшие образцы литературного,

драматического, музыкального, изобразительного, архитектурного искусства до активного и пассивного участия в художественной самодельности (в этом смысле, уметь видеть и слышать Прекрасное — тоже творчество).

В этическом творчестве (самом трудном) — налаживать гармоничные отношения с близкими и не особенно близкими людьми. Памятуя, что Дружба и Любовь (обе с большой буквы, потому что имеются в виду только настоящие) — это, по сути, повседневное творчество, потому что без них жизнь — это всего лишь прозябание, даже если она благополучна.

Такое творчество может разнообразиться веками и тысячелетиями — как раз в масштабах существования человечества.

А галактики и метагалактики, миллионы и миллиарды лет давайте оставим упорядоченным информационным сетям — это не наш, это их мир.

Международная академия исследований будущего
Академия прогнозирования

Бестужев-Лада Игорь Васильевич

Очень уж краткая
**ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**
с древнейших времен до наших дней
и даже несколько дольше

Ответственный за выпуск *О. П. Бардова*
Дизайн, верстка *Б. Д. Шульгин*
Редактор *Л. С. Климович*
Корректор *Ю. В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Издательский центр: +7 (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Тираж 1000 экз.

Бестужев-Лада И. В.

Б537 Очень уж краткая история человечества с древнейших времен до наших дней и даже несколько дольше / И. В. Бестужев-Лада. — М.: Институт экономических стратегий, 2007. — 224 с.

ISBN 978-5-93618-135-1

Книга эта — попытка философско-социологического осмысления истории Земли и человечества. Языком публициста излагаются господствующие в современной науке теории о происхождении Земли и жизни на ней, об особенностях социальной организации первобытной общины, цивилизаций Древнего мира, античной цивилизации, породившей современную западную и нашу евразийскую. Особо рассматриваются эпохи Средневековья, Возрождения (Ренессанс) и упадка (декаданс), глобальные проблемы человечества в XX — начале XXI века и технологические прогнозы решения этих проблем в обозримом будущем ближайших двух-трех десятилетий.

Книга не является ни учебником истории, ни философским трактатом. Просто — книга для чтения, написанная историком и социологом, рассчитанная на самый широкий круг читателей и прежде всего на лиц, принимающих решения.

УДК 930.85
ББК 63.3:60.5